

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

На правах рукописи

Трофимов Владимир Алексеевич

**РЕГИОНАЛЬНАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Специальность 5.5.2 – Политические институты, процессы,
технологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
Кандидат психологических наук, доцент
Гаджиева Рукият Гаджиевна

Москва - 2025

Оглавление

Введение	3
 Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В ФОКУСЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	26
1.1 Устойчивое социально-политическое развитие региона в контексте этнополитических процессов	26
1.2 Региональная национальная политика РФ: концептуальные и институциональные основания	51
 Глава 2. ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РФ	73
2.1 Демографическое и этнополитическое положение на российском Дальнем Востоке в разрезе региональной национальной политики РФ.....	73
2.2 Дальневосточная региональная идентичность и дальневосточный социум в контексте национальной политики РФ.....	92
 Глава 3. УСТОЙЧИВОЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ	111
3.1. Сахалинская область как этнополитическое пространство и региональное сообщество	111
3.2 Проблемы устойчивого социально-политического развития Сахалинской области в контексте региональных этнополитических процессов	125
3.3. Деятельность органов власти и общественных институтов Сахалинской области в сфере региональной национальной политики.....	141
 Заключение	157
 Библиография	163

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современном мире, характеризующимся интенсивными демографическими и в особенности миграционными процессами, носящими часто трансграничный характер и ведущими зачастую к изменениям этнической и конфессиональной структуры населения, как целых стран, так и отдельных регионов, а также усложнением и интенсификацией этнополитических процессов, проблема межнациональных отношений приобретает особую важность и актуальность. Не менее актуальна эта проблема и для современной России, которая всегда была полиэтничным и многоконфессиональным государством, а в последние десятилетия испытывает на себе еще и активное воздействие со стороны миграционных потоков, носящих, как правило, явно выраженный этнический характер, из других стран, граждане которых зачастую обладают сильно отличными менталитетом и культурой.

Все эти факторы, особенно в совокупности, таят в себе значительные потенциальные риски и угрозы для политической стабильности и устойчивого развития как России в целом, так и на уровне ее отдельных регионов. Недаром глава нашего государства В.В. Путин особо отметил, что «национальное согласие, межнациональное благополучие, межэтнический мир, гармония – это определяющие вопросы для нашего общества, для целостности Российского государства. По сути, это основа для стабильного и суверенного развития России, для решения долгосрочных задач в экономике, в социальной сфере, в государственном строительстве, во внешней политике. И все шаги, предпринимаемые в сфере межнациональных, межэтнических отношений, должны быть точно выверены, приняты обществом и эффективно реализованы. Цена ошибок, непоследовательных действий исключительно высока».¹

¹ См. Встреча с членами Совета по межнациональным отношениям. 9 июня 2012 года // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/15609>

Все вышеозначенные проблемы, связанные с поддержанием позитивных межнациональных отношений и регулированием этнополитических процессов, относятся к ведению национальной политики, осуществляемой как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных российских регионов. При этом региональная национальная политика приобретает особое значение, потому как именно на ее уровне происходит процесс отладки общих механизмов государственной национальной политики и их подстройки под специфику конкретных субъектов РФ.

В этой связи как Дальневосточный регион в целом, так и Сахалинская область, в особенности, не представляют собой исключения из сформировавшихся в мире и России общих трендов в сфере как миграционных, так и этнополитических процессов, а также в области социально-политического развития. Сахалинская область является полиэтничной и поликонфессиональной, она испытывает на себе воздействие мощных входящих и исходящих миграционных потоков, в том числе и из других стран, в основном государств постсоветского пространства, что, в свою очередь, актуализирует необходимость формирования и проведения в ней активной региональной национальной политики, призванной обеспечить не только межнациональный мир и согласие, но в том числе и ее устойчивое социально-политическое развитие.

Необходимо также отметить, что на сегодняшний день в современной российской политической науке наблюдается общий недостаток научных работ, рассматривающих и анализирующих различные социально-политические процессы, происходящие на Сахалине. При этом в рамках научных специальностей, непосредственно относящихся к политическим наукам, полностью отсутствуют монографические и диссертационные исследования, освещающие различные аспекты национальной политики, проводимой в Сахалинской области, в том числе и на региональном уровне. В этом свете актуальность избранной автором темы исследования связана, в том числе, и с заполнением вышеозначенной существующей академической

лакуны, что в свою очередь также побудило диссертанта к проведению этого научного исследования и написанию данной диссертационной работы.

Степень научной разработанности проблемы. Проблема формирования и осуществления региональной национальной политики в дальневосточных субъектах РФ, в частности в Сахалинской области, и особенностей ее влияния на процесс устойчивого социально-политического развития данного региона являет собой интегральную и многоаспектную проблему, входящую в исследовательскую сферу множества как гуманитарных, так и общественных наук: политологии, регионоведения, истории, этнологии, социологии и экономики, что в свою очередь приводит к целесообразности применения в рамках данной диссертации компонентов междисциплинарного подхода.

В огромном количестве общих и специальных источников по этой проблематике нужно выделить в первую очередь труды общетеоретической направленности российских ученых (В.А. Тишков, Р.Г. Абдулатипов, В.А. Михайлов, В.Ю. Зорин, С.А. Орешкин, В.А. Ачкасов, Ю.П. Шабает)² и их зарубежных коллег (А. Фоксалл, А. Хастингс, Э. Хобсбаум, А. Виммер, Э. Смит, Б. Андерсон, Э. Геллнер, Дж. Ротшильд)³, посвященные национальной политике и этнополитологии. В этой связи отдельного внимания также заслуживают и работы по российской региональной национальной политике

² См. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2019; Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб.: Питер, 2004; Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М.: «Этносоциум», 2016; Абдулатипов Р. Г., Михайлов В.А. Судьбы народов России в XXI веке. Стратегия государственной национальной политики. М.: Эпоха, 2013, Зорин В.Ю. Орешкин С.А., Государственная национальная политика России: от традиций к инновациям / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. № 269 М.: ИЭА РАН, 2019; Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики // Этносоциум, 2018 №4, С. 158-176; Зорин В. Российская этнополитика на современном этапе: традиции и инновации // Вестник Российской нации, 2019 № 2, С. 9-33; Ачкасов В.А. Этнополитология. М.: Юрайт, 2015

³ См. Foxall A. Ethnic Relations in Post-Soviet Russia. Routledge, 2014; Hastings A. The Construction of Nationhood. Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge University Press, 1997; Hobsawm E. Nations and Nationalism. Since 1780: Program, Myth, Reality. Cambridge. 1990; Nationalism and national identities / Edited by Martin Bulmer and John Solomos. Routledge, 2012; Wimmer A. Nation Building. Why Some Countries Come Together While Others Fall Apart. Princeton University Press, 2018; Rothschild J. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. Columbia University Press, 1981; Gellner E. Nations and nationalism. Cornell University Press, 1983; Smith A. Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge: Polity, 1995; Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., Праксис, 2004; Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2001

таких авторов как Е.Г. Маклашова, О. Кульбачевская, Ю.П. Шабает, О.А. Рудецкий.⁴ Различные аспекты участия институтов гражданского общества в национальной политике в свою очередь были описаны Ю.А. Мельницкой, М.А. Омаровым, М. Каменских.⁵

Исследованию социальной и политической сущности регионов посвящены работы С. Барзилова, А.А. Киреева, А. Чернышова, А. Пасси, Б. Хеттне.⁶ В свою очередь проблема регионов в разрезе концепции устойчивого развития нашли свое место в трудах А.А. Горелкина, Т.В. Усковой, Е.В. Исаковой, В.П. Лонгвиненко.⁷

Изучение различных аспектов этнополитических процессов заняло важное место в исследованиях таких советских и российских ученых как Ю.В. Бромлей, Э.А. Паин, Д.В. Драгунский, Т.Н. Кочкаева, Д. Давуров,⁸ а

⁴ См. Маклашова Е.Г. Сравнительный анализ региональных концепций формирования государственной национальной политики России // Регионоведение, 2015 № 2, С. 168-177; Кульбачевская О. Опыт реализации государственной национальной политики в регионах России // Вестник Российской нации, 2017 № 2, С. 125-137; Шабает Ю.П., Омаров М.А. Регионализм и этничность в России: историческая эволюция и современные политические практики. М.: Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, 2021; Шабает Ю.П. Государственная национальная политика России: правовой и доктринальный уровни и их согласованность с региональными политическими практиками // Вестник Российской нации, 2018 № 3, С.15-37; Рудецкий О.А. Концептуализация этнической политики современной России (национальный и региональный аспекты) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2019 №4, С. 143-147

⁵ См. Мельницкая Ю.А. Государственно-общественное партнерство в сфере межнациональных отношений // Власть и управление на Востоке России. 2018 №1, С.85-93; Зорин В., Каменских М. Роль общественных палат в укреплении межнационального и межконфессионального согласия в современной России // Вестник Российской нации, 2021 Спецвыпуск, С. 16-27; Омаров М.А. Институты гражданского общества и их роль в сохранении межнационального мира // Вопросы этнополитики. 2018 №1, С. 23-30

⁶ См. Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Кузнецов А.М., Ярулин И.Ф. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1; С. 67-76.; Барзилов С., Чернышев А. Регион как политическое пространство // Свободная мысль. 1997. № 2, С. 3-13; Paasi A. The Region, Identity, and Power // Procedia - Social and Behavioral Science, 2011, Vol.14 №1, P. 9-16; Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // Регионалистика. 2014 Том 1. №1, С. 18-32; Hettne B., Inotai A. The new regionalism: implications for global development and international security. Helsinki: The United Nations Univ., 1994

⁷ См. Горелкин А.В. К проблеме выделения социально-политических критериев устойчивого развития региона // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 12. Ч. 2; Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда. 2009; Исакова Е.В. Устойчивое развитие территорий: социально-философский и геоэкологический аспекты. Новокузнецк. 2019; Лонгвиненко В.П. Теоретико-методологические и практические аспекты устойчивого развития регионов // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. Вып. 13 Ч. 2. С.119-122

⁸ См. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987; Паин Э.А. Этнополитические процессы в модернизирующемся мире. М., 2017; Давуров Д. Этнополитический процесс в современной России: понятие, факторы влияния // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. №1, С. 96-99; Драгунский Д.В. Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция Северной Евразии // Полис, 1995. № 3, С. 36-45; Кочкаева Т.Н. Политико-административное управление этническими отношениями и этнополитическими процессами // Социально-гуманитарные знания. 2015. №12, С 115-124

особенности их протекания на региональном уровне нашли свое отражение в публикациях Е.С. Карсановой, Л.А. Смагиной, Н.А. Барышной.⁹

Достаточно много научных публикаций посвящено различным проблемам развития российского Дальнего Востока. Так, в частности, демографические проблемы его развития описаны в работах Е.Л. Мотрич, С.Н. Найдена, М.А. Грицко, С.В. Перелыгина, Л.С. Ржаницыной,¹⁰ а изучение миграционных процессов в Дальневосточном регионе представлено трудами А.С. Ващук, О.Н. Николайчук, Л.Н. Гарусовой, В.Ю. Леденевой, А.А. Зыкова.¹¹

Общее состояние национальной политики на Дальнем Востоке, а также различные аспекты ее осуществления в данном регионе нашли свое отражение в публикациях Н.В. Михайловой, Д.Ц. Будаевой, Е.Ю. Долгополова, Е.Г. Маклашовой.¹²

Отдельный блок исследований представлен изучением дальневосточной идентичности и ментальности, и здесь можно выделить таких авторов как Л.Е. Бляхер, Д.Ю. Знаменский, Е.Н. Соколова, А.В. Михалев.¹³

⁹ См. Карсанова Е.С. Этнополитический фактор в современных социально-политических процессах юга России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2011. №2, С.91-101; Смагина Л.А. Этнополитические процессы в условиях развития регионализации // Власть. 2015. №9, С.33-38; Барышная Н.А. Этнополитические процессы на региональном уровне: анализ и управление: автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02. Саратов. 2007

¹⁰ См. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Хабаровск: ДВО РАН, 2006; Мотрич Е.Л., Найдено С.Н. Формирование постоянного населения в опорных городах Приморского края и южной зоны Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2014. №4; Найдено С.Н., Грицко М.А. Социальный потенциал устойчивого развития Дальнего Востока: демографические и инфраструктурные ограничения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2017. №4, С. 102-109; Перелыгин С.В. Государственная политика России по управлению демографическими процессами на Дальнем Востоке в 1991–2015 гг. // Ойкумена. 2016. №1, С.95-101; Ржаницына Л.С. Застаревшие демографические проблемы Дальнего Востока // Федерализм. 2015. №3, С. 161-174

¹¹ См. Николайчук О.Н. Дальний Восток России. От депрессивного региона к территории будущего. М.: ИНФРА-М, 2020; Гарусова Л.Н. Международная миграция в современной России: дальневосточный контекст // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета, 2014 №4, С.9-22; Леденева В.Ю. Конфликтогенные факторы миграции: специфика Дальневосточного федерального округа // Вопросы этнополитики. 2020 №3, С. 80-90; Зыков А.А. Дальний Восток России на перекрестке трансграничных миграционных потоков Евразии // Ойкумена. 2014 №4, С.26-34; Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002

¹² См. Довгополов Е.Ю. Объективные предпосылки институционализации национальной (этнической) политики на Дальнем Востоке России // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016 №1, С. 21-28; Маклашова Е.Г. Региональные особенности реализации государственной национальной политики на Дальнем Востоке: правовой аспект // Теории и проблемы политических исследований. 2016 №3, С. 212-225; Михайлова Н.В., Будаева Д.Ц. Реализация Стратегии государственной национальной политики в Дальневосточном федеральном округе: проблемы и перспективы // Власть. 2023 Том 31. №4, С. 22-29

¹³ См. Карсанова Е.С., Знаменский Д.Ю. Идентичность в национальном и региональном измерении // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2021 Выпуск 1, Том 11, С.114-127; Бляхер Л.Е. Дальний Восток России: в поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. №3, С. 102-

В свою очередь различные аспекты проблемы этнополитической напряженности на Дальнем Востоке были исследованы А.М. Кузнецовым, И.Ф. Ярулиным, О.В. Лободой, А.С. Кимом, Т.В. Пономаренко.¹⁴

Говоря о научных исследованиях, посвященных различным аспектам развития Сахалинской области нужно в первую очередь отметить блок работ, в которых описаны исторические аспекты колонизации и заселения Сахалина и Курильских островов, а среди ученых отметить М.В. Гридяеву, А.А. Василевского, В.В. Щеглова, В.Л. Подпечникова.¹⁵

Отдельного внимания заслуживают труды Ю.И. Дин, А.Т. Кузина, Пак Сын Ы, Бок Зи Коу по различным аспектам жизни сахалинских корейцев,¹⁶ а также исследования А.С. Бурова, Н.И. Новиковой, В.В. Степанова, А.В. Ахметовой, Л.И. Миновой по проблемам коренных малочисленных народов Сахалинской области.¹⁷

118; Соколова Е.Н. «Дальневосточники»: роль идентичности в процессах развития макрорегиона // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013 №1, С.135-143; Михалев А.В. Трансформация системы политических символов на Дальнем Востоке России в XXI веке // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3, С. 227-236

¹⁴ См. Кузнецов А.М. Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы // Ойкумена. 2012 № 1, С. 67-79; Лобода О.В., Ярулин И.Ф. Этнический сдвиг на Дальнем Востоке России // Регионалистика. 2014, С.33-48; Межэтнические и межконфессиональные отношения в Дальневосточном федеральном округе (по материалам социологических исследований): препринт / И.Ф. Ярулин [и др.]. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2014; Ким А.С., Пономаренко Т.В. Реализация стратегии государственной политики на Дальнем Востоке: конфликтологический аспект (на примере Хабаровского края) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015 №2, С. 165-169; Ярулин И.Ф., Лобода О.В. «Новое» освоение Дальнего Востока: к постановке проблемы этнического сдвига // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2013, №4, С. 128-135

¹⁵ См. Гридяева М.В. Остров Сахалин во второй половине XIX – начале XX века: административное устройство и управление. Южно-Сахалинск, 2008; История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия: Учебное пособие / М.С. Высоков, А.А. Василевский, А.И. Костанов, М.И. Ищенко. Южно-Сахалинск: Сахал. кн. изд-во, 2008; Щеглов В.В. Опыт сахалинских переселений (1853-2002 гг.) Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2019; Подпечников В.Л. На берегах Сахалина: Ист.-краевед. Очерки. Южно-Сахалинск: Сахал. кн. изд-во, 2001

¹⁶ См. Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск, 2015; Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев: монография: в 3-х книгах. Южно-Сахалинск: Сахал. кн. изд-во, 2010; Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск., 1993; Пак Сын Ы. Сахалинские корейцы в поисках идентификации. М., 2019

¹⁷ См. Буров А.С. Актуальные аспекты государственной политики устойчивого развития коренных народов Севера в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2022 Выпуск 4, Том 12, С. 1419-1430; Новикова Н.И., Степанов В.В. Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. № 217 М.: ИЭА РАН, 2010; Ахметова А.В. Власть и этнос: социальная политика советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока (1925-1985 гг.). Владивосток: Дальнаука, 2013; Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина / Под редакцией Д.А. Функа. М.: ООО «Издательство «Демос», 2015; Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. ИЭА РАН. М.: Наука, 2006

Вопросами изучения сахалинского социума и сахалинской региональной идентичности занимаются такие ученые как Т.Г. Троякова, А.И. Козинец, Ж.М. Баженова, Г.Г. Ермак, А.Б. Островский, Н.В. Потапова¹⁸, а проблема этнической миграции в Сахалинской области в различных ее измерениях нашла свое место в исследованиях Ю.К. Ахатова, А.Т. Конькова, А.Н. Кима, Г.В. Боровского.¹⁹

Как мы видим, существует достаточно большое количество работ по различным аспектам российской национальной политики, проблемам развития Дальнего Востока и Сахалинской области. В то же время существует определенная лакуна в работах, посвященных целенаправленному и комплексному анализу Сахалинской области в качестве этнополитического пространства, а также осуществлению в ней региональной национальной политики. Безусловно, существуют отдельные публикации по данной тематике, но они носят, как правило, публицистический характер, и представляют из себя в основном статьи в различных периодических изданиях, в то время как диссертации и монографии по этой теме отсутствуют. Как раз на заполнение этой лакуны и нацелено наше диссертационное исследование.

Объектом исследования является изучение устойчивого социально-политического развития Сахалинской области в контексте национальной политики.

¹⁸ См. Троякова Т.Г., Козинец А.И. Некоторые факторы формирования региональной идентичности на примере Сахалинской области // Ойкумена. 2014 №4, С.47-62; Баженова Ж.М., Ермак Г.Г. К вопросу об этничности населения фронтальных территорий (на материалах о-ва Сахалин) // Россия и АТР. 2018. № 4, С. 57-74; Потапова Н.В. Этническая самоидентификация населения Сахалинской области в конце XX - начале XXI в. // Россия и АТР. 2023 №4, С. 80-95; Островский А.Б. Сахалинские корни: актуальные формы этнокультурной идентичности. СПб. 2023

¹⁹ См. Ахатов Ю.К. Этнический мигрант сахалинской области. Социологический портрет // Политика и общество. 2012. № 11, С. 99-115; Коньков А.Т. Проблема интеграции этнических мигрантов на Дальнем Востоке России и её особенности в Сахалинской области // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2015. № 1, С.206-220; Ким А.Н. Этническая миграция в Сахалинской области глазами жителей Южно-Сахалинска // Вторые краеведческие чтения (памяти А. К. Клитина). Южно-Сахалинск, 2021, С. 109-117; Боровской Г.В. Проблемы межэтнического взаимоотношения этнических мигрантов и местного населения в Сахалинской области (социологический анализ) // XLIII Научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и сотрудников Сахалинского государственного университета. Южно-Сахалинск: Издательство СахГУ, 2014, С.21-33

Предметом исследования является изучение формирования и осуществления региональной национальной политики в Сахалинской области, а также места и роли в этих процессах различных региональных властных и общественных институтов.

Цель исследования - рассмотреть региональную национальную политику, проводимую в Сахалинской области, в качестве механизма комплексного регулирования этнополитических процессов, происходящих на ее территории и представляющих угрозу для устойчивого социально-политического развития региона, а также попытаться выявить и проанализировать некоторые общие закономерности протекания этнополитических процессов в данном субъекте РФ в контексте формирования и реализации национальной политики в Российской Федерации.

Для осуществления намеченной цели предполагается решить целый ряд обозначенных ниже **задач**:

- рассмотреть основные теоретические подходы и трактовки проблемы устойчивого социально-политического развития региона, в том числе в контексте этнополитических процессов, а также сформулировать авторскую концепцию данной проблемы;
- проанализировать региональную национальную политику, существующую в РФ, а также рассмотреть ее концептуальные и институциональные основания;
- изучить демографическое и этнополитическое положение на российском Дальнем Востоке сквозь призму региональной национальной политики РФ;
- исследовать дальневосточную региональную идентичность и дальневосточный социум в контексте национальной политики РФ;
- рассмотреть Сахалинскую область в качестве этнополитического пространства и определить специфику его регионального сообщества;

- выявить и изучить проблемы устойчивого социально-политического развития Сахалинской области, вытекающие из особенностей существующих на ее территории этнополитических процессов;
- проанализировать деятельность органов власти и общественных институтов Сахалинской области в сфере региональной национальной политики.

Основная гипотеза исследования. Диссертант исходит из того, что региональная национальная политика, проводимая в Сахалинской области, оказывает большое влияние на структурирование этнополитического пространства области, активно регулирует и стабилизирует этнополитические процессы, протекающие на ее территории, а также всячески содействует формированию в ней региональной и общероссийской гражданской идентичности, предупреждая и предотвращая (или минимизируя) тем самым возникновение различных этнополитических рисков и угроз для политической стабильности региона, и способствуя в этом плане устойчивому социально-политическому развитию Сахалинской области. В связи с этим эффективность и успешность проводимой в данном дальневосточном регионе национальной политики, нацеленной на формирование и поддержание позитивного баланса межнациональных отношений, напрямую зависит не только от продуманной и продуктивной политики региональных органов власти, но и от активной созидательной деятельности различных общественных институтов, и в особенности от их совместного плодотворного взаимодействия.

Теоретическая основа исследования. В процессе работы над означенной научной темой диссертантом была сформулирована и представлена авторская концепция (теоретическая модель) исследования, базирующаяся на совокупности различных научных теорий и концепций, оформившихся в рамках современных социальных и гуманитарных наук, и применяемых в контексте комплексного междисциплинарного исследовательского подхода. В частности, большое влияние на данное

диссертационное исследование, особенно в его концептуальном и теоретико-методологическом аспекте, оказали конструктивистские и инструменталистские подходы к изучению и осуществлению национальной политики. Также важное место в исследовании и формировании авторской исследовательской модели заняли различные теории политических процессов, теории этнополитических процессов (Ю. Бромлей, Э. Паин), теории этнополитического пространства (Л. Савинов, Н. Черемин, И. Рябков), теории систем, вообще, и, в частности, теория политических систем Т. Парсонса, теория «коллективной идентичности» Э. Смита и теория «коллективного поведения» Т. Парсонса. Можно выделить также следующие ключевые концепции, на которых в теоретическом плане базируется данное научное исследование: концепции «нового регионализма», концепция «многосоставных обществ» А. Лейпхарта, «коммуникативная концепция» К. Дойча, «нормативно-ценностная концепция» М. Вебера.

Методологическая основа исследования. Тема нашей диссертации оказывается в центре внимания сразу нескольких исследовательских школ и направлений, действующих в предметном поле различных социальных и гуманитарных наук. Поэтому для ее изучения диссертантом был избран междисциплинарный подход, который, по нашему мнению, в силу своего комплексного характера, способен наиболее эффективно и полно решить поставленные в ходе данного исследования цели и задачи. Междисциплинарный, а также системный характер исследуемой проблемы обозначил необходимость подбора и определенного методологического инструментария, заключающего в себе методы и подходы институционального и неинституционального, нормативного, ценностно-нормативного, структурного, системного, структурно-функционального, а также культурологического и сравнительного анализа.

Так институциональный и неинституциональный подходы послужили основой для анализа особенностей деятельности различных властных и общественных политических институтов, участвующих в формировании и

реализации государственной национальной политики на различных уровнях, в том числе и на региональном. Нормативный анализ позволил определить и выделить нормативную базу региональной национальной политики (в том числе и сахалинской), проанализировать особенности ее законодательного и правового обеспечения, очертить круг обязанностей и полномочий федеральных, региональных и местных органов власти в этой области.

Использование системного анализа позволило рассмотреть автору российскую региональную национальную политику и ее сахалинскую ипостась, в частности, в качестве сложного комплексного многосоставного явления, сложившегося и функционирующего во взаимосвязи, взаимодействии и взаимозависимости различных политических отношений, институтов и процессов. Применение системного подхода также дало возможность исследовать регион как социально-политическую систему, функционирующую в полиэтнической социально-культурной среде и испытывающую на себе активное воздействие различных этнополитических процессов. Структурный анализ применялся для изучения общей сложившейся структуры и связанных с этим особенностей российской государственной национальной политики в целом, а также ее отдельных компонентов и сегментов, выявления специфики построения социально-политических институтов, функционирующих в данной сфере. Структурно-функциональный анализ использовался нами для изучения места и роли различных властных и общественных институтов в системе как общероссийской государственной, так и региональной национальной политики (в, частности, в Сахалинской области), а также анализа их функций, полномочий и компетенций в данной сфере.

Культурологический метод был применен для изучения как собственно дальневосточной региональной (в том числе и собственно сахалинской) идентичности, так и общероссийской гражданской идентичности в данном регионе, а также особенностей дальневосточной (проточной) политической культуры, что позволило выявить и проанализировать их сущность и

специфику на российском Дальнем Востоке вообще, и в Сахалинской области в частности. Для исследования ценностного измерения данных явлений и их регуляторного потенциала в сфере региональной национальной политики также применялся и ценностно-нормативный анализ. Сравнительный анализ использовался, в частности, для изучения различных доминирующих парадигм и подходов к осуществлению региональной национальной политики, применяющихся в различных субъектах РФ, а также рассмотрения сложившихся в них основных тенденций данной сфере в определенном компаративном ключе.

Методы исследования. В рамках данной работы диссертант применяет целый комплекс исследовательских методов. В диссертации нашли свое воплощение как общенаучные методы, в числе которых - мышление по аналогии, синтез, анализ, дедукция, индукция, так и целый ряд специальных. Среди последних особое место занимают эмпирические методы: метод case study, контент-анализ, анализ вторичных данных социологических исследований, ивент-анализ, анализ различных нормативно-правовых актов, а также изучение общенациональной и региональной статистики, мониторинг электронных и печатных СМИ, кабинетные исследования и личные наблюдения автора (в том числе и метод автоэтнографии).

Представленное диссертационное исследование в значительной мере основано на применении эмпирических методов анализа, которые являются основой использованной комплексной методологии исследования. Метод case-study в данном случае является краеугольным, поскольку именно на его основе происходило раскрытие предмета – рассмотрение специфики формирования и осуществления региональной национальной политики в Сахалинской области. Наиболее ярко выражено данный метод нашел свое применение в третьей главе данной диссертации. Не менее значимым стал и использованный в данной работе метод автоэтнографии (включенного наблюдения). На основе его удалось не только пронаблюдать на месте, будучи «аборигеном» и человеком, включенным в региональную

«полиэтническую среду», многие аспекты осуществляемой в Сахалинской области национальной политики, но и собрать «первичные» эмпирические данные путем проведения серии неформализованных «глубинных» интервью с представителями различных этнических групп, проживающих на Сахалине. В работе также представлен контент-анализ, который, который автор, в частности, использовал при анализе региональных печатных и электронных СМИ Сахалинской области – газет и журналов, также новостных и информационных порталов. Ивент-анализ, примененный в рамках данного исследования, был использован автором при анализе общих событий и конкретных мероприятий в сфере национальной политики, имевших место в Сахалинской области и проводившихся государственными и/или общественными институтами.

Эмпирическая база исследования данной диссертационной работы включает в себя большой диапазон различных по своей сути и содержанию документов и источников, охватывающих как собственно вопросы национальной политики, так и некоторые другие тесно связанные с ней сферы, в частности демографию и миграцию. В нее нашли свое место нормативно-правовые акты как федерального, так и регионального уровня, концепции и стратегии национального и регионального развития; данные российской федеральной и региональной (и, прежде всего, сахалинской) статистики; материалы и результаты различных вторичных социологических исследований; данные и материалы различных печатных и электронных СМИ – газет, журналов, сайтов, а также различных новостных и информационных порталов, в том числе и порталов российских федеральных и региональных органов государственной власти.

Научная новизна представленного диссертационного исследования заключается в выработке общих оснований конкретной теоретической модели, отображающей характер, а также специфику влияния и воздействия региональной национальной политики на процесс устойчивого социально-политического развития дальневосточного региона, в нашем случае

Сахалинской области. Данная научная работа также заполняет определенную сложившуюся в рамках российской политической науки лакуну, в комплексном и системном исследовании Сахалинской области в качестве этнополитического пространства и региональной национальной политики, проводимой в ней.

На основе выше означенного основные научные результаты, полученные лично автором, заключаются в следующем:

- Автором установлено, что устойчивое социально-политическое развитие региона в контексте этнополитических процессов представляет собой стабильное, эволюционное и последовательное развитие региона как динамичной социально-политической системы, находящейся в полиэтнической среде и испытывающей на себе воздействие различных и часто разнонаправленных этнополитических процессов. При этом важное место в обеспечении этого устойчивого развития региона отводится именно национальной политике, проводимой не только на общегосударственном, но особенно на региональном уровне, где как нигде важен глубокий учет местной специфики и некоторых особенностей конкретного региона.
- Выявлено, что региональная национальная политика РФ, по сути, является практически полным, зеркальным отражением на региональном уровне федеральной государственной национальной политики - ее целей, идей, принципов, доктрин и постулатов, а ее самостоятельность носит довольно ограниченный характер и это проявляется не только на концептуальном, но и на институциональном уровне. При этом национальная политика как федерального, так и регионального уровня, в концептуальном плане представляет собой, синтез конструктивистского и инструменталистского подходов, соотношение которых в отдельных регионах во многом зависит от того, построены они на административно-территориальном или национально-территориальном принципе.
- Установлено, что на современном российском Дальнем Востоке демографические и миграционные процессы, ведущие к «этническому

сдвигу», носят явно выраженный этнополитический характер, и поэтому являются по своей сути не столько чисто социальными, сколько именно политическими, имеющими при этом еще и явно выраженные этнические доминанты. Эти этнополитические процессы оказывают серьезное воздействие на дальневосточное этнополитическое пространство, региональную дальневосточную идентичность и дальневосточные региональные сообщества (в частности, сахалинское), трансформируя и переструктурируя их. В этом ключе социально-политическая и этнополитическая устойчивость Дальнего Востока обеспечивается способностью проводимой в регионе национальной политики эффективно регулировать этнополитические процессы, достигать межэтнического мира и гармонии в межэтнических отношениях, предупреждать и урегулировать конфликты на этнической почве.

- Выявлено, что региональная идентичность, формируемая в том числе и региональной национальной политикой, имеет важное (прежде всего, интегративное) значение в рамках устойчивого развития региона как социально-политической системы, являясь ее неотъемлемым элементом. Дальневосточная региональная идентичность, будучи по своей сути отражением гражданского типа идентичности, является в этом плане также и важным переходным этапом в формировании в данном регионе полноценной общероссийской гражданской идентичности, а ведущая роль в этом процессе принадлежит национальной политике РФ вообще и ее региональной ипостаси, в частности. Дальневосточная идентичность, несмотря на наличие ее различных подвидов (сахалинской, хабаровской, приморской, камчатской и т.д.), представляет из себя единое целое, создающее устойчивую региональную общность - «дальневосточники». При этом дальневосточный социум и дальневосточная региональная идентичность имеют свою собственную специфику, и эти особенности должны учитываться при проведении на Дальнем Востоке и в отдельных его регионах федеральной и региональной национальной политики, так как на них большое воздействие

оказывает сложившаяся здесь так называемая «проточная культура», заметно влияющая также и на многие этнополитические и социально-политические процессы в регионе.

- Установлено, что важным для Сахалинской области, как этнополитического пространства и региональной общности, является оптимальное сочетание общегражданской идентичности с сохранением этнической групповой идентичности. Находясь, как и все остальные дальневосточные регионы, под влиянием дальневосточной «проточной культуры» сахалинское этнополитическое пространство и региональное сообщество в тоже время обладают своей особой этнополитической и этнокультурной спецификой, что находит свое отражение, в частности, в формировании собственной региональной идентичности – «сахалинцы». Сахалинское этнополитическое пространство исторически является полиэтническим и обладает, помимо собственно «общедальневосточной», еще и своей собственной особой социально-политической спецификой, выраженной в высоком адаптационно-интеграционном потенциале в этнополитической сфере и способностью успешно противостоять деструктивным этнополитическим процессам, и только усиливающимися при проведении в области грамотной региональной национальной политики.

- Автор приходит к выводу, что на современном этапе развития основную угрозу этнополитической стабильности и устойчивому социально-политическому развитию Сахалинской области в этнополитической сфере представляет иностранная этническая миграция и связанные с ней комплекс проблем и этнополитических процессов – образование замкнутых диаспор и анклавизация этнополитического пространства области. Данные этнополитические процессы могут привести к серьезному "этническому сдвигу" в регионе, существенному изменению в этнической структуре населения, разрушению устоявшейся системы взаимоотношений и взаимодействия между различными этническими общностями, живущими в островной области, серьезному росту социально-политической

напряженности. Этот комплекс этнополитических проблем и процессов в настоящее время носит в основном латентный и формирующийся характер и еще не проявляет себя в полной мере, но в то же время он является важным фактором, который обладает значительным конфликтным потенциалом, и который в перспективе способен серьезно нарушить оформившийся в области устойчивый этнополитический консенсус, или даже полностью уничтожить сложившийся в Сахалинской области положительный баланс в межнациональных отношениях, если не предпринимать серьезных мер в рамках региональной национальной политики.

- Установлено, что проводимая в Сахалинской области региональная национальная политика не представляется абсолютно автономной, и, по сути, олицетворяет собой калькирование на уровень субъекта федерации концепций и мыслей федеральных органов власти в данной сфере, а ключевыми областями деятельности в ходе ее проведения в островной области являются, кроме осуществления цели, сопряженной с созданием общероссийской гражданской идентичности, вопросы, касающиеся взаимодействия с коренными малочисленными народами, а также с мигрантами, особенно в контексте их адаптации и интеграции в региональное сообщество. Вместе с тем, несмотря на то, что в деятельности органов государственной власти Сахалинской области и общественных институтов в области национальной политики в настоящее время существует видимый недостаток определенной комплексности, согласованности, взаимодополняемости и системности взаимодействия, и вдобавок наличествуют явные проблемы в координировании совместной работы по совершенствованию межнациональных отношений в островной области, и построению в регионе межнационального мира и согласия, региональная национальная политика в настоящее время является важным фактором обеспечения устойчивого социально-политического развития Сахалинской области.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Устойчивое социально-политическое развитие региона в контексте этнополитических процессов, представляет собой стабильное, эволюционное и последовательное развитие региона как динамичной социально-политической системы, находящейся в полиэтнической среде и испытывающей на себе воздействие различных и часто разнонаправленных этнополитических процессов. При этом важное место в обеспечении этого устойчивого развития региона отводится именно национальной политике, проводимой не только на общегосударственном, но особенно на региональном уровне, где как нигде важен глубокий учет местной специфики и некоторых особенностей конкретного региона.
2. Региональная национальная политика РФ, по сути, является практически полным, зеркальным отражением на региональном уровне федеральной государственной национальной политики - ее целей, идей, принципов, доктрин и постулатов, а ее самостоятельность носит довольно ограниченный характер. Это проявляется не только на концептуальном, но и на институциональном уровне, так как региональные концепции (стратегии) и региональные политические институты, отвечающие за национальную политику, являются в основном точным калькированием соответствующих документов и институтов федерального уровня. Современная российская национальная политика, нашедшая свое отражение в «Стратегии национальной государственной политики» и транслируемая на региональный уровень, в концептуальном плане представляет собой, синтез конструктивистского и инструменталистского подходов. Но при этом в субъектах, созданных на национально-территориальной основе, на концептуальном и институциональном уровне доминируют инструменталистские тенденции (акцент на регулирование межнациональных отношений), а в регионах, основанных на административно-территориальных основаниях, наоборот, доминируют

конструктивистские тенденции (акцент на создание региональной и общероссийской гражданской идентичности).

3. На современном российском Дальнем Востоке демографические и миграционные процессы, ведущие к «этническому сдвигу», носят явно выраженный этнополитический характер, и поэтому являются по своей сути не столько чисто социальными, сколько именно политическими, имеющими при этом еще и явно выраженные этнические доминанты. Эти этнополитические процессы оказывают серьезное воздействие на дальневосточное этнополитическое пространство, региональную дальневосточную идентичность и дальневосточные региональные сообщества (в частности, сахалинское), трансформируя и переструктурируя их. В этом ключе социально-политическая и этнополитическая устойчивость Дальнего Востока обеспечивается способностью проводимой в регионе национальной политики эффективно регулировать этнополитические процессы, достигать межэтнического мира и гармонии в межэтнических отношениях, предупреждать и урегулировать конфликты на этнической почве.

4. Региональная идентичность, формируемая в том числе и региональной национальной политикой, имеет важное (прежде всего, интегративное) значение в рамках устойчивого развития региона как социально-политической системы, являясь ее неотъемлемым элементом. Дальневосточная региональная идентичность, будучи по своей сути отражением гражданского типа идентичности, является в этом плане также и важным переходным этапом в формировании в данном регионе полноценной общероссийской гражданской идентичности, а ведущая роль в этом процессе принадлежит национальной политике РФ вообще и ее региональной ипостаси, в частности. Дальневосточная идентичность, несмотря на наличие ее различных подвидов (сахалинской, хабаровской, приморской, камчатской и т.д.), представляет из себя единое целое, создающее устойчивую региональную общность - «дальневосточники». При этом дальневосточный

социум и дальневосточная региональная идентичность имеют свою собственную специфику, и эти особенности должны учитываться при проведении на Дальнем Востоке и в отдельных его регионах федеральной и региональной национальной политики, так как на них большое воздействие оказывает сложившаяся здесь так называемая «проточная культура», заметно влияющая также и на многие этнополитические и социально-политические процессы в регионе.

5. Важным для Сахалинской области, как этнополитического пространства и региональной общности, является оптимальное сочетание общегражданской идентичности с сохранением этнической групповой идентичности. Находясь, как и все остальные дальневосточные регионы, под влиянием дальневосточной «проточной культуры» сахалинское этнополитическое пространство и региональное сообщество в тоже время обладают своей особой этнополитической и этнокультурной спецификой, что находит свое отражение, в частности, в формировании собственной региональной идентичности – «сахалинцы». Сахалинское этнополитическое пространство исторически является полиэтничным и обладает, помимо собственно «общедальневосточной», еще и своей собственной особой социально-политической спецификой, выраженной в высоком адаптационно-интеграционном потенциале в этнополитической сфере и способностью успешно противостоять деструктивным этнополитическим процессам, и только усиливающимися при проведении в области грамотной региональной национальной политики.

6. На современном этапе развития основную угрозу этнополитической стабильности и устойчивому социально-политическому развитию Сахалинской области в этнополитической сфере представляет иностранная этническая миграция и связанные с ней комплекс проблем и этнополитических процессов - образование замкнутых диаспор и анклавизация этнополитического пространства области. Данные этнополитические процессы могут привести к серьезному "этническому

сдвигу" в регионе, существенному изменению в этнической структуре населения, разрушению устоявшейся системы взаимоотношений и взаимодействия между различными этническими общностями, живущими в островном регионе, серьезному росту социально-политической напряженности. Этот комплекс этнополитических проблем и процессов в настоящее время носит в основном латентный и формирующийся характер и еще не проявляет себя в полной мере, но в то же время он является важным фактором, который обладает значительным конфликтным потенциалом, и который в перспективе способен серьезно нарушить оформившийся в области устойчивый этнополитический консенсус, или даже полностью уничтожить сложившийся в Сахалинской области положительный баланс в межнациональных отношениях, если не предпринимать серьезных мер в рамках региональной национальной политики.

7. В настоящее время общее состояние межнациональных отношений в Сахалинской области находится на относительно высоком, позитивном уровне и обладает достаточно большим потенциалом в плане социально-политической устойчивости, и большая заслуга в этом принадлежит не только органам государственной власти и управления области, проводящим региональную национальную политику, но и региональным институтам гражданского общества. При этом проводимая в Сахалинской области региональная национальная политика не представляется абсолютно автономной, и, по сути, олицетворяет собой калькирование на уровень субъекта федерации концепций и мыслей федеральных органов власти в данной сфере, а ключевыми областями деятельности в ходе ее проведения в островной области являются помимо реализации задачи, связанной с формированием общероссийской гражданской идентичности, вопросы, касающиеся взаимодействия с коренными малочисленными народами, а также с мигрантами, особенно в контексте их адаптации и интеграции в региональное сообщество. Вместе с тем, несмотря на то, что в деятельности органов государственной власти Сахалинской области и общественных

институтов в сфере национальной политики пока еще не хватает общей комплексности и системности, и есть определенные проблемы в координации их общих усилий по оптимизации межнациональных отношений в островной области и построению в регионе межнационального мира и согласия, региональная национальная политика в настоящее время является важным фактором обеспечения устойчивого социально-политического развития Сахалинской области.

Теоретическая значимость исследования определена системной, эклектичной, многосторонней междисциплинарной направленностью в изучении региональной национальной политики сквозь призму ее воздействия на устойчивое социально-политическое развитие Сахалинской области, а также ее воздействия на этнополитическое пространство российского Дальнего Востока и протекающих в нем этнополитических процессов. Его ключевые положения и выводы представляют определенный интерес для изучения существующих моделей осуществления и развития региональной национальной политики в РФ вообще, и особенно для изучения специфики этнополитических явлений и процессов, имеющих место в Сахалинской области.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения собранного материала и выводов нашего научного исследования в научно-исследовательской и преподавательской работе, а также практической деятельности, направленных на дальнейшее глубокое изучение данной проблематики. Сформулированные диссертантом в рамках исследования выводы могут одновременно представлять определенный интерес и для работы определенных федеральных и региональных органов власти и управления, в частности в Сахалинской области, деятельность которых направлена на рост эффективности и надежности существующей, как общегосударственном, так и региональном уровне системы управления национальной политикой. На основе сего комплексного и многоаспектного авторского исследования могут быть разработаны определенные

практические предложения по дальнейшему развитию и совершенствованию региональной национальной политики вообще и в Сахалинской области, в частности. Материалы представленного исследования могут представлять значительную пользу при создании и преподавании учебного курса для бакалавров или магистров, проходящих обучение по специальностям «Политология», «Публичная политика и социальные науки», «Регионоведение России», «Государственное и муниципальное управление».

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности. Содержание диссертации соответствует пунктам (направлениям исследований) 5, 8, 11, 21 и 28 паспорта научной специальности 5.5.2. «Политические институты, процессы, технологии».

Апробация результатов исследования. Ключевые положения и выводы диссертационного исследования автора были обсуждены на кафедре национальных и федеративных отношений РАНХиГС. Целый ряд материалов и положений данной работы нашли свое отражение и в виде научных публикаций автора в изданиях, входящих в рекомендованный список ВАК. Автором было опубликовано 6 научных статей в научных журналах рекомендуемых и рецензируемых ВАК Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура работы. Избранные диссертантом цель и задачи данного исследования предрешили и структуру данной диссертационной работы, которая включает в себя введение, три главы, семь параграфов, заключение и библиографию.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УСТОЙЧИВОГО СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В ФОКУСЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

1.1 Устойчивое социально-политическое развитие региона в контексте этнополитических процессов

В условиях современных кризисов, связанных с глобальными процессами в мире все большую актуальность, приобретает проблематика устойчивого развития. Причем эта проблема становится актуальной не только на глобальном и национальном уровне, но и на уровне отдельных регионов. При этом понятие устойчивое развития имеет огромное количество формулировок и измерений, оно активно используется в самых различных общественных сферах, в том числе и в сфере политики и ее производной – политической науке. Как отмечают некоторые ученые, в исследовании процессов устойчивого развития существует сложность, которая состоит в том, что практически все, что происходит в обществе, в той или иной мере может быть отнесено к сфере устойчивого развития.²⁰ Это относится в том числе и к социально-политическим отношениям и процессам. Вообще, по мнению А.В. Горелкина, «понятие устойчивого развития, первоначально получившее распространение в экологии и экономике, в настоящее время все активнее присутствует и при описании социально-политических процессов, в том числе – при анализе проблем социально-политических изменений современности, устойчивости политических систем, эволюции форм социально-политического управления, общих закономерностей процессов модернизации, политического транзита, проблем национальной безопасности».²¹

²⁰ См. То Кен Сик. Системный подход к исследованию процессов устойчивого развития общества: содержание и опыт применения // Устойчивое развитие территории: от теории к практике: сборник материалов международной научно-практической конференции / Сост. Л. Н. Гринько, отв. ред. Е. Н. Лисицына. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. С.68

²¹ См. Горелкин А.В. К проблеме выделения социально-политических критериев устойчивого развития региона // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 12. Ч. 2

В рамках данного параграфа мы будем рассматривать концепцию устойчивого развития в ее социальном и политическом измерениях по отношению к региону, и в контексте воздействия на него различных этнополитических процессов. Таким образом, мы постараемся определить и проанализировать факторы, влияющие на социально-политическую устойчивость региона в условиях активного протекания этнополитических процессов, и то каким образом эти факторы влияют на стабильность или напряженность в регионе.

Одним из таких главных факторов в современных условиях становится этничность. Как отмечает Л.В. Савинов, «в последнее время наблюдается “этнический парадокс”, когда с усилением унификационных процессов обостряется этническая идентичность, возрастает роль этничности в социальных и прежде всего политических процессах – происходит мобилизация этничности и ее политизация».²² При этом это касается и регионального уровня, региональных политических процессов, которые быстро и часто превращаются из социальных и политических в этнополитические. Некоторые исследователи считают, что в анализе региональной этнополитической ситуации, с учетом особенностей современного мирового развития, на ведущие позиции выходит проблема конфликтности, конфликтогенных факторов межэтнических взаимодействий. Конфликтные этнополитические процессы во многом отражаются в специфике территориальных общностей, регионов, имеющих свои отличия в социально-экономическом, социокультурном и этноконфессиональном облике.²³

Многие специалисты также отмечают, что в современных политических исследованиях должны учитываться и территориальные особенности политических процессов.²⁴ В частности, как отмечает Д.Р. Гильманов, важно

²² См. Савинов Л.В. Общество и этнополитика: специфика Сибирского федерального округа // Вестник Томского государственного университета, 2009, № 319, С. 54

²³ См. Юрченко И.В., Донцова М.В., Юрченко В.М., Юрченко Н.Н. Социальное доверие как фактор снижения этнополитической напряженности // Этносоциум, 2017 №12, С. 60

²⁴ См. Закиров И.В. Политическая география и геополитика. Уфа, 2017. С. 20.

принимать во внимание такие факторы, как: политико-географическое положение региона и его уровень социально-экономического развития, обеспеченность социальной инфраструктурой, уровни безработицы и доходов населения, этнический состав и степень образованности населения, проживающего на данной территории.²⁵

В связи со всем вышеизложенным, для того чтобы максимально эффективно решить поставленную нами исследовательскую задачу в рамках данного параграфа, представляется целесообразным изначально проанализировать то, что собой представляют, прежде всего, с точки зрения политической науки и смежных с ней областей, такие категории как «регион», «устойчивое социально-политическое развитие» и «этнополитические процессы» и каким образом, и на каких основаниях они взаимодействуют друг с другом. Начнем с рассмотрения основных подходов к понятию «регион» и прояснения его места и роли в современных социальных и политических процессах. Ну а затем обратимся и к содержанию и специфике социально-политического измерения устойчивого развития региона (в рамках теории систем), а также к сущности и особенностям этнополитических процессов, протекающим, прежде всего, на региональном уровне. В рамках этого будут также определены и наши основные теоретико-методологические и концептуальные основания и подходы, используемые в ходе нашего исследования.

Сам термин «регион» предельно многогранен, многозначен и не является универсальным. Он активно используется в географии, экономике, политологии, социологии и других смежных науках; рассматривается и определяется исследователями с разных точек зрения - географической, экономической, административно-территориальной, политической, социально-культурной и правовой и т.д.

Так, «с политологической точки зрения содержание концепта "регион"

²⁵ См. Гильманов Д.Р. Территориальные особенности использования политических технологий в регионах России // Социальные процессы в современном российском обществе: проблемы и перспективы. Материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием. Иркутск, 2020. С. 415-418

совпадает с делением страны на крупные административные образования (штаты, земли, губернии и т.д.). При этом как отмечают некоторые исследователи, зачастую административные границы регионов в своей природе гораздо более случайны, чем социальные или природно-географические, и они зачастую выступают как специфическая географическая рамка, служащая для решения ряда практических задач (например, институт федеральных округов). С точки зрения социологического подхода, исходящего из традиции интеракционизма, регион рассматривается как ограниченная территория, внутри которой присутствует некоторое представление о единстве населяющего его сообщества (дальневосточники, сибиряки, уральцы и т.д.), а коммуникация осуществляется проще и интенсивнее, чем за границами региона». При этом как отмечает Л. Бляхер, «региональный дискурс начинает формироваться не только спецификой физического пространства, но и историческими компонентами, создающими ощущение единства (совместно прожитая история), социальными и политическими характеристиками».²⁶

В рамках подхода А. Пааси, делается вывод, что «регионы должны рассматриваться как социальные конструкты, создаваемые посредством исторически обусловленных практик и дискурсов, в которых акторы создают и наделяют значениями более или менее связанные материальные и символические миры. В таком качестве регионы могут быть определены, многократно интерпретированы, оспорены. Конструирование и институционализация регионов и региональной идентичности, согласно А. Пааси, – это социальный процесс, а устойчивость региональных границ, зависит от интегрированности различных переменных (идентичности, культуры, институциональной структуры, политической мобилизации, коллективной солидарности, административных границ, географического

²⁶ См. Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Кирсеев А.А., Кузнецов А.М., Ярулин И.Ф. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 69

положения региона)».²⁷ Постмодернистское по происхождению представление о том, что регион в его тотальном смысле может возникнуть как продукт некой «дискурсивной практики», свободного творчества группы экспертов и политиков, в настоящее время широко распространено не только в зарубежной, но и в отечественной науке.²⁸

Близкой к предыдущему автору является и позиция А. Маркузен, которая определяет «регион как синтетическое понятие, как компактное территориальное сообщество, которое исторически эволюционирует, обладает физическим содержанием, социоэкономической, политической, а также культурной средой, и имеет пространственную структуру, отличающую ее от других регионов и иных территориальных образований. При таком подходе именно региональная идентичность рассматривается как своеобразный ключ к пониманию границ региона».²⁹ По словам Н. Лумана, «сохранение границ является сохранением системы. Граница в таком контексте становится центральным моментом порождения региона и появления регионального сообщества».³⁰ Однако, по словам В.А. Тишкова, «несмотря на то, что границы локальных пространств аморфны и пересекаются между собой, они все же существуют в коллективном, групповом сознании и нередко специально, прямо или косвенно, поддерживаются или закрепляются в общественном сознании заинтересованными в их сохранении местными элитами».³¹

С точки зрения исследований новосибирской социально-экономической школы, «регионом считается пространство – экономическое, культурное, ментальное и политико-административное. Сибирская школа определяла понятие регион как условную общность людей, ощущающих

²⁷ См. Paasi A. The Region, Identity, and Power // *Procedia - Social and Behavioral Science*, 2011, Vol.14 №1, P.9-16

²⁸ См. Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // *Регионалистика*. 2014 Том 1. №1, С. 28

²⁹ См. Markusen A. *Regions: economics and politics of territory*. Rowman and Littlefield Publishers, 1987

³⁰ См. Луман Н. *Введение в системную теорию*. М.: Логос, 2007. С. 42

³¹ См. Малькова В.К., Тишков В.А. *Культура и пространство*. М.: ИЭА РАН, 2009. Кн. 1. Образы российских республик в Интернете С.27

принадлежность к данной общности».³² По мнению дальневосточного исследователя А. Киреева, «регион – это первопорядковая единица социально-географического (глобального или национального) пространства, обладающая качественными отличиями от внешней среды и внутренней связностью».³³

По мнению С. Барзилова и А. Чернышева, «под регионом мы понимаем социологическую квалификацию той или иной административно-территориальной единицы, население которой объединено общими производственно-экономическими взаимосвязями, единой социальной инфраструктурой, местными средствами массовой коммуникации, органами власти и местного самоуправления. Регион есть естественноисторическое пространство, в рамках которого осуществляется социально-экономическая и общественная деятельность проживающих там людей. Политическое пространство региона представляет собой организацию его политической жизни, сферу реализации государственной власти на местах и общественного самоуправления».³⁴

При этом в структуре такого политологического направления как политическая регионалистика, уже довольно давно регион трактуется как довольно активный и самодостаточный субъект политики, участвующий, как во внутриполитических, так и внешнеполитических процессах, и чью активность в одинаковой мере детерминируют национальные и местные политические силы.³⁵ В рамках данного подхода также отмечается, что именно на уровне внутригосударственных регионов и городов происходят

³² См. Фирер Н.Д. Понятие "провинциальность" в контексте определения понятий "регион" и "социальное пространство" // Регионоведение. 2005. №1. С.166-176

³³ См. Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Кузнецов А.М., Ярулин И.Ф. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 71

³⁴ См. Барзилов С., Чернышев А. Регион как политическое пространство // Свободная мысль. 1997. № 2. С. 3-13

³⁵ См. Лебедева М.М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019 № 1, С. 7-16; Савкин Д.А. К вопросу об "акторности" глобальных городов в мировой политике // Вестник СПбГУ. 2009. Сер. 6. № 4. С. 176-184; Барабанов О.Н. Внутригосударственные регионы как акторы в международных отношениях: зарубежные тенденции и положение субъектов РФ // Общество, политика, наука: новые перспективы. М.: МОНФ. 2000. № 114. С. 477-501

существенные изменения и в мировой политике.³⁶ Значимыми центрами становятся внутригосударственные территориальные структуры. Города и внутригосударственные регионы, активно вышедшие в конце XX в. на международную арену, не заменяют, конечно, государства, но значительно видоизменяют современную мировую политику. Они отражают существующие тренды мирополитического развития, являясь не только объектами, но и субъектами этих трендов. При этом как отмечает М. Лебедева, города и внутригосударственные регионы – особые акторы мировой политики, т.к. они одновременно являются и государственными, и негосударственными структурами, но при этом государствами не являются. Они также тесно взаимодействуют с негосударственными структурами.³⁷ По мнению исследователей региональных процессов Б. Хетне и А. Инотай³⁸, «регион - это процесс, так как регион является не столько территориальной, сколько социальной и политической единицей». В данном контексте региональное развитие это перманентный процесс деятельности институтов власти на региональном уровне, создания и усиления региональной идентичности и региональных традиций, а также защиты интересов региональных сообществ, медиации интересов отдельного региона и государственных интересов в целом.

По нашему мнению, при всем имеющемся многообразии теоретических подходов к определению понятия регион, автору наиболее близкой кажется трактовка регионального пространства, предложенная А. Никлаусом, под которым он понимает динамическую систему, которая формируется, управляется и контролируется с помощью политических механизмов и технологий, затрагивающих все имеющиеся экономические, информационные и т.д. ресурсы развития определенной территории, а также инфраструктурные каналы и логистические направления. В свою очередь

³⁶ См. Даадлер И. Глобальные города как субъекты международной политики // Ведомости. 3 июля 2015 г.,

³⁷ См. Лебедева М.М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019 № 1, С. 9-15

³⁸ См. Hettne B., Inotai A. The new regionalism: implications for global development and international security. Helsinki: The United Nations Univ., 1994

пространственное (региональное) развитие – это комплекс мер, предпринимаемых субъектами в рамках политического процесса с целью формирования или воспроизводства системных элементов политического пространства.³⁹

В рамках данной трактовки региона некоторые исследователи также отмечают, что «региональная система – это высшая форма бытия региона. В то же время на их взгляд большинство номинальных регионов не отвечают требованиям системности, а представляют собой образования типа неструктурированных ареалов, радиальных или сетевых структур, лишенных саморегуляции, которые в будущем при определенных условиях могут достичь системного статуса. Что же касается эмпирических индикаторов системности региона, то самый наглядный из них – это длительная устойчивость данного социально-географического образования и особенно его способность к регенерации (самособиранию) после видимого распада». В данном случае особо подчеркивается, что «если речь идет о сложных пространственных системах, то здесь на первый план выходят именно механизмы самоорганизации».⁴⁰

При этом также ключевыми признаками региона как системы, обеспечивающие её сбалансированность, являются: однородность экономических, политических и социальных условий реализации потенциала территории; взаимосвязанность составляющих её элементов; устойчивость связей и зависимостей между субъектами социально-производственных отношений региональной локализации; историко-географическая целостность, позволяющая раскрыть её особенности по отношению к другим региональным подсистемам.⁴¹

Тем самым, целью территориального развития является сохранение,

³⁹ См. Никлаус А. К вопросу о принципах и механизмах территориальной оптимизации современных государств // Вестник Российской нации, 2022 № 5, С.64

⁴⁰ См. Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Кузнецов А.М., Ярулин И.Ф. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 75

⁴¹ См. Севек В., Чульдун А. К вопросу о понятиях «регион» и «региональная социально-экономическая система» // Региональная экономика: теория и практика, 2012. № 26. С. 11

приумножение и сбалансированность развития политического, социального, природо-ресурсного, хозяйственного, экологического и культурно-исторического потенциала региона, что в совокупности обеспечивает систему стабильного развития и в контексте воспроизводства нормальных условий жизнедеятельности населения данной территории, и в контексте предотвращения угроз дезинтеграции пространственно-локализованных общественных систем.⁴²

Необходимо отметить, что в рамках нашего исследования регион будет рассматриваться с одной стороны как общее географическое и социокультурное пространство, включающее в себя несколько территориально-административных образований - своеобразный макрорегион (российский Дальний Восток, глава 2), с другой стороны, как отдельная административно-территориальная единица – субъект РФ (Сахалинская область, глава 3). При этом, как в широком, так и в узком понимании, мы будем анализировать регион с точки зрения системного подхода, и рассматривать его как региональную систему, а еще точнее, как социально-политическую систему, функционирующую в полиэтнической социально-культурной среде и испытывающую на себе активное воздействие различных этнополитических процессов (внутренних и внешних, интеграционных и дезинтеграционных и т.д.).

В связи с тем, что одним из наших главных теоретико-методологических подходов будет являться именно системный подход, целесообразно рассмотреть его сущность базируясь на отдельных его концепциях. И здесь, на наш взгляд, можно взять за основу уже получившую признание во многих социальных и гуманитарных науках функциональную концепцию Т. Парсонса, дифференцирующую социальную (общественную) систему на четыре иерархически упорядоченные подсистемы: экономическую, политическую, социетальную (социальную) и подсистему сохранения и

⁴² См. Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: ГУ, ВШЭ, 2000. С. 108

воспроизводства образца.⁴³ «При этом качественная определенность политической системы (или подсистемы в трактовке Т. Парсонса) заключается в ее способности реализовывать функции управления всей социальной системой в целом».⁴⁴ В основном как раз на уровне политической подсистемы и связанной с ней культурной подсистемы в основном происходит регулирование межнациональных отношений и осуществляется управление этнополитическими процессами (в рамках реализуемой национальной или этнической политики). Причем это происходит как на национальном, так и региональном уровне.

Как отмечают большинство исследователей, «способность к развитию – одно из свойств системы. В ходе развития системы меняются соотношения между ее компонентами, усиливаются одни связи и ослабевают другие, а само развитие системы (в том числе и региональной) может быть устойчивым и неустойчивым».⁴⁵

Проблема устойчивости систем (в том числе политических) имеет междисциплинарный характер. В самом общем виде ее можно определить как способность системы к воспроизводству определенных стабильных состояний в рамках меры существования ее основных качеств на основе самоорганизации сил внутренних элементов и поддержания их в определенных границах с целью подавления внешних и внутренних возмущений.⁴⁶ «Ее факторы, условия и механизмы сохранения рассматриваются в ряде направлений, подходов, концепций и теорий политической науки и в целом социальных наук порой под разными названиями, за которыми, однако, просматривается один и тот же предмет исследования. Немаловажную роль в решении данной проблемы играют теория систем и системный анализ, синергетика, теория хаоса и другие. Так,

⁴³ См. Парсонс Т. О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический проект, 2002. С. 786-804

⁴⁴ См. Семченков А. Устойчивость политических систем и показатели национальной безопасности // Вестник Российской нации, 2021 № 4, С. 101

⁴⁵ См. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда. 2009. С.16

⁴⁶ См. Исакова Е.В. Устойчивое развитие территорий: социально-философский и геоэкологический аспекты. Новокузнецк. 2019. С.11

с точки зрения кибернетики (У. Эшби), синергетики (Г. Хакен), теории информации (К.Э. Шэннон), экологии (Ю.М. Свирижев) устойчивость системы определяется ее емкостью или массой, скоростью поступления в нее потоков вещества – энергии – информации, разнообразием ее внутренней структуры и внешней среды. Для системы «общество–государство» (т.е. страны, народа, гражданской нации) дополнительным параметром устойчивости является мера соответствия управляющей подсистемы управляемой подсистеме, под которой понимается легитимность власти».⁴⁷

Как отмечает Т. Ускова, «устойчивость является объективно присутствующим свойством любой системы, в том числе региональной. Функционирование системы в быстро меняющихся условиях и при неопределенности параметров состояния внешней и внутренней сред происходит благодаря устойчивости». В связи с этим «под устойчивостью системы, в том числе региональной, она предлагает понимать способность системы стабильно функционировать и развиваться в долгосрочной перспективе в условиях быстро меняющейся внутренней и внешней среды».⁴⁸

По мнению А.А. Кочкарова и Г.Г. Малинецкого, «устойчивость системы характеризуется ее живучестью и адаптацией. Живучестью системы выступает ее способность оставаться в определенной области значений параметров, обеспечивающих ее самосохранение. Согласно другому определению, живучесть системы – это такое ее свойство, которое отражает ее способность функционировать под влиянием воздействий (нагрузок), создаваемых во внешней среде».⁴⁹ При этом «адаптацией системы является ее приспособляемость к изменениям во внешней среде на основе изменения структуры или функции системы. Адаптация – критерий самосохранения системы в условиях утраты ею устойчивости. Адаптация системы к изменению условий ее функционирования во внешней среде проявляется в ее

⁴⁷ См. Пономарев А.И. Феномен устойчивости как макроскопический параметр национальной безопасности Российской Федерации // Национальная безопасность/nota bene, 2018, № 1, С.19-32

⁴⁸ См. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда. 2009. С.14, 28

⁴⁹ См. Кочкаров А.А., Малинецкий Г.Г. Обеспечение стойкости сложных систем. Структурные аспекты. // https://keldysh.ru/papers/2005/prep53/prep2005_53.html#:~:text=Другими%20словами%2C%20стойкость%20-%20это,время%20достижения%20системой%20предельного%20состояния

организационном росте и развитии. Адаптацию также характеризует наличие резервов и ресурсов для изменения структуры и функционирования системы под влиянием внешней среды».⁵⁰ В данном контексте устойчивое развитие любой системы (в том числе региональных, социальных, политических) представляет собой процесс продолжительного самоподдержания системы в границах меры основного качества независимо от внешних и внутренних возмущений.⁵¹

Содержание понятия устойчивости системы также раскрывается через определение понятия стойкости системы. «Стойкость системы – это ее живучесть «в докритической области функционирования, под влиянием внешних ненормативных воздействий (нагрузок)».⁵² «Под стойкостью также понимается способность системы сохранять свойства, необходимые для функционирования по своему назначению в условиях возникновения различных деструктивных факторов. Применительно территориальным политическим общностям таким деструктивным фактором выступает, например, дестабилизация в ней социально-политической обстановки. Устойчивостью является способность системы сохранять свойства, необходимые для функционирования по своему назначению, определяемая различными совместными комбинациями ее свойств надежности, стойкости и живучести».⁵³

Поэтому, по мнению исследователей, «устойчивое развитие сопровождается качественными изменениями в системе, при которых ее свойства не меняются. К таким свойствам относятся: способность системы к саморазвитию и саморегуляции; наличие взаимодействия всех подсистем, обеспечивающего целостность системы; способность поддерживать состояние равновесия (характеризуемого взаимодействием

⁵⁰ См. Петров В.К., Селиванов С.Г. Устойчивость государства. М. 2005, С.230-231

⁵¹ См. Исакова Е.В. Устойчивое развитие территорий: социально-философский и геоэкологический аспекты. Новокузнецк. 2019. С.11

⁵² См. Кочкаров А.А., Малинецкий Г.Г. Обеспечение стойкости сложных систем. Структурные аспекты. // https://keldysh.ru/papers/2005/prep53/prep2005_53.html#:~:text=Другими%20словами%2C%20стойкость%20-%20это,время%20достижения%20системой%20предельного%20состояния

⁵³ См. Семченков А. Устойчивость политических систем и показатели национальной безопасности // Вестник Российской нации, 2021 № 4, С. 96-97

разнонаправленных сил, воздействие которых взаимно погашается); способность противостоять дестабилизирующим факторам. Эти свойства обеспечивают целостность системы, ее динамическую устойчивость. Критериями наличия данных свойств являются достаточность ресурсов для развития системы, простой или расширенный характер воспроизводства, сбалансированное развитие всех подсистем и наличие адаптивных механизмов к внешним воздействиям».⁵⁴

С позиций «теории сложных систем устойчивость организационной системы (например, политической) определяется ее способностью противостоять внешним и внутренним возмущающим факторам (нормативным и сверхнормативным или экстремальным нагрузкам) или стабилизировать свое движение». При этом различают три типа устойчивости организационных систем: статическую устойчивость, функциональную устойчивость и динамическую устойчивость. Таким образом, применительно к политическим системам различных уровней, в том числе и региональным, данные виды устойчивости можно трактовать следующим образом.

«Статической устойчивостью политической системы проявляется как в сохранении структуры государства и характера отношений между его центром и частями (регионами), так и в гражданском мире и согласии, консенсусе между элитами, доминирующими в обществе группами. Показателями данного вида устойчивости политической системы за определенный период времени могут стать оцениваемый субъективно (например, при помощи социологических опросов) уровень гражданского мира и согласия, социально-политической напряженности в обществе, частота столкновений между представителями больших социальных групп, степень политической поляризации в социуме, дистанция (степень отличий или сходства) между проживающими в стране (или отдельном регионе) религиозными и этническими общностями». «Функциональная устойчивость политической системы выражается в высокой эффективности,

⁵⁴ См. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда. 2009. С.17

результативности и продуктивности государственного» (политического и административного) управления как ее целевой функции. «Основными показателями этого типа устойчивости политической системы могут служить, в частности, оцениваемая экспертами эффективность государственного управления в условиях политической нестабильности, а также достаточность тех ресурсов, которыми система располагает и готова их использовать для купирования негативного воздействия возмущающих факторов и условий». Динамическая устойчивость политической системы представляет собой целесообразное без существенных сбоев повышение показателей эффективности, результативности и продуктивности государственного управления и совершенствование организационной структуры государства, политических сетей. В качестве основных показателей динамической устойчивости политической системы могут выступать различные инструменты оценки эффективности государственного управления, деятельности институтов функционального представительства интересов общества, частота проведения реформ. При этом требуется обращать внимание на наличие или отсутствие устойчивого роста данного рода эффективности». ⁵⁵

То есть, «устойчивость любой политической системы, в том числе и региональной, заключается в ее способности сохранять лежащий в ее основе консенсус субъектов политической деятельности и свою структуру (статическая устойчивость), извлекать ресурсы и резервы для предупреждения, парирования и нейтрализации негативного влияния возмущающих факторов и условий (функциональная устойчивость), усложнять свое строение и функции (динамическая стабильность), а в случае недостаточного количества располагаемых системой резервов и ресурсов – адаптироваться к переменам (повторяющимся возмущениям) во внешней среде, меняя свою целевую функцию и состав. При этом нарушение устойчивости политических систем, как правило, связывается с действием

⁵⁵ См. Семченков А. Устойчивость политических систем и показатели национальной безопасности // Вестник Российской нации, 2021 № 4, С. 103

эндогенных и экзогенных факторов и условий, нормативных и экстремальных нагрузок. При этом ключевым звеном устойчивости политической системы представляется ее способность обеспечивать постоянное, непрерывное и результативное (продуктивное) управление обществом, как в условиях стабильности, так и в контексте кризисов государственного управления, социально-экономических и политических катастроф, наступления социального хаоса, а также организовать социум на их преодоление».⁵⁶

При этом «измерение всего комплекса параметров устойчивости той или иной политической системы (в том числе и региональной) таких как: ресурсы и механизмы политической системы для преодоления критических ситуаций; соответствие политической системы и режима базовым ценностям общества; эффективность власти; наличие серьезных противоречий в обществе и доминирование общегражданской идентичности населения; уровень общественной и элитарной поддержки власти; обеспечение правопорядка и безопасности; соотношение формальных и неформальных институтов; наличие консолидирующего внешнего фактора; функционирование системы обратной связи; частота кадровых изменений в высших эшелонах власти; - требует достаточно сложного инструментария».⁵⁷

Так В.К. Левашов в рамках «своей методики выделяет шесть индикаторов социально-политической устойчивости: отношение к курсу экономических реформ; социально-политическая отчужденность; необходимость трансформации политической системы; уровень доверия социальным и политическим институтам; обеспечение государством норм демократического общества; партийные ориентации».⁵⁸ При этом «дополнительными индикаторами устойчивости политической системы, особенно функционирующей на уровне региона, могут служить: наличие или

⁵⁶ См. Там же. С. 100-101

⁵⁷ См. Гаджиев Х.А., Семченков А.С. Индекс устойчивости политической системы: опыт измерений в трех странах. // PolitBook, 2020, № 1, С. 161-194

⁵⁸ См. Левашов В.К. Социально-политическая устойчивость общества // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81, № 12 С. 1059-1060.

отсутствие расколов в обществе в конфессиональном, этническом, культурном, социально-экономическом, межрегиональном ракурсах; функционирование институтов согласования интересов и разрешения противоречий между доминирующими группами».⁵⁹

В этом контексте «на устойчивость любой территориальной политической системы, в том числе и региональной, можно взглянуть и с более узкой точки зрения – (с точки зрения концепций политических систем многосоставных обществ (консоциаций)⁶⁰, политической стабильности⁶¹, трансформации политических режимов⁶² и политической модернизации⁶³) как на согласие, существующее между основными политико-экономическими и социальными силами общества, представленными теми или иными элитными кругами, по поводу распределения власти в стране. Утрата политической системой общества гомеостатического состояния обусловливается появлением противоречий, конфликтов и расколов между наиболее влиятельными и крупными группами. Возвращение же политической системы в равновесие происходит вслед за достижением консенсуса между ними, определяемого новой конфигурацией, расстановкой их сил после столкновения».⁶⁴

Таким образом, «с точки зрения теории сложных систем, данные большие группы могут рассматриваться как элементы структуры (конструкции) или жизненно важные элементы политической системы. Утрата согласия между этими группами и возглавляющими их элитами может быть интерпретирована как нарушение связности структуры политической системы. Вслед за нарушением структурной связности, что происходит в результате роста нормативных и экстремальных нагрузок, политическая

⁵⁹ См. Семченков А. Устойчивость политических систем и показатели национальной безопасности // Вестник Российской нации, 2021 № 4, С. 99

⁶⁰ См. Lijphart A. *Democracy in Plural Societies*. New Haven: Yale University Press, 1977; Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley, CA: University of California Press, 1985

⁶¹ См. Политическая стабильность // Политическая социология. М.: Мысль, 2000. С. 256–263

⁶² Розов Н.С. Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма // Полис. Политические исследования. 2015. № 6. С. 157–172

⁶³ См. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004; Купряшин Г.Л. Кризисы политического развития // Основы политической науки. Учебное пособие для высших учебных заведений. Часть II. М.: О-во «Знание» России, 1995. С. 184–200

⁶⁴ См. Семченков А. Устойчивость политических систем и показатели национальной безопасности // Вестник Российской нации, 2021 № 4, С. 98

система перестает выполнять свои функции, утрачивает живучесть и тем самым свою устойчивость.⁶⁵ В связи с этим устойчивость любой политической системы, в том числе и регионально, также можно представить в качестве «запаса прочности», тех резервов ресурсов, которые она может извлекать и использовать для упреждения, парирования, нейтрализации влияния выводящих ее из равновесия внутренних и внешних условий и факторов».⁶⁶

В политической теории (в частности, в теории политической системы Д. Истона) постулируется, что политическая система всегда погружена в определенную среду и взаимодействует с ней. Данное взаимодействие носит характер взаимовлияния: из окружающей среды в политическую систему поступают требования и поддержка, в свою очередь, решения и действия политической системы вызывают в среде изменения различного рода. Этнический (национальный) вопрос в политической повестке существовал всегда в том или в ином виде, и как фактор социальной среды политической системы играет важную роль в сложившихся политических системах.⁶⁷ Говоря о региональной политической системе, отметим, что ее физическую среду представляет территория, а в социальной и политической среде этой территории выделяется ее национально-этнический фактор. Каждый регион населен жителями, являющимися носителями различных характеристик, одной из которых выступает этническая, включая культуру, и историческую память. Национально-этнический фактор социальной среды оказывает свое влияние на политическую систему, имеет серьезный потенциал для мобилизации требований к ней.⁶⁸ При этом «этническая самоидентификация в недрах политического процесса происходит под влиянием «исторической памяти», психологических травм и комплексов прежних обид (войны,

⁶⁵ См. Кочкаров А.А., Малинецкий Г.Г. Обеспечение стойкости сложных систем. Структурные аспекты. // https://keldysh.ru/papers/2005/prep53/prep2005_53.html#:~:text=Другими%20словами%2C%20стойкость%20-%20это,время%20достижения%20системой%20предельного%20состояния

⁶⁶ См. Семченков А. Устойчивость политических систем и показатели национальной безопасности // Вестник Российской нации, 2021 № 4, С. 100

⁶⁷ См. Санчат С. Этнический фактор среды региональной политической системы // Вестник Российской нации, 2021 № 6, С. 97

⁶⁸ См. Там же, С. 95

депортации, территориальные споры), а также этноидеологии, предлагающей цели и средства участия народа в этнополитическом процессе».⁶⁹

Таким образом, мы отмечаем значимость этнического фактора в политическом процессе, и чтобы понять, как соотносится этнический фактор со средой региональной политической системы и как он таким образом обретает этнополитическую сущность, обратимся к рассмотрению этнополитических процессов вообще и специфике их протекания на региональном уровне.

По мнению Д.В. Драгунского, «этнополитические процессы раскрываются как процессы взаимодействий довольно больших групп населения, каждая из которых характеризуется, с одной стороны, установлено артикулированной этнической идентичностью, с иной - установленными институтами суверенитета. Так, проявляемые данными группами этнические требования быстро становятся политическими, то есть происходит расширение суверенитета, а политическое, экономическое или гуманитарное требование приобретает этнические окраски. При этом при их реализациях применяются механизмы этнических мобилизаций».⁷⁰

Близка к предыдущему определению и трактовка Д. Давурова, который считает, что «этнополитический процесс можно определить как политический процесс, обусловленный политическими, культурными, социально-экономическими, историческими, иными факторами, которые связаны с активностью того или иного этноса (этническая мобилизация) в условиях актуализации этничности в связи с процессами трансформации общества. В недрах этнополитического процесса могут заявлять о себе партикулярные интересы социальных групп в борьбе за власть или обретение соответствующего государственного статуса этносом в существующих

⁶⁹ См. Давуров Д. Этнополитический процесс в современной России: понятие, факторы влияния // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. №1. С. 98

⁷⁰ См. Драгунский Д.В. Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция Северной Евразии // Полис, 1995. № 3. С.40

границах государства».⁷¹

По мнению П. Вольдмана, понятие «этнополитические процессы» включают в себя, во-первых, общественные отношения, а также виды деятельности, которые осуществляются в различных жизненных условиях воспроизводства и развития этнических общностей; а во-вторых, изменения в национальной и этнической структуре общества, динамике развития этнических общностей, связанные с развитием всех сфер общественной жизни. Критерием здесь является то, что эти процессы осуществляются через политику, институты политической системы, политическое сознание и поведение людей».⁷²

Как мы видим, «этнополитический процесс выступает составной частью сложных общественных изменений. Он представляет собой движения, изменения в этнополитической сфере общества, связанные с деятельностью политических субъектов, которые стремятся к достижениям конкретных целей, к реализации и выражению своего интереса. Это приводит к трансформациям в отношениях власти, во взаимоотношении политических субъектов, в их фактических положениях, системе ценностных ориентаций, методах и способах политической деятельности и т.д.».⁷³

Что касается классификации этнических процессов, то одну из самых ранних и удачных, по нашему мнению, концепций сформулировал еще в советское время Ю.В. Бромлей. В его концепции есть место и различным этнополитическим процессам, правда в силу определенных идеологических моментов они получили в его работах название «межэтническая интеграция». Сам же ученый, прекрасно понимая именно социально-политическую сущность данного процесса, к сожалению, смог сформулировать и описать лишь его чисто культурологическое измерение. Но даже в таком виде данная теоретическая концепция представляет интересной для нашего исследования.

⁷¹ См. Давуров Д. Этнополитический процесс в современной России: понятие, факторы влияния // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. №1. С. 97

⁷² См. Вольдман П. Этнический радикализм. Причины и следствия насильственных форм протекания межнациональных конфликтов с участием национальных меньшинств. М.: ИНИОН, 1990

⁷³ См. Левин А.В. Сущность этнополитических процессов // International scientific review. 2017. №8. С.80

Итак, он разделил все национальные (в сущности, этнополитические) процессы на разделительные и объединительные, иногда их также еще называют дезинтеграционными и интеграционными процессами. В свою очередь дезинтеграционные процессы, согласно его классификации, распадаются на подвиды - этническую парциацию (некогда один этнос распадается на некоторое количество этносов поменьше, которые в принципе сопоставимы по размеру, но при этом ни один из образовавшихся в результате народов не олицетворяет себя в полной мере с прежним этносом) и этническую сепарацию (описывает ситуацию, когда от определенного некогда единого народа отделяется какая-то его часть).

Интеграционные процессы также довольно разнородны и подразделяются на этническую консолидацию (процесс слияния нескольких этносов в один), этническую ассимиляцию (растворение одного этноса в другом с потерей собственной идентичности) и межэтническую интеграцию (которая как мы уже обозначили выше и является проявлением этнополитических процессов). Межэтническая интеграция представляет собой процесс формирования не существовавшей ранее этнокультурной и социально-политической общности, однако, с оставлением ключевых этнических особенностей у главных этнических групп, участвовавших в объединении. Подобные процессы ведут к образованию многонациональных государств и интернациональных стран и сообществ, полиэтнических национальных, региональных и территориальных общностей. При этом Ю. Бромлей считал необходимым разграничивать подтипы межэтнической интеграции на основании вида политических отношений, формирующимися между различными этническими общностями в ходе их взаимодействия, сформулировав при этом такие виды интеграции как: консоциационную интеграцию, симбиозную интеграцию и сегрегационную интеграцию. Первый вид интеграции раскрывал взаимоотношения равных, а также автономных в политическом плане народов. Второй вид существует, когда есть взаимовыгодная взаимосвязь автономных этнических общностей. Третий вид интеграции описывает

ситуации, когда во взаимоотношениях этносов имеют место политическое неравенство и/или притеснение на национальной почве.⁷⁴

В современном обществе как раз эти объединительные процессы, гарантирующие, не только сохранение ключевых характеристик социокультурной и национальной уникальности этносов, но и социокультурное, а также социально-политическое сплочение этносов, явились главными магистральными течениями современной этнической политики не только на национальном, но и региональном уровне. Однако эти объединительные процессы по своей сути не становятся исключительно этническими, так как обусловлены главным образом политическим сплочением народов как на внутристрановом уровне, так и на уровне взаимодействия отдельных государств.

Как мы уже упоминали выше, понимая социально политическую сущность межэтнической интеграции (как, по сути, этнополитического процесса) академик Ю. Бромлей осветил в своих трудах только ее культурологическое измерение. В частности, он сформулировал три стадии данного процесса – аккультурацию (первичный опыт культурного взаимодействия), затем культурную адаптацию (изменения на языковом уровне) и в итоге третью стадию, ведущую уже к трансформации национального самосознания.⁷⁵

Еще одной классификацией этнополитических процессов, представляющей для нас теоретико-методологический интерес в рамках данного исследования, наравне с концепцией Бромлея, является типология, предложенная Э. Паиным. Он констатирует, что в современных условиях нарастает вариативность и многообразие этнополитических процессов, и формулирует следующие виды данных процессов: процессы унификации по своей социальной направленности, но не приведшие к сильному ослаблению этнокультурных отличий; процессы межэтнической кооперации; процессы

⁷⁴ См. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука. 1983. С. 237-240

⁷⁵ См. Там же. С. 241.

этнической дивергенции и, наконец, линейные процессы, сущность коих имеет шансы претерпеть изменения на разнообразных отрезках времени.⁷⁶

С точки зрения А.С. Бубеева, «анализ этнополитических процессов не ограничивается определением объекта этнополитики. Он также включает их классификацию по признаку субъектов, то есть сторон, вовлеченных в этнополитическое взаимодействие. Исходя из данного критерия, можно выделить два типа отношений:

1. Межэтнические отношения – взаимодействие общностей, имеющее политический характер. Эти отношения подразделяются на различные категории: между господствующим и подчиненными этносами; между коренным и некоренным населением; между равнозначными по численности и социально-политическому положению этносами.
2. Отношения между этнической общностью и политическими институтами (государством, политическими партиями и движениями), в которых этнос выступает носителем деятельности, стремится оказать воздействие на управленческую сферу и предъявляет политико-правовые притязания к государству. На базе данных отношений формируются национально ориентированные структуры, которые служат для выражения политической воли этноса (организации, движения, партии)».⁷⁷

По мнению Р.Г. Абдулатипова, «в зависимости от цели этнической мобилизации этнополитический процесс по своему содержанию может являться не только позитивным, но и негативным. В свою очередь, этнополитическая мобилизация может по результатам носить как прогрессивный, так и регрессивный характер».⁷⁸ И в этом ключе мы можем говорить о наличии одной из негативной разновидности этнополитических процессов – этнополитических конфликтах. Современные этнополитические конфликты являются одной из угроз для устойчивого развития государства и региона. При этом сложный этнический состав населения территории

⁷⁶ См. Паин Э.А. Этнополитические процессы в модернизирующемся мире. М., 2017 С.86

⁷⁷ См. Бубеев А.С. Проблема этнополитических процессов в социологии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. №2. С.76

⁷⁸ См. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб.: Питер, 2004. С.20

изначально содержит в себе потенциальную угрозу для проявления этнополитической напряженности. В этой связи устойчивое развитие «одновременно понимается и как политическая стратегия, направленная на снижение рисков и преодоление негативных тенденций общественного развития, таких как рост социально-политической напряженности, этнополитические конфликты».⁷⁹

Выше сказанное особенно актуально по отношению к региональным этнополитическим процессам, особенно в регионах, построенных по национально-территориальному принципу. Так, в частности, как бы дополняя предыдущий тезис, Н.А. Барышная отмечает, что «этнополитические процессы в регионе определяются, прежде всего, как система взаимодействия различных групп населения, каждый из которых характеризуется, с одной стороны, отчетливо выраженной этнической идентичностью, а с другой – определенными институтами суверенитета. Тем самым выдвигаемые этими группами этнические требования немедленно становятся политическими, а политические, экономические или социокультурные претензии приобретают этническую окраску».⁸⁰

Как мы видим, «в сфере межэтнических отношений всегда присутствуют непростые и неоднозначные этнополитические процессы».⁸¹ Таким образом «можно говорить о наличии неоднозначных и многофакторных характерных причин, которые определяют суть этнополитического процесса, что требует системного подхода к их анализу. Это объясняется тем, что область изучения этнополитических процессов устанавливаются как объективными, так и субъективными факторами, которые свойственны конкретным социальным пространствам в определённое историческое время».⁸² Исходя из этого можно, констатировать, что в этом смысле «этнополитические процессы

⁷⁹ См. Крицких В.В. Безопасность как фактор устойчивого развития российского общества: автореферат дис. ... кандидата политических наук. Ставрополь. 2011

⁸⁰ См. Барышная Н.А. Этнополитические процессы на региональном уровне: анализ и управление : автореферат дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02. Саратов. 2007. С.10

⁸¹ См. Асриянц К.Г., Ахмедов Р.Г. Проблемные аспекты этнополитических процессов в Российской Федерации // Журнал прикладных исследований. 2021. №6-7, С.663

⁸² См. Левин А.В. Сущность этнополитических процессов // International scientific review. 2017. №8. С.81

представляют собой комплекс многоплановых связей и взаимодействий. Место этнополитических отношений в общественном развитии, степень и формы их проявления зависят от множества причин. Комбинация культурно-исторических, социальных и экономических обстоятельств определяет ведущее или подчиненное значение этих общественных отношений по сравнению с другими». ⁸³

Необходимо отметить, что управление этнополитическими процессами в полиэтническом государстве является частью политического управления, деятельностным выражением государственной национальной политики, нацеленным, главным образом, на гармонизацию и ненасильственное развитие межэтнических отношений. Оно предполагает не только взаимодействие федерального и регионального управления, в области межнациональных отношений, но и широкое привлечение к этой деятельности институтов гражданского общества. ⁸⁴ При этом национальная политика осуществляется и на региональном уровне и оказывает непосредственное влияние на протекание региональных социально-политических и этнополитических процессов.

В заключении отметим, что «в современной политической науке принята точка зрения, согласно которой устойчивое социально-политическое развитие означает наличие такой ситуации, когда в системе отношений происходит самоподдерживающееся оптимальное при данных условиях согласование интересов, что создает для всех субъектов и институтов системы социально-политических отношений режим устойчивого развития в настоящем и ближайшем будущем». ⁸⁵

Устойчивое развитие современных социально-политических систем (в том числе и регионов), по нашему мнению, следует рассматривать, опираясь на

⁸³ См. Бубеев А.С. Проблема этнополитических процессов в социологии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. №2. С.76

⁸⁴ См. Февралева Л.А. Становление системы управления этнополитическими процессами в контексте проявлений националистического радикализма во Владимирском регионе // Вопросы этнополитики. 2019 №1. С.65

⁸⁵ См. Горелкин А.В. К проблеме выделения социально-политических критериев устойчивого развития региона // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 12. Ч. 2

общепринятые в системном подходе понятия, а именно как сложные многоуровневые динамические системы, в которых осуществляется жизнедеятельность отдельных социумов, находящихся между собой в определенных отношениях и ориентированных на достижение системных целей. Поэтому в качестве основного методологического подхода к исследованию процессов устойчивого социально-политического развития мы будем опираться, прежде всего, на системный подход, который, по нашему мнению, является наиболее продуктивным при исследовании сложных социально-политических процессов и объектов, к которым, в частности, относятся как сами регионы, так и протекающие в них этнополитические процессы, а также их регулятор – национальная (этническая) политика.

Таким образом социально-политическое развитие региона в контексте этнополитических процессов, по нашему мнению, представляет собой стабильное, эволюционное и последовательное развитие региона как динамичной социально-политической системы, находящейся в полиэтнической среде и испытывающей на себе воздействие различных и часто разнонаправленных этнополитических процессов. При этом важное место в обеспечении этого устойчивого развития региона отводится именно национальной политике, проводимой не только на общегосударственном, но особенно на региональном уровне, где как нигде важен глубокий учет местной специфики и некоторых особенностей конкретного региона.

1.2 Региональная национальная политика РФ: концептуальные и институциональные основания

Как отмечается многими исследователями, обычно курс на укрепление вертикали власти в российской теории и практике чаще всего рассматривается как условие для устойчивого развития территорий, фактор обеспечения социально-экономической, межрегиональной и этнополитической стабильности.⁸⁶ Современное российское общество, как отмечает Т.Н. Кочкаева, характеризуется актуализацией этничности в системе общественно-политических отношений, и в связи с этим актуализируется развитие политико-административного управления отношениями этнических групп в общей системе управления общественными отношениями. При этом усиление вертикали власти, открытость, интерактивность, повышение качества услуг государства обществу предполагают новое качество управления этническими отношениями в системе общего управления общественно-политическими отношениями.⁸⁷ В связи с этим необходимо отметить, что этнополитические процессы в фокусе российского федерализма определены системой факторов структурного характера: это и недостатки в административно-территориальном делении, и особенности региональных политических систем, и политическая культура региона.⁸⁸

Поэтому, как считают некоторые специалисты, в таком территориально протяженном и диспропорциональном федеративном государстве, как Россия, на первый план выходят проблемы устойчивости регионов, а для объективной оценки уровня устойчивости пространственного развития регионов необходимо определить структурные факторы, воздействующие на таковую устойчивость.⁸⁹ В связи с этим считаем, что одним из таких факторов, обеспечивающих устойчивое социально-политическое развитие российских

⁸⁶ См. Карсанова Е.С. Этнополитический фактор в современных социально-политических процессах юга России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2011. №2 С.97

⁸⁷ См. Кочкаева Т.Н. Политико-административное управление этническими отношениями и этнополитическими процессами // Социально-гуманитарные знания. 2015. №12. С.115

⁸⁸ См. Смагина Л.А. Этнополитические процессы в условиях развития регионализации // Власть. 2015. №9 С.34

⁸⁹ См. Фомин М.В., Смирнов О.О. Устойчивость пространственного развития регионов Сибири и Дальнего Востока России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. №1. С. 124-147

регионов в контексте протекающих в них этнополитических процессов, является проводимая государством, как на национальном, так и на региональном уровне национальная политика. Полагаем, что ключ к сбалансированному и устойчивому развитию российских регионов, по крайней мере в социально-политическом измерении, видится в том числе и в тщательно выверенной и грамотной государственной политике в сфере национальных отношений. В этом ключе обеспечение устойчивости социального развития, достижение его стабильности становится одной из первостепенных задач текущее национальной политики РФ.

Национальная политика, как совокупность осуществляемых на систематической основе мероприятий, направленных в том числе и на гармонизацию сферы межэтнических, межрелигиозных, межкультурных, межкультурных и т.д. отношений, в современных условиях, без всякого сомнения, рассматривается одним из ключевых векторов государственной политики.⁹⁰ Следует отметить, что она оказывает самое существенное влияние на этнополитические процессы в российских регионах, и в целом видит на этом уровне в качестве одной из своих первостепенных задач - регулирование межнациональных отношения и осуществление управления этнополитическими процессами. Как отмечает Е.Г. Маклашова, субъекты РФ довольно адаптационно и селективно определяют направление национальной политики в соответствии со спецификой этнополитических процессов, имеющих место в конкретных регионах.⁹¹

Как констатирует Е.В. Долгополов, «необходимость институционализации соответствующего вида политических отношений исторически обусловлена потребностью в достижении эффективности управления социальными и политическими процессами. Если речь идет об этнонациональных процессах, то в их содержании особую значимость получают те связи и отношения, которые замыкаются на проблеме институционализации политической

⁹⁰ См. Федякин А. Приоритеты государственной национальной политики в повестке дня Президента России // Вестник Российской нации, 2020 № 1, С. 40

⁹¹ См. Маклашова Е.Г. Сравнительный анализ региональных концепций формирования государственной национальной политики России // Регионология, 2015 № 2. С. 168

власти, определяющий ее функционирование, изменение и модернизацию применительно к управлению межэтническими отношениями. Этнополитика, (национальная политика) как и политика в целом, является контрольно-регулятивной сферой, придающей направленность жизнедеятельности национальных и этнических общностей, а также их отношениям между собой (согласие, подчинение, господство и конфликт). В целом же следует отметить, что для объяснения сущности национальной политики, в том числе и ее региональной ипостаси, необходимо, прежде всего, выявить те исходные концептуальные принципы, которыми она руководствуется или на которые, по крайней мере, ориентируется и определить ее институциональные основы».⁹² Все это в полной мере относится и к региональной национальной политики РФ как во многом отражении ее общенациональной версии.

Итак, основной костяк доктринальных и концептуальных документов по национальной политике российского государства на современном этапе, которые определяют содержание ее национальной политики не только на общегосударственном уровне, но и на уровне субъектов РФ, по мнению подавляющего числа экспертов, составляют: статья Президента РФ В.В. Путина 2012 года «Россия: национальный вопрос», а также, «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года», «Концепция миграционной политики РФ на период до 2025 года», а также «Стратегия национальной безопасности РФ». По мнению В.Ю. Зорина, «образуется специфическая «квадрига», определяющая практический план действий в области национальной политики для всех уровней власти».⁹³ Также к этому перечню, по мнению автора, можно отнести следующие документы - «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г.», а также федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (на

⁹² См. Довгополов Е.Ю. Объективные предпосылки институционализации национальной (этнической) политики на Дальнем Востоке России // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016 №1(49), С. 21-28

⁹³ См. Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики // Этносоциум, 2018 №4, С. 168

2014-2020 годы)»⁹⁴ и заменившая ее впоследствии новая государственная программа «Реализация государственной национальной политики».

Помимо этого, на уровне отдельных российских регионов наличествуют также свои доктрины, концепции или стратегии, которые, как и федеральные документы, раскрывают местные планы по осуществлению национальной политики РФ на региональном уровне. Также при этом, в частности, согласно УП РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», органам государственной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления рекомендовано руководствоваться положениями государственной национальной политики при осуществлении своих функций в данной области. А в 2013 г. Госдумой был принят закон, «устанавливающий ответственность региональных и местных органов власти за ситуацию в сфере межнациональных отношений»,⁹⁵ а с конца 2015 г. разработка и принятие планов мероприятий субъектов РФ по осуществлению ГНП стали носить рекомендательный характер.⁹⁶

Прежде чем перейти к рассмотрению концептуальных основ региональной национальной политики России, имеющих в доктринальных документах субъектов РФ, проанализируем основные концептуальные основания государственной национальной политики РФ, сформулированных на федеральном уровне и транслирующихся на уровень регионов.

Ключевым документом в этом случае, несомненно, представляется «Стратегия государственной национальной политики РФ» «в которой дано определение государственной национальной политики, а также сформулированы ее основные цели. Стратегия государственной

⁹⁴ О федеральной целевой Программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020)». Постановление Правительства РФ от 20 августа 2013 г. № 718 // <http://government.ru/media/files/41d4862001ad2a4e5359.pdf>

⁹⁵ См. Федеральный закон от 22.10.2013 г. № 284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/37720>.

⁹⁶ См. Распоряжение Правительства РФ от 23.12.2015 г. № 2648-р «Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016–2018 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

национальной политики, введенная в действие соответствующим Указом Президента РФ в декабре 2012 г., является базовым документом, определяющим деятельность органов государственной власти в российских регионах по управлению национально-этническими процессами».⁹⁷ Так Стратегия формулирует государственную национальную политику Российской Федерации как систему стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленных на укрепление межнационального согласия, гражданского единства, обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также на профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве. Также Стратегия формулирует следующие ее цели:

- а) укрепление национального согласия, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов;
- б) укрепление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа РФ (российской нации);
- в) обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств;
- г) сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия РФ, традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества;
- д) гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений;

⁹⁷ См. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666

е) успешная социальная и культурная адаптация иностранных граждан в РФ и их интеграции в российское общество.⁹⁸

Как отмечают специалисты, «современная российская национальная политика, сформулированная в “Стратегии” государственной национальной политики РФ», включает в себя целый спектр мер, призванных способствовать формированию общегражданской идентичности при устойчивом развитии всех этносов, проживающих на территории РФ».⁹⁹ Стратегия подчеркивает важность сотрудничества между государственными институтами и гражданским обществом при регулировании национальных отношений. Она раскрывает механизмы взаимодействия между этими институтами, направленные на достижение гармонии в межнациональных отношениях, развитие этнокультур и обеспечение межэтнического диалога».¹⁰⁰

В то же время, по мнению ряда специалистов, в частности В.А. Михайлова, «содержание государственной национальной политики сегодня определяется двумя взаимосвязанными направлениями: нациестроительство и этнополитика. В Стратегии в первом случае речь идет о развитии и консолидации российской гражданской нации, во втором – об этнокультурном развитии всех народов России и укреплении межэтнического мира и согласия».¹⁰¹

Как констатирует Л. Савинов, «действующая государственная национальная политика определяет два основных вектора по отношению к бинарным объектам – гражданской нации как общности по государству и этническим общностям как совокупности людей одной этнической принадлежности. Поэтому одна из задач государственной национальной

⁹⁸ См. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Сборник законодательных актов в области государственной национальной политики и межнациональных отношений. / Под редакцией В.Б. Тарасова. М.: ГБУ «МДН», 2019

⁹⁹ См. Великая Н., Тартыгашева Г. Межнациональные отношения в современной России в оценках экспертного сообщества // Вестник Российской нации, 2021 № 4, С.

¹⁰⁰ См. Михайлов В.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: концептуальная новизна теории, методологии и практики // Аналитический отчет о выполнении проекта Российского научного фонда № 15-18-00064. 2015 С.124

¹⁰¹ Савинов Л., Симагина О., Скорых Н. Стратегия государственной национальной политики: результаты и перспективы концептуализации // Вестник Российской нации, 2023 № 5, С. 10

политики – развитие и укрепление российской гражданской нации – связана с формированием гражданской идентичности, политической по своей природе. Другая базовая задача – гармоничное этнокультурное развитие всех народов России, которое во многом формирует позитивную этническую идентичность. Важно подчеркнуть, что между гражданской и этнической идентичностями нет конфликта, и эти идентичности могут конкурировать, могут ценностно доминировать. Однако характер этих конкуренций и доминирований как раз и определяется успешностью государственной национальной политики, особенно в ее региональном и локальном содержании».¹⁰² Также, по его мнению, «основным базовым принципом осуществления данной политики на региональном и местном уровнях должен стать тезис о том, что высокий уровень гражданской солидарности, этнической толерантности, а также межэтнического и межконфессионального согласия возможен только при совпадении базовых экономических, политических, социальных, культурных и иных ценностей этнических большинства и меньшинств и согласованности основных компонентов гражданской идентичности».¹⁰³

В тоже время существуют и критические взгляды на современную российскую национальную политику. «Неслучайно многие эксперты резонно отмечают тесную связь и преемственность концептуальных оснований и практики российской этнополитики с теоретическими постулатами и практикой советской национальной политики». В целом же, по их мнению, «российская этнополитика во многом складывается из ситуативных реакций на возникающие этнополитические проблемы и в силу этого не может оцениваться как результат осуществления последовательной политической стратегии».¹⁰⁴

¹⁰² См. Савинов Л. Национальная политика в современной России: концептуальная модель и ее реализация // Вестник Российской нации, 2020 № 2, С. 10

¹⁰³ См. Там же. С. 14

¹⁰⁴ См. Ачкасов В.А. Проблемы интерпретации базовых понятий в российской этнополитологии и этнополитике // Вопросы этнополитики. 2018 №1, С. 18-19

Говоря о региональном измерении Стратегии, нужно заметить, что «система мероприятий ее в рамках, на которую рекомендовано ориентироваться региональным властям, призвана формировать благоприятный климат межэтнического взаимодействия на любой территории. Она должна являться как бы базовой, универсальной платформой для эффективной работы, но, конечно, существует региональная специфика в области межэтнических отношений, которую необходимо учитывать при выстраивании национальной политики в регионах».¹⁰⁵

Как пишет Е.Г. Маклашова, «в России региональная власть также наделена правом принимать свои нормативные акты в области осуществления национальной политики в регионе, но в русле установленных федеральной властью задач и механизмов. Федеральные нормы задают вектор деятельности, а региональные нормы должны конкретизировать и адаптировать его применительно к региональной специфике. Региональное регулирование национальной политики является локальной и специфической практикой. Более того, в силу дуальности системы административного территориального деления России предполагается, что в ее субъектах, образованных по национальному (этническому) принципу, существует специфика управления этнокультурными процессами, отличная от субъектов, образованных по территориальному принципу».¹⁰⁶

В данном случае можно отметить, что на текущем историческом отрезке политико-правовой статус субъекта РФ воздействует, в том числе и на особенности трактования и осуществления «государственной национальной политики РФ на его территории, но в то же время не ограничивает регионы в выборе собственной местной тактики осуществления национальной политики. То есть, регионы только опираются на федеральные каноны в области осуществления национальной политики РФ», а значит обладают определенной автономностью в данном деле, и определении способа

¹⁰⁵См. Кульбачевская О. Опыт реализации государственной национальной политики в регионах России // Вестник Российской нации, 2017 № 2, С. 128

¹⁰⁶ См. Маклашова Е.Г. Сравнительный анализ региональных концепций формирования государственной национальной политики России // Регионология, 2015 № 2. С. 168-177

решения проблем в данной области, руководствуясь насущностью определенных задач в конкретном субъекте федерации.¹⁰⁷

О. Кульбачевская отмечает, что «региональные власти отдельных субъектов РФ могут выстраивать национальную политику вне специальных тематических программ, используя другие механизмы, однако, по ее мнению, разработка и реализация госпрограммы именно в сфере национальной политики позволяет вести систематическую, комплексную работу в этом направлении с учетом общероссийских и региональных реалий, в т.ч., что немаловажно, и работу по раннему предупреждению межэтнических и межконфессиональных конфликтных ситуаций».¹⁰⁸

В свою очередь полагает Л.В. Савинов: «на региональном уровне осуществление национальной политики сопровождается принятием подобных документов на уровне субъектов РФ. Реализация указанных документов сегодня сопровождается принятием федеральных и региональных программ с достаточно солидным бюджетом, что значительно усиливает эффективность национальной политики не только на федеральном, но также и региональном уровне. Наряду с финансовым обеспечением государственной национальной политики федеральный Центр ввел нормативную ответственность региональных и муниципальных властей за состояние межэтнических и межконфессиональных отношений».¹⁰⁹

Президент РФ В.В. Путин особо отметил: «я рассчитываю на то, что руководители субъектов Федерации, всех территорий, составляющих нашу многонациональную страну, будут рассматривать вопрос сохранения межнационального единства как важнейший вопрос своей деятельности, потому что без межнационального единства у нас не может быть государства,

¹⁰⁷ См. Маклашова Е.Г. Региональные особенности реализации государственной национальной политики на Дальнем Востоке: правовой аспект // Теории и проблемы политических исследований. 2016 №3. С. 221-222

¹⁰⁸ См. Кульбачевская О. Опыт реализации государственной национальной политики в регионах России // Вестник Российской нации, 2017 № 2, С. 127

¹⁰⁹ См. Савинов Л.В. Муниципальная этнополитика в современной России: принципы, направления и ресурсы // Вестник Российской нации, 2018 № 1, С. 57

...оно исчезнет».¹¹⁰

В результате в настоящее время обстановка складывается таким образом, что органы власти российских регионов, на законодательном уровне обличенные ответственностью за «обстановку в области межэтнических отношений, имеют возможность самостоятельно устанавливать значимость, предметную нацеленность, а также размер усилий в сфере совершенствования межнациональных отношений. Инструменты, которые регионы используют для реализации государственной национальной политики (ГНП), разные».¹¹¹

Все это, по мнению Д.А. Шовканова, говорит о том, что как на уровне федерального центра, так и в регионах нет единого подхода к выработке региональных и местных программ поддержки в сфере гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений. Выработка и принятие единых государственных и региональных программ, включающих в себе комплекс мероприятий и действий по оптимизации межнациональных отношений, предупреждению и предотвращению межэтнических конфликтов, единому мониторингу этнополитических конфликтов и общественного мнения о состоянии межнациональных отношений, по инициированию мер поддержки общественных инициатив в осуществлении целей и задач национальной политики, позволит кардинально улучшить ситуацию в межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношениях.¹¹²

С точки зрения Н.В. Михайловой и Д.Ц. Будаевой, «в условиях укрепления вертикали власти неизбежна унификация региональных планов мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики. Но одновременно, региональное копирование федерального Плана реализации Стратегии государственной национальной политики приводит к

¹¹⁰ См. Заседание президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия. 11 февраля 2011 года // <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/10312>

¹¹¹ См. Кульбачевская О. Опыт реализации государственной национальной политики в регионах России // Вестник Российской нации, 2017 № 2, С. 127-128

¹¹² См. Шовканов Д.А. Эффективность государственного управления в сфере межнациональных (межэтнических) отношений // Этносоциум, 2018 №2, С. 49-50

формальному проецированию мероприятий вышестоящего уровня, что не всегда оправданно в условиях существования чрезвычайного разнообразия этнополитической ситуации в разрезе регионов. Эффективность государственной региональной национальной политики состоит в том, чтобы успешно сочетать федеральные приоритеты с региональными запросами и дать региону не минимум, а максимум эффекта».¹¹³

Близка к предыдущему суждению и позиция Ю.П. Шабаева, который, анализируя базовые концептуальные документы, обозначающие ключевые принципы региональной национальной политики, приходит к выводу, что в их последних версиях присутствует либо точное калькирование федеральных образцов документов, либо формалистское принятие концепций или стратегий, которые нацелены на то, чтобы показать верность руководства субъектов РФ федеральным властям. В то же время, в концепциях национальной политики субъектов РФ, а также в официальных документах, действующих в российских регионах, политика гражданской интеграции зачастую отброшена на задворки, а концептуально важный интегративный подход к созданию региональных сообществ не присутствует совсем или же только декларируется. По его мнению, нельзя допустить, чтобы региональная этнополитика по-прежнему оставалась аморфной и по существу противоречила доктринальным основам федеральной модели государственной национальной политики, что сегодня на деле во многих случаях и происходит.¹¹⁴

Как отмечает О.Ф. Дзалаев, современная концептуальная и нормативная база государственной национальной политики в России преследует две основные цели: оказание помощи в этнокультурном развитии членам всех национальных общностей, живущих в нашей стране, а также усиление консолидации гражданского общества в России. В работе всех институтов,

¹¹³ См. Михайлова Н.В., Будаева Д.Ц. Реализация Стратегии государственной национальной политики в Дальневосточном федеральном округе: проблемы и перспективы // Власть. 2023 Том 31. №4, С. 22-29

¹¹⁴ См. Шабаев Ю.П. Государственная национальная политика России: правовой и доктринальный уровни и их согласованность с региональными политическими практиками // Вестник Российской нации, 2018 № 3, С.34

участвующих в государственной национальной политике, реализуется комплексный подход, всеобъемлющее сотрудничество органов законодательной и исполнительной власти, региональных властных институтов, этнических общественных объединений, научного и профессионального сообщества, совершенствование старых и внедрение новых форм и методов работы.¹¹⁵

Большую, а зачастую и ключевую значимость, для осуществления национальной политики, как и любой другой политики, приобретают как сами политические институты, участвующие в ее осуществлении, так и особенности их функционирования, а также объем полномочий. Как в свое время отметил еще С. Хантингтон: «институты – это устойчивые, значимые и воспроизводящиеся формы поведения. Организации и процедуры могут сопровождаться различным уровнем институционализации. Институционализация – это процесс, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость».¹¹⁶ Как отмечает А.В. Новокрещенов, осуществление национальной политики РФ предполагает определение не только целевых задач и основных направлений, но и принципиально важным представляется определение акторов этой политики.¹¹⁷

Таким образом, институциональный уровень реализации государственной национальной политики наравне с ее концептуально-нормативным сегментом во многом определяет ее успешность и эффективность не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов РФ. В связи с этим определим и рассмотрим институты, участвующие в реализации национальной политики РФ на региональном уровне. Сразу оговоримся, что в российских условиях огромное влияние на региональные этнополитические процессы и на особенности осуществления национальной политики на уровне субъектов РФ

¹¹⁵ См. Дзалаев О.Ф. Основные этапы становления современной государственной национальной политики // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1. С.28

¹¹⁶ См. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. С. 32

¹¹⁷ См. Новокрещенов А.В. Местное сообщество как основа местного самоуправления. Государственная власть и местное самоуправление, 2011, № 10, С. 10-15

оказывают не только региональные, но и федеральные политические институты (как властные, так и общественные). В целом же можно констатировать, что организационно-управленческое обеспечение государственной национальной политики РФ возложено на федеральные, региональные и местные органы власти и управления.

В настоящее время вопросы национальной политики входят в сферу деятельности многих законодательных и административных органов власти на различных уровнях (федеральном, региональном и местном).¹¹⁸ Как отмечают некоторые исследователи, основой спокойствия межэтнических и религиозных отношений являются общая стабилизация общественно-политической ситуации в стране и выстроенная за последние годы адекватная система управления государственной национальной политикой. Они констатируют, что, как и в других сферах, в национальной политике действует вертикаль управления через полномочных представителей президента в федеральных округах, вице-губернаторов в субъектах Российской Федерации, уполномоченных органов власти и местного самоуправления.¹¹⁹ Также надо отметить, что на региональном уровне существует институт заместителей глав субъектов РФ, которые ответственны за состояние межнациональных отношений в каждом конкретном регионе.

Если говорить об институциональной системе реализации региональной национальной политики, сложившейся на федеральном уровне, то здесь необходимо отметить такие институты как: Президент РФ, Администрация президента РФ, Правительство РФ, Государственная Дума РФ и Совет Федерации. Так при Президенте РФ, в частности с 2012 года существует и активно функционирует Совет по межнациональным отношениям, а в структуре Правительства РФ было образовано специализированное ведомство – «Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН)»,

¹¹⁸ См. Заметина Т.В. Обновленная Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: достоинства и недостатки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. №3. С.15

¹¹⁹ См. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. М.-Омск: «Издательский центр КАН», 2018, С. 5

отвечающее за реализацию национальной политики не только на федеральном уровне, но и уровне субъектов РФ.

Создание ФАДН, по мнению подавляющего числа специалистов, также, безусловно, явилось одной из важнейших новаций в сфере современной российской этнополитики. Оно знаменовало собой появление федерального органа исполнительной власти, наделенного полномочиями по реализации государственной национальной политики РФ.¹²⁰ Так, в частности, в поле ответственности ФАДН входит осуществление специализированных федеральных программ (ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (на 2014-2020 годы)» и заменившая ее впоследствии новая государственная программа «Реализация государственной национальной политики»), которые являются одним из важнейших инструментов осуществления национальной политики России не только на национальном, но и на федеральном уровне. «В рамках реализации такого рода программ ФАДН ежегодно на конкурсной основе предоставляет субъектам РФ субсидии из федерального бюджета на реализацию региональных целевых программ, утвержденных в форме государственных программ субъектов РФ или подпрограмм государственных программ субъектов РФ».¹²¹ В этом смысле «одним из приоритетов деятельности ФАДН является работа по совершенствованию таких программ субъектов РФ, и осуществление методической помощи регионам в разработке эффективных программ в сфере национальной политики».¹²² Разработка целевых программ адаптации и интеграции иностранных граждан в общество и культуру России также относится к полномочиям ФАДН. В 2022 года ФАДН также получило полномочия по ведению Реестра федеральных национально-культурных автономий (ФНКА). Необходимо отметить также, что данное федеральное

¹²⁰ См. Зорин В. Российская этнополитика на современном этапе: традиции и инновации // Вестник Российской нации, 2019 № 2, С. 9 С.24

¹²¹ См. Кульбачевская О. Опыт реализации государственной национальной политики в регионах России // Вестник Российской нации, 2017 № 2, С. 128

¹²² См. Баринов И.В. Выступление на заседании Совета по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации 22 апреля 2016 г. на тему: «Совершенствование механизмов реализации государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Вестник Российской нации. 2016. № 3. С. 19.

агентство совместно с представителями гражданского общества активно участвует и во многих проектах, реализуемых в различных субъектах РФ.¹²³

Совет при Президенте РФ по межнациональным отношениям по своей сути является дискуссионной площадкой, при этом также выполняя консультативные и совещательные задачи и функции для Президента РФ и его администрации. Как считают многие специалисты, особенно важным сегодня представляется выстраивание рабочего взаимодействия на платформе данного органа (и его отдельными подразделения) и консультативно-совещательных органов по межнациональным отношениям при губернаторах.

На современном этапе развития российского государства и общества давно уже стало очевидно, что одними из важных партнеров по реализации государственной политики укрепления межнациональных отношений в стране должны стать институты гражданского общества.¹²⁴ Очевидно, подчеркивают эксперты, что институты гражданского общества должны развиваться, привлекая все спектры общественности в свою детальность в сфере межнациональных отношений.¹²⁵ И здесь важно отметить, что, в частности, в Стратегии государственной национальной политики красной нитью проходит мысль о роли и значении гражданского общества в России в регулировании национальных отношений, в том числе, связанных с миграционной проблематикой. Несомненно, что деятельность многих национально-культурных автономий и национальных общественных объединений вносит значительный вклад в воспитание гражданской солидарности, патриотизма, распространение информации о культуре, традициях, ценностях этносов, проживающих на территории России.¹²⁶ Из институтов гражданского общества, активно участвующих в региональной национальной политике, здесь можно, прежде всего, отметить Ассамблею

¹²³ См. Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики // Этносоциум, 2018 №4, С. 170

¹²⁴ См. Мельницкая Ю.А. Государственно-общественное партнерство в сфере межнациональных отношений // Власть и управление на Востоке России. 2018 №1, С.86

¹²⁵ См. Зорин В., Каменских М. Роль общественных палат в укреплении межнационального и межконфессионального согласия в современной России // Вестник Российской нации, 2021 Спецвыпуск

¹²⁶ См. Годик М.А. Реализация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: подходы, процессы, практики // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2023 Выпуск 6, Том 13, С.2567

народов России, а также Общественную палату РФ, которые осуществляют свою деятельность не только на федеральном уровне, но и имеют свои региональные подразделения на уровне субъектов федерации.

Как отмечают некоторые эксперты, «учреждение Ассамблеи народов России как общероссийской общественно-государственной организации стало важным шагом в обеспечении полноценного государственно-общественного партнерства в сфере межнациональных отношений. При этом учредителями организации выступили ФАДН России, ООО Ассамблея народов России, Ассоциация коренных малочисленных народов России и Ассоциация финно-угорских народов России».¹²⁷ Созданная еще в конце 90-х гг. XX века, Ассамблея народов России, наряду с многочисленными общественными объединениями, реализующими государственную национальную политику, стала выполнять консолидирующую роль. Ее основной целью было определено «налаживание диалога между органами государственной власти, национальными общностями, участие в законотворческом процессе и осуществление миротворческой деятельности», а как социальный институт она выполняет функции по внедрению, закреплению и воспроизводству определенных отношений и практик в межнациональной сфере.

Необходимо также отметить, что и Общественная Палата РФ и ее региональные отделения в субъектах РФ, наравне с Ассоциацией Народов России, также принимает активное участие в улучшении межнациональных отношений и реализации региональной национальной политики РФ. На сегодняшний день профильной для сферы межнациональных и межконфессиональных отношений в ОП РФ является Комиссия по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений. Также в 52 региональных общественных палатах «имеются профильные комиссии, занимающиеся межнациональными, межконфессиональными отношениями, вопросами миграции. В 17 регионах эти вопросы входят в полномочия

¹²⁷ См. Указ о создании Общероссийской общественно-государственной организации «Ассамблея народов России» // <http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/26/events/64412>

комиссий по культуре, образованию, духовно-нравственному воспитанию и развитию гражданского общества. В семи субъектах имеются профильные рабочие группы».¹²⁸

Важную роль в реализации государственной национальной политики играет и экспертное сообщество. В РФ существует довольно много различных институтов (в том числе и в системе РАН) и консультативных структур, функционирующих как на национальном, так и на региональном уровне, занимающихся изучением разных аспектов национальной политики в целом и ее региональным измерением, в частности. В качестве примера можно привести деятельность Института этнологии и антропологии РАН, который на регулярной основе проводит мониторинг состояния этнополитических процессов и межнациональных процессов в различных регионах. Как отмечают В. Зорин и М. Каменских, в своей работе институты гражданского общества и государство нацелены на самое широкое сотрудничество с экспертным сообществом по разным вопросам, и значение экспертного обеспечения особенно необходима в регионах, где присутствует комплексный в этническом плане состав населения, а также существуют сложности во взаимодействии между различными этническими общностями.¹²⁹

Говоря о политических институтах формирования и реализации национальной политики, функционирующих, собственно, на региональном уровне, нужно, прежде всего, упомянуть исполнительные и законодательные органы власти и управления субъектов РФ, в непосредственные обязанности которых входит проведение национальной политики на уровне субъектов РФ с учетом специфики каждого конкретного региона. В каждом регионе существует также специальная должность заместителя главы субъекта федерации, отвечающего за проведение данной работы. На региональном уровне также, как правило, в каждом субъекте федерации, существуют и свои

¹²⁸ См. Зорин В., Каменских М. Роль общественных палат в укреплении межнационального и межконфессионального согласия в современной России // Вестник Российской нации, 2021 Спецвыпуск, С. 20

¹²⁹ См. Там же, С. 25

общественные и экспертные советы (обычно при главе региона), занимающиеся проблемами национальной политики и межнациональных отношений. Данные общественные консультативные советы, являются активными участниками формулирования и осуществления национальной политики на уровне регионов.

Как отмечает ряд исследователей, «в настоящее время в федеральном законодательстве еще не полностью разделены полномочия федеральных и региональных органов власти в области национальной политики, поэтому не сформировано четкое понимание выполняемых функций региональных органов власти. В этих условиях региональные органы власти стараются не принимать самостоятельные решения, направленные на углубление демократии в области национальной политики. Наметились тенденции делегирования функций и полномочий по национальной тематике на региональный и даже на муниципальный уровень».¹³⁰ К тому же, как отмечают специалисты, «основными исполнителями мероприятий Стратегии в региональных программах являются самые разные федеральные органы исполнительной власти, что не может обеспечить четкую координацию усилий и ответственность в сфере межэтнического взаимодействия».¹³¹

Как считает Ю.П. Шабает, для эффективного управления практикой осуществления национальной политики и сохранения ее единства необходимо обратить внимание на институты этнополитики и их функции. По его мнению, кроме организационной разнородности институтов региональной национальной политики необходимо констатировать еще и неустойчивость их форм, о чем следует говорить, как по отношению к институтам, функционирующим на федеральном уровне, так и к тем, что осуществляют свою деятельность на уровне регионов. Также, открыто декларируемые функции данных институтов национальной политики нередко

¹³⁰ См. Михайлова Н.В., Будаева Д.Ц. Реализация Стратегии государственной национальной политики в Дальневосточном федеральном округе: проблемы и перспективы // Власть. 2023 Том 31. №4, С. 22-29

¹³¹ См. Кульбачевская О. Опыт реализации государственной национальной политики в регионах России // Вестник Российской нации, 2017 № 2, С. 134

выглядят неопределенными или дублируют функции других ведомств.¹³²

Как отмечают ряд экспертов, движение в сторону дальнейшей институализации управления этнополитикой в стране ещё не завершено, несмотря на то, что принят целый ряд важных конституционных решений законодательных и нормативных актов.¹³³ В целом сегодня применительно к проблематике межнациональных и межэтнических отношений в рамках российского общества актуализируются преимущественно институциональные и процессуально-технические вопросы обеспечения общественного контроля относительно принимаемых политических решений и поддержки, стабилизирующих динамику межэтнического и межкультурного общения гражданских инициатив.¹³⁴ При этом анализ современного административно-политического и социокультурного контекста выстраивания и регулирования межнациональных и межэтнических отношений определяет некоторые важные позитивные особенности, связанные преимущественно с созданием инфраструктуры общественно-политического партнерства в сфере межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений и поддержкой работы общественных советов по регулированию межнациональных и межэтнических отношений на уровне всех российских субъектов. В данном отношении также плодотворной можно считать работу региональных общественных палат и профильных комиссий, задействованных в области национального проектирования, решения проблем этнокультурной разобщенности и миграции.¹³⁵

В то же время, как считают некоторые специалисты, не во всех субъектах имеются органы исполнительной власти, курирующие национальную политику. Органы муниципальной власти практически самоустранились от

¹³² См. Шабает Ю.П. Государственная национальная политика России: правовой и доктринальный уровни и их согласованность с региональными политическими практиками // Вестник Российской нации, 2018 № 3, С. 29

¹³³ См. Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики // Этносоциум, 2018 №4, С. 169

¹³⁴ См. Кононенко В.М., Притулина О.В. О некоторых исторических аспектах межнациональных отношений между Россией, Украиной и Польшей // Исторический поиск. 2020. Т. 1. № 4. С.37-44

¹³⁵ См. Стройков В.А. Проблемы и перспективы развития межнациональных и межэтнических отношений в российском обществе на современном этапе // Этносоциум. 2023 №6 С.21-22

разрешения проблем в межнациональных отношениях, перекладывая ответственность на региональные власти. Отсутствуют либо имеют не совсем адресное применение региональные и муниципальные программы, нацеленных на оптимизацию межнациональных отношений. Должным образом не налажено взаимодействие с национальными объединениями, институтами гражданского общества, занимающимися проблемами межэтнических отношений. Очень слабо ведется работа с молодежью, адаптацией приезжих мигрантов, их интеграцией в российское общество.¹³⁶

Характеризуя функциональную нагрузку и особенности функционирования региональных политических институтов, занимающихся проблемами национальной политики можно согласиться с оценкой, данной академиком В.А. Тишковым: «В зону ответственности региональных институтов этнополитики входит взаимодействие с национальными объединениями, организация различных фольклорно-фестивальных мероприятий, конференций, т.е. довольно узкая сфера деятельности, связанная, прежде всего, с культурным развитием и публичной демонстрацией культурного разнообразия, а также отчасти с образованием или теми областями, которые являются объектами управления региональных департаментов культуры и образования, т. е. возникло дублирование функций управленческих структур. Поэтому не случайно, что сами институты этнополитики часто не выделены в самостоятельные структуры, не имеют достаточных финансовых ресурсов, а в системе регионального управления четко не определена сфера компетенций управленческих структур, призванных реализовывать государственную национальную политику. Организационное многообразие, неконсолидированность и неустойчивость самих институтов этнополитики часто сопровождается не только ограниченностью финансовых ресурсов, находящихся в их ведении, но еще и ограниченностью и неопределенностью их функций именно как институтов

¹³⁶ См. Шовканов Д.А. Эффективность государственного управления в сфере межнациональных (межэтнических) отношений // Этносоциум, 2018 №2, С. 47

этнополитики».¹³⁷

Схожих позиций придерживается и О.А. Рудецкий, который считает, что региональная национальная политика носит во многом условный характер, а поэтому мы не можем считать ее самостоятельной: в реалиях существования сильной вертикали власти верно размышлять только об осуществлении государственной национальной политики в российских регионах. Также он констатирует, что «в условиях, когда данная политика не построена и выверена концептуально на общегосударственном уровне, то ее невозможно построить и в масштабе отдельных субъектов».¹³⁸

В связи с выше изложенным, думается, что государственная национальная политика, как на национальном, так и на региональном уровне, не должна лимитироваться решением относительно узкой задачи регулирования межэтнических (межнациональных) отношений, к чему она часто сводится, а призвана взять на себя более широкий комплекс проблем, связанных, прежде всего, с благополучным этнокультурным развитием многих народов и этнических групп России. От деятельности региональных органов власти во многом зависит поддержание гармоничного сочетания гражданского согласия, этнокультурного разнообразия, «позитивной региональной и этнической идентичности».¹³⁹

Таким образом, в заключении сделаем вывод, что национальная политика, в том числе региональная национальная политика РФ, представляется важнейшим фактором устойчивого социально-политического развития регионов и выступает механизмом комплексного регулирования этнополитических процессов (как интеграционных, например, «нациостроительство», так дезинтеграционных, например, межнациональные конфликты) на национальном и/или региональном уровне. При этом региональная национальная политика РФ по сути является практически

¹³⁷ См. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2019. С. 262-263

¹³⁸ См. Рудецкий О.А. Концептуализация этнической политики современной России (национальный и региональный аспекты) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2019 №4, С. 143-147

¹³⁹ См. Попков Ю.В. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика // Вестник РАН, 2012 № 12, С. 1067-1074

полным, зеркальным отражением на региональном уровне федеральной государственной национальной политики - ее целей, идей, принципов, доктрин и постулатов, а ее самостоятельность носит довольно ограниченный характер. Это проявляется не только на концептуальном, но и на институциональном уровне. Региональные концепции (стратегии) и региональные политические институты, отвечающие за национальную политику, являются в основном точным калькированием соответствующих документов и институтов федерального уровня.

Современная российская национальная политика, нашедшая свое отражение в «Стратегии национальной государственной политики» и транслируемая на региональный уровень, в концептуальном плане представляет собой, по нашему мнению, синтез конструктивистского и инструменталистского подходов. Региональная национальная политика РФ, нашедшая отражения в доктринальных документах различных субъектов РФ, также в концептуальном ключе придерживается данного синтетического подхода. Но при этом в субъектах, созданных на национально-территориальной основе, на концептуальном и институциональном уровне доминируют инструменталистские тенденции (акцент на регулирование межнациональных отношений), а в регионах, основанных на административно-территориальных основаниях, наоборот, доминируют конструктивистские тенденции (акцент на создание региональной и общероссийской гражданской идентичности).

Глава 2. ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ СПЕЦИФИКА РЕГИОНАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РФ

2.1 Демографическое и этнополитическое положение на российском Дальнем Востоке в разрезе региональной национальной политики

В современной российской политической теории и практике Дальневосточный регион рассматривается главным образом в административном ключе, как Дальневосточный федеральный округ, включающий помимо традиционных дальневосточных регионов, еще и республики Саха (Якутия) и Бурятия, а также Забайкальский край. Мы же в своем исследовании будем понимать под Дальневосточным регионом (Дальним Востоком) данное территориальное пространство в его исконном географическом, историческом и социокультурном понимании, без включенных в него в постсоветский период таких субъектов РФ, как республики Саха (Якутия), Бурятия и Забайкальский край.

Автор хотел бы отметить, что сам процесс постепенного формирования российского Дальнего Востока, который был долгим и непростым, начался еще в далеком XVII веке, а закончился лишь в XX веке - после победы СССР над Японией в 1945 году, и окончательного присоединения к нашей стране южной части Сахалина и Курильских островов. Как полагают некоторые исследователи, включение дальневосточного региона в состав Российской империи имело, прежде всего, геополитические основы. Опасения британского вторжения во время Крымской войны и такие эпизоды тихоокеанского театра этой войны как бомбардировка, Петропавловска привели российское правительство к заключению о необходимости включить в состав империи и заселить Приамурье и Уссурийский край. В результате эти регионы стали одними из последних по времени территориальных приобретений России, и в отличие от Средней Азии, включённой в состав империи примерно в это же время, Дальний Восток стал неотъемлемой частью России. При этом геополитические соображения, соображения безопасности на долгие годы стали основным приоритетом в

колониционной и переселенческой политике Российской империи и позднее – Советского Союза, поэтому долгие годы Дальний Восток был, по сути, военной окраиной, масштабное развитие которой требовало огромных ресурсов и неординарных решений. Очевидная невозможность быстро заселить и освоить «окраину» в треть своей территории естественным образом требовала от Российского правительства (царского, а затем советского и постсоветского) институциональных экспериментов или специфичных планов, программ, отдельных мер по колонизации, освоению и развитию территории.¹⁴⁰ Процесс освоения Дальнего Востока отвечал политическим интересам Российского государства, и единственной возможностью сохранить за собой эти земли было быстрое заселение и всестороннее развитие там экономики, а обособленность от остальной части страны стимулировала укрепление экономических связей с сопредельными странами.¹⁴¹

При этом, как отмечают А.С. Ващук и Н.С. Воронцов, понятие «российский Дальний Восток», учитывая временное пространство, сложное территориальное образование, не было статично: менялись его административные границы и управление. В конце XX – начале XXI в. регион был и остается не только территорией контактов разных народов и культур, но и площадкой, где «встречаются» разные хозяйственные и социальные системы, а в региональной истории военный фактор оказывал определяющее влияние на социальные, политические, экономические и культурные процессы, на территории.¹⁴² Вместе с тем, по мнению ряда ученых, по причине пионерного характера заселения, который фиксируют и современные исследования¹⁴³, предопределившего сравнительно высокий уровень толерантности, как к мигрантам, так и к представителям других

¹⁴⁰ См. Рыжова Н.П., Васильева О.Г. Российский Дальний Восток «как череда экспериментов»: поиск подходов к объяснению причин успехов и неудач освоения периферийных регионов // Ойкумена. 2017 №4, С.7-16

¹⁴¹ См. Степанов Н.С., Соколовская Е.А. Место Дальнего Востока в перспективной модели развития Российской Федерации // Федерализм. 2021 №3, С. 29-49

¹⁴² См. Ващук А.С., Воронцов Н.С. Дальневосточный фронт 1990-х годов: от «территории-крепости» к новым формам развития региона // Журнал фронтирных исследований, 2022. Т.7. №4. С. 104-135

¹⁴³ См. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Формирование постоянного населения в опорных городах Приморского края и южной зоны Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2014. №4. С. 8-16

национальностей вообще, в крае в течение длительного времени сохраняется установка на этнополитический консенсус.

Как отмечает О.А. Рудецкий, «российский Дальний Восток представляет собой регион активного межэтнического взаимодействия, взаимопроникновения и взаимообогащения культур: славянских и коренных народов, народов Китая, Кореи, Японии, Монголии и т.д.». ¹⁴⁴ Как пишут некоторые специалисты, «полиэтническое население Дальнего Востока, также как и его характерные особенности сформировались уже к началу XX в.: преобладающее восточнославянское население, немногочисленные, но этнически разнообразные аборигенные народы, значительное число представителей этнических сообществ российского происхождения и иностранных мигрантов из стран Восточной Азии». ¹⁴⁵ При этом в результате действия комплекса факторов здесь сформировались относительная устойчивость культур народов региона, определённое единство и непрерывность этнокультурного массива, сходство базисных ценностных систем разных народов в ситуации этнокультурного многообразия, а культурное, лингвистическое, религиозное разнообразие было яркой особенностью российского Дальнего Востока с самого начала его колонизации. ¹⁴⁶

Вместе с тем, как полагают эксперты, особого внимания здесь заслуживает фактор трансграничности, поскольку российский Дальний Восток является по своему пространственному положению и структуре макрорегионом, характеризующимся окраинностью и удаленностью от федерального центра. ¹⁴⁷ Дальний Восток в текущий период является одним из приоритетных направлений российской региональной политики, но при этом государственная политика в отношении Дальнего Востока России определяется, прежде всего, геополитическими факторами, создающими

¹⁴⁴ См. Рудецкий О.А. Поливариативность этнокультурной идентификации русских на Дальнем Востоке // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2018 №1(57) С. 150-157

¹⁴⁵ См. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: кол. монография / М.Ю. Мартынова, В.А. Тишков [и др.]; отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022 С. 196

¹⁴⁶ См. Рыжова Н.П., Васильева О.Г. Российский Дальний Восток «как череда экспериментов»: поиск подходов к объяснению причин успехов и неудач освоения периферийных регионов // Ойкумена. 2017 №4, С.7-16

¹⁴⁷ См. Отдадут ли Дальний Восток в аренду? // Аргументы и факты. 2022. № 3. С. 7.

угрозу национальной безопасности страны в Азиатско-Тихоокеанском регионе.¹⁴⁸ В связи с этим, отмечают Е.Ю. Костина и Н.А. Орлова, в настоящее время Дальневосточный регион занимает особое геополитическое положение, вызванное его оторванностью от центра страны и территориальной близостью активно развивающихся стран Азиатско-тихоокеанского региона, и необходимость защиты и удержания данных территорий, а как следствие их заселение и экономическое развитие, всегда было приоритетом для правительства страны.¹⁴⁹

В свою очередь О.Н. Николайчук констатируют, что развитие миграционных процессов в Дальневосточном регионе России обуславливается его геополитическим положением и характером экономики. Начиная со столыпинских реформ начала XX века и вплоть до распада Советского Союза, в регионе наблюдался скачок миграционной активности населения - произошел мощный приток трудовых ресурсов, так как в это время происходило освоение Дальнего Востока, так как население в регион в этот период привлекалось материальными поощрениями и «добровольно-принудительным» переселением граждан. После развала Советского Союза ситуация поменялась в обратную сторону, начались резкий отток и старение населения.¹⁵⁰

Группа ученых под руководством В.Л. Ларина в ходе своего «научного исследования определили и другие важнейшие черты трансформационных процессов в дальневосточном пространстве позднего советского и частично постсоветского периода. В частности, здесь постоянно проявлялись взаимосвязи между социально-политическими изменениями, экономическими и демографическими, миграционными процессами, а естественная смена поколений активно дополнялась результатами целенаправленной демографической и миграционной политики. Это

¹⁴⁸ См. Галичанин Е.Н. О некоторых аспектах государственной политики по развитию Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2017 №4, С. 8-14

¹⁴⁹ См. Костина Е.Ю., Орлова Н.А. Миграция и демографическая безопасность Дальнего Востока России // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15—16 марта 2017 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М.: АО «ВЦИОМ», 2017. С.1012

¹⁵⁰ См. Николайчук О.Н. Дальний Восток России. От депрессивного региона к территории будущего. М.: ИНФРА-М, 2020 С. 58

ускоряло смену жизненных стратегий разных социальных слоёв и групп общества, менялся профессиональный состав занятого населения Дальнего Востока. Денежные льготы, установленные на более раннем этапе, постепенно утрачивали свою значимость для закрепления жителей, а усиливалась роль жилищного фактора и комплексных условий проживания, что можно отметить, как одну из особенностей проявления в регионе трансформационного сценария советского типа».¹⁵¹

По мнению ряда политиков, ученых и управленцев, дальневосточные регионы сейчас и в ближайшей перспективе являются средоточием потенциально опасных для будущего страны проблем геополитического, социального, демографического, этнонационального, энергетического и инфраструктурного характера.¹⁵² Нехватка трудовых ресурсов, непрекращающийся отток населения, непростые межэтнические отношения, а также нерешенные проблемы коренных малочисленных народов Севера являются типичными для большинства регионов Дальнего Востока.¹⁵³ При этом исследователи также обычно выделяют следующие основные факторы, оказывающие воздействие на этнополитическую обстановку в регионе: неблагоприятная демографическая ситуация с трудовыми ресурсами, неурегулированные вопросы миграции, отсутствие экономического роста, низкое качество жизни населения в восточных и ряде центральных регионов, усиление социальной напряженности и протестного потенциала, которые пока частично компенсируются внутрироссийской миграцией в более успешные регионы.¹⁵⁴

Эксперты вместе с этим полагают, что важность решения существующих в регионе целей «обусловлена существованием следующих угроз интересам безопасности России в пограничном пространстве – напряженной

¹⁵¹ См. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016 С. 914

¹⁵² См. Гарусова Л.Н. Международная миграция в современной России: дальневосточный контекст // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета, 2014 №4, С.9-22

¹⁵³ См. Гарусова Л.Н., Петрова Н.В. Особенности социально-этнических процессов в Камчатском крае // Регион: экономика и социология, 2015, №2 С. 133-149

¹⁵⁴ См. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. М.-Омск: «Издательский центр КАН», 2018 С. 6

межэтнической и межконфессиональной обстановки, снижения уровня жизни населения».¹⁵⁵ При этом, как констатируют Н.В. Михайлова и Д.Ц. Будаева, «обеспечение стабильности и безопасности Дальневосточного федерального округа, находящегося в зоне стратегических интересов ведущих игроков политики и экономики, немыслимо без сохранения и развития межнационального согласия полиэтнического сообщества данной территории».¹⁵⁶

В.Ю. Леднева полагает, что конфликтогенные факторы, формирующиеся в Дальневосточном регионе, можно разделить на три группы.¹⁵⁷

- 1-ый кластер факторов – отношение государства к отдаленным регионам ДФО и регулирование экономических процессов – связана со спадом промышленного производства, отменой части льгот и снижением уровня жизни населения в северных частях региона. Общее сокращение численности населения уже сегодня приводит к образованию «демографического вакуума» в Дальневосточном регионе.
- 2-ой кластер – неконтролируемые миграционные потоки и неэффективная миграционная политика. Конфликтогенным фактором миграции, безусловно, является приток сельского населения в города. Потеря сельского населения приводит к разрушению сложившегося уклада жизни, особенно это важно для коренных малочисленных народов, которые также включены в миграционные процессы. Серьезной проблемой является складывающаяся ситуация с внешними мигрантами в регионе. С геополитической точки зрения она чрезвычайно опасна, т.к. поток мигрантов из Центральной Азии и Китая ежегодно увеличивается, миграционный прирост в среднем составляет 15% ежегодно. В связи с этим одной из главных проблем в ДФО остается отсутствие четкого контроля за трудоустройством мигрантов, так как потоки мигрантов увеличиваются, а

¹⁵⁵ См. Сидоров С.А. Пограничное пространство Дальнего Востока России как зона уязвимости и контактности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016 №1(49) С. 111-113

¹⁵⁶ См. Михайлова Н.В., Будаева Д.Ц. Реализация Стратегии государственной национальной политики в Дальневосточном федеральном округе: проблемы и перспективы // Власть. 2023 Том 31. №4, С. 22-29

¹⁵⁷ См. Леднева В.Ю. Конфликтогенные факторы миграции: специфика Дальневосточного федерального округа // Вопросы этнополитики. 2020 №3, С. 80-90

контроля становится меньше.¹⁵⁸

- Третий конфликтогенный фактор – складывающиеся межэтнические отношения между трудовыми мигрантами и местным населением.

В связи с этим можно обратиться и к позиции А.К. Кузнецова, думающего, что «...сегодня современная этнополитическая ситуация региона существенно меняется и в ней возникают новые риски и угрозы. Не случайно, даже зарубежные исследователи характеризуют наш регион как зону риска. Указанные особенности Дальнего Востока России определяют и специфику протекания здесь процесса этнотрансформации в сравнении не только с зарубежными странами, но и такими регионами России, как Поволжье и Кавказ».¹⁵⁹

Таким образом, из обозначенных выше градаций мы наблюдаем, что, по сути, все группы факторов, угроз и рисков устойчивому социально-политическому и этнополитическому развитию Дальневосточного региона, по существу, распадаются на два блока, которые можно условно назвать «социально-демографический» и «этномиграционный». Начнем с социально-демографического.

По прогнозу Федеральной службы государственной статистики тенденция сокращения населения в Дальневосточном регионе сохранится вплоть до 2036 г., с 6 182,7 тыс. человек в 2017 г. до 5 989,7 тыс. в 2030 г. (- 142 тыс.) и 5 961,9 тыс. в 2036 г. (- 27,8 тыс.).¹⁶⁰ Как отмечает В.Ю. Леденева, в текущий исторический период по темпам убыли населения Дальневосточный регион находится на первом месте в череде федеральных округов, что влечет за собой отрицательные последствия экономического, демографического, социального и этнополитического характера. При этом уезжает население, которое уже адаптировано к условиям жизни на Дальнем Востоке, имеет свой капитал, а новичкам же приходится приспосабливаться к сложным

¹⁵⁸ См. Восток не резиновый. Мигрантов на Дальнем Востоке все больше, а контроля все меньше // https://news.rambler.ru/other/42962616/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink

¹⁵⁹ См. Кузнецов А.М. Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы // Ойкумена. 2012. №1. С.75

¹⁶⁰ См. Федеральная служба государственной статистики. Предположительная численность населения Российской Федерации // http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812

климатическим условиям жизни и обустроиваться на новом месте экономически и социально.¹⁶¹ При этом ожидания, связанные с закреплением лиц, приезжающих на вахты или заключающих длительные контракты на работу в макрорегионе, оправдываются слабо.¹⁶² В связи с этим С.Н. Найден и М.А. Грицко резюмируют, что с одной стороны, дальневосточный регион продолжает находиться в общероссийском тренде депопуляции населения. С другой стороны, именно для Дальнего Востока наиболее остро стоит проблема миграционного оттока населения (особенно трудоспособного возраста) в другие регионы России.¹⁶³

Как констатируют ученые, анализ динамики численности населения Дальнего Востока свидетельствует о продолжающемся его сокращении. При этом, по их мнению, настораживающим фактором является то, что среди субъектов федерации в этом процессе присутствуют и южные регионы, занимающие приграничное положение с сопредельными странами дальнего зарубежья, в частности, Приморский край и Амурская область.¹⁶⁴ «Поэтому вопрос о том, как "закрепить" и "сохранить" людей на Дальнем Востоке, продолжает оставаться актуальным, не теряет своей значимости, и в последние годы власти всех уровней серьезно озаботились этой проблемой, в частности принят ряд конкретных шагов, направленных на развитие человеческого капитала, экономики, социальной сферы и управления, реализуемых в пилотном варианте в Дальневосточном федеральном округе».¹⁶⁵ Но в связи с этим также широко отмечается и то, что Дальневосточный регион, несмотря на принятие программ по его развитию, продолжает терять жителей от естественной убыли, а также миграционного оттока, а ограниченная транспортная доступность и ощущение оторванности

¹⁶¹ См. Леденева В.Ю. Конфликтогенные факторы миграции: специфика Дальневосточного федерального округа // Вопросы этнополитики. 2020 №3, С. 80-90

¹⁶² См. Найден С. Н. Социальные эффекты от реализации инвестиционных проектов в регионе // Регионалистика. 2017. Т. 4. №6. С. 28-33

¹⁶³ См. Найден С.Н., Грицко М.А. Социальный потенциал устойчивого развития Дальнего Востока: демографические и инфраструктурные ограничения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2017 №4 С. 102-109

¹⁶⁴ См. Галичанин Е.Н. О некоторых аспектах государственной политики по развитию Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2017 №4, С. 8-14

¹⁶⁵ См. Винокурова А.В., Ардалянова А.Ю., Шаривхан Ж. Уехать "куда" или "откуда": условия жизни и миграционные стратегии жителей дальневосточного российско-китайского приграничья // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020 № 4, С.7-15

от основной части России формирует у дальневосточников мнение, что огромный регион, в котором они живут, нужен федеральному центру исключительно в виде сырьевого придатка.¹⁶⁶

По мнению ряда экспертов, «направления реализации демографической политики имеют решающее значение для обеспечения государственной безопасности России, особенно на Дальнем Востоке, учитывая, что внутренняя миграция в регионе ориентирована в основном на западную часть России, возникают опасения, что Дальний Восток останется территорией переселенческих предпочтений народов, населяющих Дальний Восток и Юго-Восточную Азию».¹⁶⁷ При этом, как считает С.В. Перельгин, «конструктивная реализация государственной демографической политики на Дальнем Востоке способна привести к снижению риска усиления внешнего демографического давления, связанного с возможным углублением диспропорций между численностью коренных жителей Дальнего Востока и численностью населения сопредельных государств. Этот риск будет расти до тех пор, пока не будет преодолена тенденция миграционного оттока коренного населения с восточных территорий России».¹⁶⁸ В этой связи, как полагает А.А. Зыков, «задача восполнения славянского населения Дальнего Востока, поредевшего вследствие социально-экономического кризиса 1990-х годов, остаётся в приоритете, но условия её реализации ещё далеки от благоприятных, потому что экономическая динамика и уровень благосостояния (а также ёмкость регионального рынка труда) ниже, чем в других федеральных округах, да и географическая удалённость сказывается: даже выходцы из сельских районов беднейших республик Средней Азии едут на Дальний Восток только после поиска вариантов трудоустройства в иных субъектах РФ».¹⁶⁹

¹⁶⁶ См. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. М.-Омск: «Издательский центр КАН», 2018 С. 6

¹⁶⁷ См. Понамарева А.М., Татунц С.А. Иммиграция как проблема национальной безопасности РФ // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С.135-151.

¹⁶⁸ См. Перельгин С.В. Государственная политика России по управлению демографическими процессами на Дальнем Востоке в 1991–2015 гг. // Ойкумена. 2016 №1, С.95-101

¹⁶⁹ См. Зыков А.А. Дальний Восток России на перекрестке трансграничных миграционных потоков Евразии // Ойкумена. 2014 №4, С.26-34

Как пишет Л.С. Ржаницына, характеризуя условия жизни населения региона, следует отметить наличие серьезных проблем практически во всех сферах, начиная от удовлетворения первичных материальных потребностей (обеспечиваемых как личными доходами, так и доходами от экономической активности и поступлениями от государства в форме пенсий, пособий) до более высоких потребностей, связанных с развитием человека (творческий труд, образование, культура, здоровье, спорт, экология, туризм, воспитание детей, благотворительность и т.п.).¹⁷⁰ В связи с этим «наблюдаемые неблагоприятные тенденции в сфере регионального социально-экономического развития обуславливают заметные изменения в социальном самочувствии дальневосточников, характерен высокий уровень тревожности в связи с неопределёнными жизненными перспективами, по большинству показателей качества жизни Дальний Восток имеет существенное отставание от среднероссийского уровня».¹⁷¹ При этом, как отмечают некоторые эксперты, даже формальная «близость» среднестатистических показателей, характеризующих социальный потенциал (демографический потенциал, уровень и качество жизни, обеспеченность и доступность социальной инфраструктуры) в регионах Дальнего Востока, к среднероссийскому уровню не является достаточным условием для обеспечения устойчивого роста, а тем более опережающих темпов развития стратегически важного для страны региона.¹⁷²

Теперь перейдем к другому блоку факторов, угроз и рисков устойчивому социально-политическому и этнополитическому развитию Дальнего Востока – этномиграционному. С точки зрения А.С. Кима, «на российском Дальнем Востоке ...следует определять необходимость употребления в одной связке понятий этническая политика и миграционная политика. Это связано с тем, что ...в настоящее время миграционные потоки на дальневосточных

¹⁷⁰ См. Ржаницына Л.С. Застаревшие демографические проблемы Дальнего Востока // Федерализм. 2015 №3, С. 161-174

¹⁷¹ См. Винокурова А.В., Ардалянова А.Ю., Шаривхан Ж. Уехать "куда" или "откуда": условия жизни и миграционные стратегии жителей дальневосточного российско-китайского приграничья // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020 № 4, С.7-15

¹⁷² См. Найден С.Н., Грицко М.А. Социальный потенциал устойчивого развития Дальнего Востока: демографические и инфраструктурные ограничения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2017 №4 С. 102-109

территориях в значительной степени носят этническую окраску, поскольку связаны с трудовой и нелегальной миграцией представителей титульных этносов из стран СНГ и Китая... Именно поэтому регулирование миграционных процессов на дальневосточных территориях во многом сопряжено с управлением межэтническими взаимодействиями и, следовательно, речь идет не просто о миграционной, а об этнических составляющих миграционной политики».¹⁷³

Как подчеркивает А.С. Вашук, «до конца 80-х годов Дальний Восток являлся неотъемлемой частью советского социального пространства, для которого этничность в миграционных процессах не была так важна, как в пореформенный период 90-х годов XX в. Русские, украинцы, белорусы, корейцы, малочисленные народы Севера и др. имели коллективный исторический опыт хозяйствования, общую идеологию, хотя и осознавали особенности внутриэтнического генетического родства и культурно-языковой общности, но в условиях реформ, когда значительно сузились возможности выживания, этничность стала объединяющим фактором, и с этих пор этнический компонент присутствовал во всех миграционных потоках прибывших в край и покинувших его».¹⁷⁴

Как в свою очередь констатируют Т.М. Комарова и С.Н. Мищук, Дальний Восток исторически являлся регионом интенсивных миграционных процессов, а в настоящее время в географической структуре миграции региона преобладает отток населения в рамках внутрироссийской миграции, которая формирует отрицательное сальдо миграции в регионе начиная с 1991 г. При этом международная миграция имеет положительное сальдо, а важным элементом миграционных процессов постсоветского периода является иммиграция населения из стран СНГ. В рамках постоянной миграции наибольшее число мигрантов по прибытию и выбытию

¹⁷³ См. Ким, А.С. Методологические аспекты концепции региональной этнической и миграционной политики // Национальный вопрос. Теория. Современность. Политика: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Современный мир и этнонациональные процессы» (г. Якутск, 20–21 сентября 2012 г.) / сост. А.А. Пахомов, Е.М. Махаров, Е.Д. Кули. Якутск: Сфера, 2013. С. 51–55

¹⁷⁴ См. Вашук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002 С. 150

регистрируются из Узбекистана, Киргизии, Таджикистана и Армении.¹⁷⁵ При этом как подчеркивает С.В. Рязанцев, «несмотря на то, что на определённом этапе мигранты из государств СНГ рассматривались не только как равноценное замещение необходимых для страны трудовых ресурсов, но и как противовес тихой экспансии дальневосточных соседей, ответственные государственные органы признают опасения широкой общественности как проблему, требующую принятия адекватных решений».¹⁷⁶

Вместе с тем по замечаниям И.Ф. Ярулина и О.В. Лободы: «<...> На Дальнем Востоке весьма велика вероятность дальнейшего укрупнения китайской диаспоры, которая в настоящее время и так весьма значительна. Это означает возможность появления очага сепаратизма в бассейне Амура со стороны компактно проживающего китайского населения на российской стороне. Другим фактором, способствующим возникновению сепаратистских движений, можно считать проблему усиления миграции на российский Дальний Восток корейцев, образования там их диаспор. Существует также угроза сепаратизма отдельных районов, населенных монголами, уйгурами и другими этносами».¹⁷⁷ В этой связи как мы видим, «для дальневосточных регионов межцивилизационные различия приводят, прежде всего, к обостренному восприятию китайской миграции».¹⁷⁸

Как отмечают специалисты, сложившиеся тенденции в воспроизводстве и миграционной подвижности населения в Дальневосточном регионе вызывают определенную озабоченность, поскольку демографическая самодостаточность региона — один из факторов национальной безопасности, а при условии высоких темпов сокращения численности населения нерегулируемый приток трудовых иностранных мигрантов способен вызвать

¹⁷⁵ См. Комарова Т.М., Мишук С.Н. Влияние миграции на безопасность принимающей территории (на примере Дальневосточного региона) // Региональные проблемы. 2017. Т. 20, №4, С. 108-114

¹⁷⁶ См. Рязанцев С.В. Новая концепция регулирования миграции в России // <http://www.inomnienie.ru/debate/13764/>

¹⁷⁷ См. Лобода О.В., Ярулин И.Ф. Этнический сдвиг на Дальнем Востоке России // Регионалистика. 2014. Т.1, №1, С.46

¹⁷⁸ См. Сидоров С.А. Пограничное пространство Дальнего Востока России как зона уязвимости и контактности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016 №1(49) С. 111-113

дестабилизирующие социальные сдвиги.¹⁷⁹ При этом, по их мнению, мигранты не стремятся к приобщению к культуре страны, зачастую диктуя свои обычаи и традиции, плюс к этому немаловажным является рост напряженности в обществе, в особенности на рынке труда. Поэтому подчеркиваю эксперты, какова бы ни была выгода использования иностранной рабочей силы, она не должна перекрывать разумность их количественного пребывания на Дальнем Востоке, потому как без четкого решения данного вопроса мигранты будут вытеснять местное население Дальнего Востока, что приведет к нежелательным переменам в этнической структуре населения Российской Федерации.¹⁸⁰

По мнению ряда авторитетных исследователей, существование определенных этносоциальных рисков в Дальневосточном регионе обусловлено миграционным фактором. Сконцентрированные в городской среде Дальнего Востока временные трудовые мигранты, независимо от этнической принадлежности не стремятся к интеграции в принимающее сообщество и демонстрируют поведенческие стратегии культурной дистанцированности от принимающего сообщества. Активная роль общественных организаций, созданных по национально-конфессиональному признаку, в трудовом обустройстве этнических земляков – мигрантов, имеет неоднозначные последствия: с одной стороны она способствует более быстрому бытовому обустройству, нахождения работы, но с другой – она усиливает связи и отношения мигрантов по типу землячества и клановости, а эти обстоятельства усиливают мигратофобии и этнофобии у принимающего населения.¹⁸¹

Все вышесказанное, по мнению А.С. Кима и Е.Ю. Долгополова, «целесообразно рассматривать с точки зрения понимания этномиграционной ситуации как совокупности протекающих в описываемый период этнических миграционных процессов, представляющих собой социальные

¹⁷⁹ См. Николайчук О.Н. Дальний Восток России. От депрессивного региона к территории будущего. М.: ИНФРА-М, 2020 С. 157-59

¹⁸⁰ См. Там же С. 76-79

¹⁸¹ См. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. М.-Омск: «Издательский центр КАН», 2018 С. 107

взаимодействия, приводящие к социально-территориальным и социально-статусным изменениям в положении различных этнических групп, формирующихся в результате иммиграции».¹⁸² В этом ключе представляет интерес и суждение И.Ф. Ярулина, который акцентирует внимание на том, что, «...даже в таком немногочисленном, но полиэтническом массиве, как Дальний Восток, взаимодействие коренных и пришлых этносов и этнических групп создает межэтническую среду и потенциально – источник конфликтных ситуаций».¹⁸³ Продолжая мысль, Е.Л. Мотрич констатирует, что «Славянской миграции, которую имел регион, уже нет и, как показывает практика, не будет».¹⁸⁴ А Ярулин делает следующее заключение: «процессы этнической миграции могут вполне привести к ситуации этнического сдвига – замещения одной этнической группы другой/другими с соответствующим созданием новой этносоциальной и этнокультурной среды».¹⁸⁵

В связи с этим, как особо подчеркивают некоторые специалисты, «этническое многообразие населения Дальневосточного региона не только активизирует межэтнические коммуникации, но и актуализирует региональную национальную политику, представляющую собой целенаправленную деятельность государственных органов власти по сохранению и развитию межэтнического согласия людей и народов».¹⁸⁶ В то же время, по мнению, А.С. Кима и А.Ю. Завалишина, осуществление государственной национальной политики в Дальневосточном регионе должно быть интегрировано в общий тренд – систему социально-экономического и социокультурного развития с учетом его геополитических аспектов, а «эффективность реализации госнацполитики в определяющей степени

¹⁸² См. Ким А.С., Довгополов Е.Ю. Институционализация мультикультурализма в Соединенных Штатах Америки в ракурсе регулирования этномиграционной ситуации на Дальнем Востоке России // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016 №1(49) С. 29-38

¹⁸³ См. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Дальневосточном федеральном округе (по материалам социологических исследований): препринт / И.Ф. Ярулин [и др.]. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2014. С. 80

¹⁸⁴ См. Мотрич, Е.Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 6-14.

¹⁸⁵ См. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Дальневосточном федеральном округе (по материалам социологических исследований): препринт / И.Ф. Ярулин [и др.]. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2014 С.89

¹⁸⁶ См. Михайлова Н.В., Будаева Д.Ц. Реализация Стратегии государственной национальной политики в Дальневосточном федеральном округе: проблемы и перспективы // Власть. 2023 Том 31. №4, С. 22-29

зависит от степени ее научной обоснованности, где огромную значимость имеет взаимодействие научного экспертного сообщества и органов исполнительной власти».¹⁸⁷ При этом «конфликтологический аспект реализации госнацполитики на региональном уровне предполагает, прежде всего, определение основного содержания потенциальных и реальных рисков, возникающих в процессе развития региона в сфере национально-этнических отношений».¹⁸⁸

В связи с этим как пишет, О.Н. Николайчук, можно выделить главные меры, которые нужно реализовать на Дальнем Востоке в рамках демографической и национальной политик. По ее мнению, в национальной структуре регионов Дальнего Востока происходит увеличение доли мигрирующих как с целью трудоустройства, так и с целью постоянного проживания, из стран Средней Азии, что может обострять межэтнические отношения, поэтому с текущей долей мигрантов в структуре населения Дальнего Востока необходимо проводить мониторинг межэтнических отношений в регионе для предотвращения высокой социальной напряженности среди населения.¹⁸⁹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. «настраивает на укрепление единства российской нации посредством развития интеграции народов России путем сочетания этнокультурной самобытности и гражданской идентичности. Следовательно, иммиграционные группы должны интегрироваться в российское общество, а не продуцировать формирование диаспоральных сетей и сообществ».¹⁹⁰

В то же время, по мнению ряда исследователей, приоритетными сегодня являются такие направления государственной национальной политики, как сохранение и развитие этнических культур и языков, культурного наследия

¹⁸⁷ См. Завалишин А.Ю. Ким А.С. Состояние этноконфессиональных отношений в Хабаровском крае: геополитический аспект (по данным мониторинга 2018 года) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019 №2(62), С. 34-37

¹⁸⁸ См. Ким А.С., Пономаренко Т.В. Реализация стратегии государственной политики на Дальнем Востоке: конфликтологический аспект (на примере Хабаровского края) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015 №2(46) С. 165-169

¹⁸⁹ См. Николайчук О.Н. Дальний Восток России. От депрессивного региона к территории будущего. М.: ИНФРА-М, 2020 С. 78

¹⁹⁰ См. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. указом Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666

народов России, потому как нельзя забывать о том, что социальное самочувствие граждан во многом зависит от удовлетворения этнокультурных и языковых потребностей. Они, в частности, отмечают, что сейчас, когда угроза межэтнических конфликтов не столь очевидна, необходимо, возможно, больше уделять внимания профилактическим мерам и, прежде всего, – вопросам сохранения и поддержки культурного многообразия и следует как можно активнее продвигать проекты, связанные с культурой и языком в качестве гарантов стабильной обстановки. При этом речь идет не только о праздничных мероприятиях и фестивалях, но и широком введении управленческих и общественных практик образовательной и просветительской направленности в области культурного и языкового разнообразия. В этом разрезе не менее актуальной является решение проблемы межведомственной координации, особенно – взаимодействия и сотрудничества органов власти, несущих ответственность за осуществление региональной национальной политики, со структурами, отвечающими за образование, науку и культуру, а ведомства, которые курируют внутреннюю политику, молодежь, информационную политику, безопасность, также должны активно участвовать в этом взаимодействии.¹⁹¹

Как пишет Е.Г. Маклашова: «В целом, сегодня на Дальнем Востоке имеются следующие региональные модификации государственной национальной политики России: 1) консервативная, направленная главным образом на гармонизацию межэтнических отношений и развитие этнокультурного многообразия (Чукотский автономный округ, Сахалинская область, Хабаровский и Приморский края); 2) модернистская, где принимается и закрепляется новый «образ» государственной национальной политики России (Еврейская автономная, Магаданская, Амурская области); 3) прогрессивная, направленная прежде всего на формирование российской нации (Камчатский край)».¹⁹²

¹⁹¹ См. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. М.-Омск: «Издательский центр КАН», 2018 С. 108

¹⁹² См. Маклашова Е.Г. Региональные особенности реализации государственной национальной политики на Дальнем Востоке: правовой аспект // Теории и проблемы политических исследований. 2016 №3. С. 221

В этом смысле, как замечают Н.В. Михайлова и Д.Ц. Будаева, «все субъекты РФ Дальневосточного региона однотипны по своим политико-управленческим полномочиям, в т.ч. в рамках осуществления национальной политики. Все они функционируют в рамках единого нормативно-правового поля; обладают равными правами и обязанностями при взаимодействии с федеральными органами власти, в т.ч. и при решении национальных и межнациональных проблем; имеют наработанный опыт самостоятельного регулирования этнонациональных вопросов и т.д. Все субъекты Дальневосточного федерального округа также разработали государственные программы, направленные на укрепление общероссийской гражданской идентичности, а также этнокультурное развитие народов».¹⁹³

Как отмечают эксперты, в целом мониторинг на Дальнем Востоке России фиксирует отсутствие конфликтов в межэтнических и религиозных отношениях, хотя факторы напряженности сохраняются. Социологическими опросами отмечаются снижение ксенофобских настроений среди различных групп населения, отсутствие или низкий уровень предпосылок возникновения межэтнических конфликтов, однако это не означает уменьшение опасности экстремистских проявлений. По их мнению, текущая благоприятная обстановка не означает полного преодоления рисков возникновения социальных конфликтов на основе культурных несовпадений. Даже в «тихих» регионах этому способствует зачастую сложная ситуация на рынке труда, динамичная экономическая и миграционная ситуация, борьба с коррупцией, электоральное соперничество и различные «местные» факторы. Причина существующих сегодня рисков заключается не только в «историческом» чередовании периодов стабильности и волнений, но и в самой тесной связи межнациональных отношений с социальной ситуацией. Различные общественно значимые события, порождающие протестную активность, могут трансформироваться в межэтнический конфликт. Поэтому и сегодня в управленческой и общественной повестке должны стоять вопросы предотвращения перевода социальных протестов в

¹⁹³ См. Михайлова Н.В., Будаева Д.Ц. Реализация Стратегии государственной национальной политики в Дальневосточном федеральном округе: проблемы и перспективы // Власть. 2023 Том 31. №4, С. 22-29

межнациональные противоречия.¹⁹⁴

Как мы видим при современной миграционной ситуации в Дальневосточном регионе, росте числа мигрантов и расширении каналов постоянной и временной миграции серьезным вопросом является проблема роста инокультурной миграции и увеличения культурной дистанции между иммигрантами и местным населением.¹⁹⁵ Как пишет З.И. Сидоркина: «На этом фоне, при условии продолжающегося разрушения устойчивых социальных связей вследствие выезда из региона постоянного населения, с определенной долей уверенности можно утверждать о наличии объективной угрозы размывания социальной структуры местного сообщества. В результате этих нерегулируемых процессов происходит смена качественных параметров населения и, как следствие, – разрушение российского культурного кода, который был сформирован в периоды крестьянской колонизации дальневосточных земель царским правительством и дальнейшего их освоения в советский период».¹⁹⁶

Как полагают некоторые эксперты, «если не предпринимать усилий, направленных на сдерживание миграционного оттока из наиболее важных с геополитической и экономической точек зрения регионов России – в первую очередь из приграничных районов Дальневосточного региона, то Россия потеряет проживающее там население, и это будет настоящая катастрофа для геополитической стабильности России, так как сокращение населения Дальнего Востока может привести к подрыву целостности России, вызвать реальную угрозу ее суверенитету, экономической безопасности, а также поставит под сомнение вопрос касательно места России на мировой арене как сверхдержавы».¹⁹⁷

В заключении можно отметить, что в условиях современного этапа

¹⁹⁴ См. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. М.-Омск: «Издательский центр КАН», 2018 С. 5

¹⁹⁵ См. Семёнова И.В., Островский П.Ю., Клименко В.Н. Исследование миграционных потоков населения Дальнего Востока России. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2016 С. 65

¹⁹⁶ См. Сидоркина З.И. Экономический и демографический потенциал Дальнего Востока: противоречия развития // Вестник Моск. гос. областного ун-та. 2011. № 4. С. 93-99

¹⁹⁷ См. Менделев Н.Г., Шкуркин А.М., Луценко Е.Л. Проблемы незаконной миграции и способы их преодоления // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022 №2, С. 211-216

общественного развития этнополитическими процессами становятся и демографические процессы, в особенности миграционные процессы (внутренние и внешние), которые, зачастую в результате «этнического сдвига», делают регионы полиэтничными, меняют этническую структуру населения региона, а в некоторых случаях и разрушают сложившийся в нем за долгие годы баланс межнациональных отношений.

На современном российском Дальнем Востоке демографические и миграционные процессы, ведущие к «этническому сдвигу», носят явно выраженный этнополитический характер, и поэтому являются по своей сути не столько чисто социальными, сколько именно политическими, имеющими при этом еще и явно выраженные этнические доминанты. Эти этнополитические процессы оказывают серьезное воздействие на дальневосточное этнополитическое пространство, региональную дальневосточную идентичность и дальневосточные региональные сообщества (в частности, сахалинское), трансформируя и переструктурируя их. В этом ключе социально-политическая и этнополитическая устойчивость Дальнего Востока обеспечивается способностью проводимой в регионе национальной политики эффективно регулировать этнополитические процессы, достигать межэтнического мира и гармонии в межэтнических отношениях, предупреждать и урегулировать конфликты на этнической почве.

2.2 Дальневосточная региональная идентичность и дальневосточный социум в контексте национальной политики РФ

Как мы помним из параграфа 1.2 нашего исследования, одной из ключевых целей национальной политики РФ, в том числе и на региональном уровне, наравне с поддержанием гармоничных отношений в межнациональной сфере и регулированием этнополитических процессов, является «нациостроительство», т.е. формирование и усиление единой общероссийской гражданской идентичности, что, в частности, нашло отражение и в «Стратегии национальной политики РФ. В связи с этим необходимо отметить, что, по нашему мнению, важную роль в этом процессе играет процесс образования и развития в РФ региональных идентичностей, в частности дальневосточной, которые по своему характеру и сути уже являются гражданскими, и служат важной ступенью, этапом перехода от разрозненных этнических идентичностей к общероссийской гражданской идентичности. При этом данный транзит идентичности не означает полную аннуляцию этнического компонента, просто на него накладываются «своеобразные слои» более высокого интегрального порядка. Помимо этого, как пишет И.В. Власова, «...идентичность русских может быть многоуровневой – одновременно проявляться в нескольких видах (этническое, социальное, историко-культурное, региональное, локальное, общерусское, обще-национальное)».¹⁹⁸

Несмотря на то, как полагают определенные исследователи, что «национальная идентичность требует наличия общих элементов, как известно, это не означает, что национальное политическое сообщество обязательно должно быть этнокультурно-однородным. Совместное использование и идентификация отражают существование соединительной текстуры (социокультурной, этико-политической, институциональной, символической), возникающей из нитей разной палитры, и роль такой

¹⁹⁸ См. Власова И.В. Виды идентичности у русских // Русские: этнокультурная идентичность / отв. ред. и сост. И.В. Власова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 40

структуры состоит в том, чтобы удерживать вместе даже плюралистические и конфликтные общества».¹⁹⁹

В контексте этого важно также отметить, что ключевую роль в построении гражданских идентичностей (как региональных, так и общероссийской) играет, прежде всего, национальная политика, осуществляемая как на федеральном, так и на региональном уровне. Как отмечает ряд исследователей, этнонациональная политика не может строиться исключительно на противодействии негативным тенденциям, необходимо задействовать целый пласт государственных и общественных инструментов с целью теоретического и информационного сопровождения конструктивных проектов в сфере межкультурного диалога, достижения межнационального мира и согласия, воспитания толерантности.²⁰⁰ В этой связи, по мнению Л.Х. Тлимаховой, необходимость формирования общероссийской национальной идентичности определяют две цели: обеспечение внутривнутриполитической стабильности и сохранение целостности и суверенитета государства.²⁰¹ Эти же цели, по существу, составляют базис и региональной идентичности, как разновидности гражданской. И дальневосточная идентичность в этом смысле не является исключением.

Как отмечают Е.С. Карсанова и Д.Ю. Знаменский: «Региональная идентичность, в том числе и дальневосточная, является по своей сути коллективной идентичностью. Как отмечают некоторые исследователи, коллективная идентичность проявляется в многообразных формах: является этнокультурной, когда самоидентификация группы основана на ряде элементов, которые мы обычно признаем культурными: язык, традиции, нормы и правила социального поведения, религия, историческая память, мифы, символы и т.д. В отдельных случаях эти идентичные элементы являются общими для группы в пределах определенной территории. В силу

¹⁹⁹ См. Карсанова Е.С., Знаменский Д.Ю. Идентичность в национальном и региональном измерении // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2021 Выпуск 1, Том 11, С.124

²⁰⁰ См. Устинкин С.В., Рудакова Е.К., Морозова Н.М. Оценка эффективности этнонациональной политики России // Власть, 2013 Том 21 № 9, С. 14

²⁰¹ См. Тлимахова Л.Х. Нациестроительство для современной России: состояние вопроса и проблемы, препятствующие его решению // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2020 Выпуск 8, Том 10, С. 2141

своих исторических и символических особенностей эта территория становится еще одним фактором, придающим форму и содержание коллективной идентичности. Пространство, время и культура встречаются и сливаются в этой форме коллективной идентичности, развивая социопространственное сознание, выражающееся в виде территориальной идентичности».²⁰²

Вообще для понимания интеграционных процессов и роли в них идентичностей важна нормативно-ценностная концепция, основы которой заложены М. Вебером. Внимание в ней акцентируется на культурных факторах во взаимодействии групп, выработке общих представлений, «массовых субъективных убеждений», «субъективной веры», сближении ценностей и норм поведения. Важна также и позиция Э. Смита, который «рассматривает коллективную идентичность как социальный факт и результат процесса социализации и коммуникации. Коллективная идентичность – это всепроникающий тип идентичности, потому что на коллективном уровне имеют значение не варианты и чувства отдельных людей, а природа коллективных связей».²⁰³ Важное значение для понимания коллективной интеграции и образования гражданских идентичностей (в частности, региональных) играет и коммуникативная концепция К. Дойча. Он был активным интересантом гражданских идеалов, равенства всех перед законом, полагал, что общие ценности преодолевают этническую односторонность. Дойч был сторонником увеличения объемов и разнообразия контактов, обменов между группами для объединения на межнациональном, межкультурном уровне. В понимании идентичности он был сторонником информационной концепции нации и полагал, что воображаемые сообщества скрепляют людей общими представлениями, ценностями.²⁰⁴

В этом смысле, как считает Е.С. Карсанова, «коллективная идентичность может приобретать вид политической идентичности, когда выполняются

²⁰² См. Карсанова Е.С., Знаменский Д.Ю. Идентичность в национальном и региональном измерении // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2021 Выпуск 1, Том 11, С.116-117

²⁰³ См. Smith A.D. Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge: Polity, 1995. P.123-124

²⁰⁴ См. Deutsch K. Nationalism and it's Alternatives. New York, Knopb, Cop., 1969

следующие условия: элементы, которые придают форму и содержание культурному типу коллективной идентичности, поддерживаются общими для группы властными структурами и инструментами; группа может принять решение не допускать вмешательства извне других групп в ее самоорганизацию коллективной общественной жизни, за исключением вмешательства, допускаемого группой. Политическая идентичность сосредотачивается на защите целостности, благополучия и выживании группы, когда она подвержена угрозам или проблемам, возникающим изнутри или извне. Для того, чтобы быть ресурсом для политического объединения сообщества, коллективная идентичность должна поддерживаться властными структурами и инструментами, которые связывают принадлежность и переводят идентичность в лояльность. Только в этих условиях политическая система может пройти испытание политическим объединением».²⁰⁵ То есть такая политическая идентичность становится, по сути, гражданской или общегражданской (общенациональной).

По нашему мнению, одним из ключевых элементов для создания региональных сообществ, а также коллективных идентичностей, вообще, и конструирование их гражданских разновидностей (региональная идентичность, общенациональная идентичность), в частности, является такой институт как доверие, который является одним из важнейших факторов, конструирующих сущность не только межличностных, но и, в общем, многих общественных отношений. Этот институт напрямую встроен в механизм, работающий на интеграцию и стабильность общества, и приобретает особенно важную роль для полиэтничных сообществ и территорий, которым, без сомнения, и является российской Дальний Восток.

По оценкам некоторых исследователей, «проблема доверия стала одной из центральных для современного общества, так как только доверие может объединить людей и вовлечь различные социальные группы в процесс взаимодействия, а значит, доверием пронизаны все сферы человеческих отношений. Доверительность в межличностных отношениях обеспечивает

²⁰⁵ См. Карсанова Е.С., Знаменский Д.Ю. Идентичность в национальном и региональном измерении // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2021 Выпуск 1, Том 11, С.117-126

интеграцию, сплоченность, способствует прочности связей, формирует устойчивость различных сообществ, а также поддерживает социальную стабильность общества в целом. Как особый социальный конструкт социальное доверие воплощает в себе совокупность нормативных ожиданий, направленных на увеличение стабильности и предсказуемости, а также транспарентности социальной жизни в условиях трансформационных преобразований, которое испытывает общество, поэтому регенерация социального доверия в российском социуме вообще, а также его отдельных региональных сообществах, в частности, является значимой социально-политической задачей».²⁰⁶

В этом разрезе представляет интерес позиция Б. Мицтгел, которая «характеризует доверие как социальный механизм, объясняющий конкретные действия людей с помощью их мотивов и убеждений, и доверие рассматривается ею как сложные отношения, зависящие от многих факторов и имеющие множество форм. Во взаимодействии с другими индивид удовлетворяет свои эмоциональные, когнитивные и инструментальные потребности, при этом наиболее существенным фактором, определяющим выбор конкретных действий участвующими субъектами, выступают взаимные ожидания. В этом ключе Б. Мицтгел выделяет три типа ожиданий, которые непосредственно связаны с понятием доверия: ожидание того, что естественный и моральный порядок существует и поддерживается; ожидание компетентного исполнения своей роли от тех, кто включен в социальные отношения; ожидание того, что партнеры взаимодействия будут выполнять свои обязательства и функции, что в определенных ситуациях они смогут поставить интересы других выше своих собственных».²⁰⁷

На наш взгляд данные ожидания играют исключительно важную роль при образовании региональных сообществ, построенных на гражданских основаниях, а также при формировании региональных гражданских

²⁰⁶ См. Галиуллин Д.Л., Ярулин И.Ф. Формирование доверия как условие модернизации региона // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2010 № 2(26), С.128

²⁰⁷ См. Минина В.Н. Доверие на потребительском рынке (на примере рынка продовольствия) // Социология потребления под редакцией Л.Т. Волчковой, Ю. Гронова, В.Н. Мининой. СПб., 2001. С.187

идентичностей. Все это относится и к дальневосточному социуму, и к дальневосточной региональной идентичности.

По мнению Д.Л. Галиуллина и И.Ф. Ярулина, «доверие следует рассматривать как один из факторов, поддерживающих устойчивость и интегрированность общества, а анализ доверия в этой проекции указывает на его роль в конструировании горизонтальных и вертикальных общественных отношений. В первом случае, доверие участвует в формировании групповых идентичностей (осознание общей причастности к какому-либо коллективу, сообществу), новых отношений сотрудничества и солидарности, и тем самым доверие способствует воспроизведению особого феномена - социального капитала. Дефицит доверия в свою очередь влечет проблему дефицита социального капитала, а радиус доверия как показатель социального капитала отражает широту и интенсивность социальных связей в обществе».²⁰⁸ Таким образом, доверие в целом рассматривается учеными как «механизм, обеспечивающий интеграцию и стабильность общества».²⁰⁹

Д.Л. Галиуллин и И.Ф. Ярулин также констатируют, что «доверие, формирующееся по мере межличностного взаимодействия и сотрудничества в рамках формальных и неформальных институтов региональных структур общества, прежде всего в местных ассоциациях, содействует усилению доверия к действующим политическим институтам, что способствует формированию регионального социально-политического пространства. Поэтому, в данной ситуации весьма востребованной для регионального сообщества и региональной идентичности становится идея регионального социального капитала как системы социальных сетей, облеченных взаимной ответственностью и возникающего на основе регионального/локального доверия».²¹⁰

Как отмечает Г.Д. Ковригина, именно этнополитический контекст задает условия социокультурной интеграции регионов РФ, и если данным

²⁰⁸ См. Галиуллин Д.Л., Ярулин И.Ф. Формирование доверия как условие модернизации региона // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2010 № 2(26), С. 129-131

²⁰⁹ См. Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации / Отв. ред. М. Ф. Черныш. М.: Институт социологии РАН, 2015. С.13

²¹⁰ См. Галиуллин Д.Л., Ярулин И.Ф. Формирование доверия как условие модернизации региона // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2010 № 2(26), С. 131

процессом не руководить, то он может приобрести стихийный спонтанный характер, поэтому необходим постоянный мониторинг и регулирование этнополитических процессов в том или ином региональном социуме.²¹¹ В этой связи, как отмечал Т. Парсонс, в основе социальной напряженности лежит «несовместимость социальных ценностей»,²¹² а латентным основанием для межэтнической напряженности, по мнению ученых, может быть, вкупе с другими факторами, различие в структурах идентичности.²¹³ В этом разрезе полагают А.С. Ким и Е.Ю. Долгополов, «сохранение национальной и региональной идентичностей, отсутствие угрозы национальной и региональной безопасности являются главными условиями заимствования некоторых полезных с точки зрения рационального развития регионов России компонентов мультикультурализма».²¹⁴

По мнению некоторых ученых, «развивая социопространственное сознание, объединяющее социальные практики, жители региона формируют собственную структуру ожиданий, так как этот фрейм достаточно устойчив и проявляется как выражение официального мировоззрения, связанного с пространственной социализацией, региональной практикой и идентичностью».²¹⁵ При этом по оценкам большинства исследователей региональная идентичность не является конкурентом общероссийской гражданской идентичности и не представляет для нее угрозу. В частности Т.Г. Троякова и А.И. Козинец пишут следующее: «Региональная идентичность обладает способностью объединять людей разных этнических групп, возрастов и профессий, снижать барьеры между этими группами. Речь не идёт о противопоставлении региональной и национальной идентичностей. Не следует видеть в региональной идентичности угрозу для единства страны.

²¹¹ См. Ковригина Г.Д. Инструменты национальной интеграции // Этносоциум, 2018 №8, С. 18

²¹² См. Парсонс Т. Теория коллективного поведения. М., 1972

²¹³ См. Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации / Отв. ред. М. Ф. Черныш. М.: Институт социологии РАН, 2015. С.96

²¹⁴ См. Ким А.С., Долгополов Е.Ю. Институционализация мультикультурализма в Соединенных Штатах Америки в ракурсе регулирования этномиграционной ситуации на Дальнем Востоке России // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016 №1(49) С. 29-38

²¹⁵ См. Карсанова Е.С., Знаменский Д.Ю. Идентичность в национальном и региональном измерении // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2021 Выпуск 1, Том 11, С.125

Очевидно, что региональную идентичность следует культивировать именно для укрепления целостности государства».²¹⁶

Принимая во внимание все выше сказанное, перейдем непосредственно к рассмотрению особенностей дальневосточного социума и специфики дальневосточной региональной идентичности. Вот что отмечает Р.Ф. Туровский: «Региональная самоидентификация более характерна для периферийных территорий, которые ощущают себя особой частью России. Самый яркий пример – Сибирь, можно также говорить об уральской, дальневосточной идентификации». Он также пишет, что «региональная идентичность привязывается преимущественно к административным единицам».²¹⁷ При этом, говоря о политической идентификации, И.Ф. Ярулин считает, что «на Дальнем Востоке России политическая идентификация не только не связывается с этнической или региональной компонентой, но и достаточно неявно проявляет себя на уровне электорального поведения».²¹⁸ В этом ключе некоторые специалисты полагают, что «там, где этнический или партийный фактор оказываются несущественными, исследователи не усматривают и возможности (основания) для политической идентификации. К таким регионам, по их мнению, относятся Восточная Сибирь и Дальний Восток России».²¹⁹ Так, Э. Паин отмечает: «Самую низшую степень выраженности идентификации, на наш взгляд, демонстрируют те русские края и области Сибири и Дальнего Востока, в которых в последние десятилетия неуклонно сокращается население, вследствие интенсивного переселения людей в другие регионы России».²²⁰

Как отмечает ряд специалистов, «на формирование дальневосточного социума, его ментальности и дальневосточной региональной идентичности оказывает такой феномен как приграничье, которым, по сути, для России и

²¹⁶ См. Троякова Т.Г., Козинец А.И. Некоторые факторы формирования региональной идентичности на примере Сахалинской области // Ойкумена. 2014 №4, С.53

²¹⁷ См. Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // <http://www.bastion.ru/files/eb/REGIDENT.DOC>

²¹⁸ См. Ярулин И.Ф. Политические процессы в Хабаровском крае. Хабаровск: ХГТУ, 2002.

²¹⁹ См. Бляхер Л.Е. Дальний Восток России: в поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. №3. С. 102-118

²²⁰ См. Паин Э.А. Проблема самоидентификации россиян: Со страной, с регионом, с этнической общностью // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия: [сборник докладов, представленных на конференции в г. Великий Новгород, 4-6 июля 2002 г.]. М. 2003, С.18.

является Дальний Восток. Приграничье – это весьма специфичное территориальное образование, поскольку испытывает существенное влияние государственной границы, выполняет особые функции. В качестве эталонных характеристик приграничных регионов следует обозначить, в первую очередь, равномерное заселение и равномерное развитие, нужно не допускать массового оттока населения и запустения территорий. Кроме того, должна осуществляться целенаправленная политика в отношении защиты границы посредством формальных и неформальных социальных структур и институтов, включая организацию дееспособных местных сообществ, а также не менее важным является обеспечение достойного уровня социально-экономического развития приграничных территорий, стимулирование благоприятных условий для жизни местного населения. Приграничье должно проектировать своё пространство, всячески способствовать объединению людей, а также формировать эффективные жизненные стратегии местных сообществ, включающие в себя фактор присутствия границы».²²¹

Но мнению некоторых ученых, ландшафт и природные ресурсы оказывают определенное влияние на историческое развитие человеческих сообществ²²²; соответствующее пространство при этом наполняется в воображении людей культурным смыслом²²³, то есть становится осмысленным. Если какая-либо этническая общность связывается в представлении людей с определенным географическим пространством, которое наполняется этническим смыслом, возникает совпадение двух идентичностей – этнической и территориальной, каждая из которых в определенном контексте может рассматриваться человеком как устойчивая и даже неизменная, а в совокупности могут образовывать сложную конгломератную этнотерриториальную идентичность.²²⁴

²²¹ См. Винокурова А.В., Ардалянова А.Ю., Шаривхан Ж. Уехать "куда" или "откуда": условия жизни и миграционные стратегии жителей дальневосточного российско-китайского приграничья // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020 № 4, С.7-15

²²² См. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. С.286

²²³ См. Murphy A.B. Territorial Policies in Multiethnic States // Geographical Rev. 1989. Vol. 79, № 4. P. 412

²²⁴ См. Мочалов А.Н. Территория, этничность и феномен «многонациональных» государств // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. Т.17. №4. С. 40-41

Как утверждает Л.Е. Бляхер, «характер освоения Дальневосточного региона наложил отпечаток на всю его историю, так как пространство не столько осваивалось, сколько маркировалось как принадлежащее России, что имело, по большей части, политическую мотивацию, даже если было связано с конкретной отраслью хозяйства».²²⁵ По мнению большинства исследователей, колонизация Дальнего Востока имела ряд отличий от колонизации других территорий. Они влияли на формирование дальневосточного социума, на специфику зарождения и развития общественных процессов и явлений внутри. Среди отличительных черт колонизации восточных земель можно выделить нижеследующие:

- Во-первых, территория была малообжитой, коренные народы весьма немногочисленны, занимались в основном рыбной ловлей и охотой, поэтому не противились сельскохозяйственной колонизации.
- Во-вторых, колонизация восточной территории осуществлялась под угрозой опережения со стороны других государств, что возвело цель российского правительства в ранг стратегической.
- В-третьих, заселение региона было наиболее поздним относительно других проводимых Россией колонизаций (освоение Приуралья, Сибири, Кавказа, Новороссии), что в результате накопленного опыта позволило осуществлять политику государства более осознанно, методично и оперативно.
- В-четвертых, переселение на необжитые и неподготовленные в социально-экономическом плане территории осуществлялось ускоренными темпами. Большинство возникающих проблем решались на месте.
- В-пятых, аграрная Россия проводила и по своей сути аграрную (крестьянскую) колонизацию, но значительная роль отводилась и другим социальным слоям (военнослужащие, казачество и ссыльные).²²⁶

²²⁵ См. Бляхер Л.Е. Дальний Восток России: в поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. №3. С. 102-118

²²⁶ См. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской; Центр миграционных исследований, Ин-т народно-хозяйственного прогнозирования РАН. М.: ИТ «АдамантЪ», 2009.

Как пишет А.В. Ремнев: «С созданием Приамурского генерал-губернаторства произошло не только географическое отделение Дальнего Востока России от Сибири, но ускорились процессы внутренней административной и экономической консолидации региона, имевшей преимущественно морскую ориентацию, начался процесс формирования отличной от сибирской дальневосточной идентичности («амурцы», «дальневосточники»). Это была тоже Россия, но какая-то “иная”».²²⁷

Как, в связи с этим, отмечает О.А. Рудецкий, «с момента освоения и заселения Дальнего Востока так называемый русский колонист часто не являлся, строго говоря, русским, если использовать современную этнографическую терминологию. Об этническом происхождении русских казаков и крестьян с высокой долей условности можно говорить, лишь полагаясь на сведения о регионах выхода переселенцев, родном языке, вероисповедании. Так, переселенцы Приамурья к концу XIX в. представляли собой выходцев из южно-русских, украинских, белорусских, западно-сибирских губерний и Забайкалья. Среди жителей Сахалина оказались выходцы из южно-русских губерний, с Кавказа, из Крыма и пр. Крестьяне же Якутского и Олекминского округов, говоря на языке источников, являлись по материнской линии более якутами, чем по отцовской русскими. В этом плане родоведческие изыскания современных дальневосточников, подтверждают полиэтнический характер переселенцев на Дальний Восток. Тем не менее символы родовой принадлежности, фамилия, русский семейный очаг были и остаются важными смыслообразующими компонентами русского этнического самосознания дальневосточников. Подобный подход к этнокультурной идентификации русских можно назвать государственноческим был и является активно воспроизводимым в условиях Дальнего Востока как азиатского форпоста России. Отметим, что наряду с крестьянской ранней формой колонизации огромных пространств Тихоокеанской окраины была военная колонизация, укреплявшая оборону

²²⁷ См. Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // Административное и государственно-правовое развитие Сибири XVII–XXI веков: Материалы науч.-теорет. семинара (12–13 ноября 2002 г.). Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. С.24

этой окраины. Не случайно военная символика часто сопровождала многочисленные описания и характеристику первых поселений русских людей». ²²⁸

Как писали исследователи: «жителям российского Приамурья разных национальностей изначально присуща предрасположенность к совместной бесконфликтной жизнедеятельности, а духовной сущности и нравственному облику большинства коренных жителей Приамурья свойственны доброжелательные отношения к природе, между собой и с другими людьми. Известна сохранившаяся по сей день среди жителей тайги традиция оставлять в лесных избушках спички, соль, заготовленный хворост для возможных и часто не известных им посетителей. «Законы тайги» аборигены переносили и на отношения к новым пришельцам. Эти традиции импонировали и первым российским переселенцам на берега Амура – амурским казакам и крестьянам, разделялись ими». ²²⁹

Важное значение для понимания особенностей дальневосточного социума и специфики дальневосточной региональной идентичности, по нашему мнению, также имеет концепция «проточной культуры», сформулированная в ряде работ дальневосточного исследователя Л.Е. Бляхера. По его мнению, «на Дальнем Востоке сложилась уникальная в этом смысле ситуация, так как мы имеем там становящееся политическое пространство на осваиваемой территории. В силу своей незавершенности это пространство включает с себя множество разнородных элементов. На протяжении многих столетий в регионе действовал специфический тип организации – проточная культура, строящаяся на относительном балансе положительной и отрицательной миграции при слабой сформированности регионального ядра, а каждый новый поток переселенцев привносил туда собственные мифологические представления, в чем-то отличавшиеся от представлений предшественников. Особый тип социальных сетей, основанных на витальных ценностях,

²²⁸ См. Рудецкий О.А. Поливариативность этнокультурной идентификации русских на Дальнем Востоке // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2018 №1(57) С. 150-157

²²⁹ См. Никитенко, В.Н. Аверина Ю.Н. Межэтнические отношения в системе национальной безопасности в Еврейской автономной области // Региональные проблемы, 2015. Т. 18. №2. С. 86-92

позволял этим представлениям не вступать в столкновение друг с другом, не переламываться, а сосуществовать».²³⁰

Он также отмечает, что «дальневосточное общество традиционно носило проточный характер, и в течении столетий оно складывалось из переселенческих потоков, сменявших один другой. Каждый из переселенцев приезжал со своей системой норм и правил, со своими культурными установками, а постоянное население региона (те, кто остался из прошлых потоков) было слишком невелико, чтобы ассимилировать пришельцев. Но и пришельцы были слишком разнородны, чтобы насадить собственную культуру, собственные нормы поведения, да и задерживались они в регионе не так уж надолго, поэтому через 20-30 лет менялось приоритетное направление развития, и новый поток переселенцев заменял активно уезжавших «аборигенов». Очевидно, что в подобной ситуации местная культура просто не успевала сложиться, так как инновационный вихрь постоянно разрушал ее, поэтому компенсировала это положение, обеспечивая почву для организации взаимодействия, особая проточная культура».²³¹ «При этом каждый следующий поток переселенцев обладал более высоким престижем, чем предыдущий, а потоки второй половины XX века были ориентированы на ВПК, на армию, на самосознание форпоста».²³² «Поскольку проживание в регионе мыслилось как временное, все конфликтующие смыслы, связанные с различиями в субкультурах, откладывались на потом. Если же люди все-таки ехали в регион навсегда, то жизнь осмыслялась как начинающаяся с чистого листа».²³³ При этом, как отмечает Л.Е. Бляхер, «новоселы практически сразу же включались в систему сетевого обмена (услугами, ресурсами, деньгами). Для того чтобы получить доступ к сетевому обмену новоселы должны были влиться в местную сеть, а, влившись, они обретали возможность осуществлять

²³⁰ См. Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Полис. Политические исследования. 2004. № 5. С. 28-39

²³¹ См. Там же.

²³² См. Бляхер Л.Е. Политические мифы и политическая культура Дальнего Востока России // История и культура Приамурья. 2007. №1. С. 44-57

²³³ См. Говорухин Г.Э. Захват социального пространства // Город X: провинциальные города Сибири и Дальнего Востока. Хабаровск, 2003

социальную коммуникацию безотносительно к собственным культурным установкам. Но в конце 80-х - начале 90-х годов XX века ситуация радикально изменилась, так как система льгот для новоселов Дальнего Востока рухнула, вернее, реальный объем этих льгот перестал компенсировать сложность проживания, а поездка в регион «за деньгами» утратила былую привлекательность. При этом одновременно рухнула и идеология, обосновывавшая необходимость проживания в регионе и служившая базой для сетевого взаимодействия, а проточная культура начала распадаться, что привело к актуализации отложенных культурных различий. В подобных условиях единственной общей характеристикой, позволяющей организовать коммуникацию, отождествить себя с территорией и территориальным сообществом, оказалось самосознание форпоста».²³⁴

Всё это, как констатирует Л.Е. Бляхер, «создавало особое самосознание у жителей - самосознание гарнизона крепости, находящейся в осаде или созданной на случай осады. Если в досоветскую эпоху гарнизонное сознание отражало неустойчивость российских позиций на «новых землях», то в советский период оно стало квинтэссенцией идеологии враждебного окружения. Япония, а затем Китай становятся вероятными противниками, а Дальний Восток передовой, первым рубежом обороны России на пути новых захватчиков. Под эту идеологию выстраивалась экономика страны и, в первую очередь, экономика Дальнего Востока».²³⁵ «Именно эта идентификация позволяет дальневосточнику осознать свою самость, необходимость и возможность быть здесь и сейчас. Такой вариант идентификации дает возможность отвлечься от различия в положении каждого дальневосточного субъекта Российской Федерации, порождает ощущение единства перед лицом опасности».²³⁶

При этом, как считает Л.Е. Бляхер, «идентификация в пространстве исчезнувшей проточности далеко не произвольна, и она должна отвечать

²³⁴ См. Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Полис. Политические исследования. 2004. № 5. С. 28-39

²³⁵ См. Бляхер Л.Е. Политические мифы и политическая культура Дальнего Востока России // История и культура Приамурья. 2007. №1. С. 44-57

²³⁶ См. Бляхер Л.Е. Дальний Восток России: в поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. №3. С. 102-118

ряду условий. Во-первых, ей необходимо нивелировать неожиданно всплывшие различия, способные взорвать и без того неустойчивый социум, компенсировать чувство брошенности, поэтому такая идентификация должна найти другого, противопоставление которому было бы значимее, нежели внутрирегиональные различия, ибо в противном случае противоречия превратят дальневосточный регион в пространство войны всех против всех. Во-вторых, идентификация в условиях распавшегося дальневосточного протока должна быть идентификацией в рамках России, поэтому образ крепости, защищающей восточные рубежи страны, – один из ключевых образов самосознания дальневосточного региона уже многие столетия. В советские годы образ крепости, форпоста усиливался постоянными военными инцидентами с Японией и Китаем, расположением в регионе самого большого военного округа в Советском Союзе. В-третьих, идентификация, связанная с идеей защиты России, последнего рубежа и т.д., должна была сообщать его носителям предельно высокий статус, достаточный для того, чтобы ментально компенсировать реальное отсутствие комфортных условий проживания, поэтому идеологические стимулы были важным элементом, позволяющим абстрагироваться от бытовых неудобств, неразвитости социальной инфраструктуры, обосновать необходимость присутствия в регионе. В-четвертых, политическая идентификация на Дальнем Востоке России должна базироваться на уже укорененных в регионе мифологических представлениях, ибо в противном случае она оказывается неполной».²³⁷

Говоря о дальневосточном социуме и дальневосточной региональной идентичности на современном этапе исторического развития, необходимо обратиться к эпохе позднего советского и раннего постсоветского развития российского Дальнего Востока. Как отмечают некоторые ученые, региональное общественное, экономическое, культурное пространство Дальнего Востока позднесоветского периода отличалось сложным, противоречивым набором реалий и характеристик, несмотря на внедрение

²³⁷ См. Там же

унифицированных советских стандартов, принципов организации общества. Это проявлялось во всём: от экономики до повседневности. В образе жизни населения переплетались все черты «советскости» в особой форме, основанной на государственном менталитете и патернализме, рациональном смысле труда и повседневного бытового обустройства в рамках распределительной и уравнительной системы, а также постоянном преодолении провинциализма, стремлении «жить, как в центре». В тот период продолжала укрепляться территориальная идентификация населения - дальневосточники. В этот период, «с одной стороны, партийное государство постепенно уходило из сферы регулирования демографических процессов, но с другой - оно увеличивало свое присутствие путём мер регулирования, которые соответствовали ценностям уже потребительского общества: денежными выплатами и разными формами натуральной помощи. Все это способствовало консервации патерналистской ментальности дальневосточного населения, что в дальнейшем сказалось на трудностях адаптации к условиям перестройки и либерально-радикальных реформ».²³⁸

По мнению Е.С. Волковой, огромной, незаживающей травмой стал для многих крах советского государства-общности, на основе которой они десятилетиями выстраивали свою макроидентичность. Пытаясь компенсировать эту потерю в условиях отсутствия устойчивой и приемлемой для большинства населения идеологии развития, жители дальневосточных территорий находятся в поиске новых культурных моделей, пытаются приобщиться к различным политическим партиям, общественным движениям, религиозным конфессиям, призывая на помощь поколенческую, этнонациональную, профессиональную и прочие общности. Недоверие к власти, неприятие нового социально-экономического порядка и демократии постсоветского образца тормозит формирование государственно-

²³⁸ См. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016 С. 911-915

гражданской идентичности. В то же время имперская идентичность на тихоокеанских окраинах обнаруживает удивительную живучесть.²³⁹

По ее мнению, также в ранний постсоветский период специфическую дальневосточную идентичность, причём не только профессиональную, породила торговля поддержанными японскими автомобилями с правым рулём, которая внесла ощутимый вклад в копилку практик выживания населения в постсоветской реальности. Зародившись в годы перестройки, после распада СССР она сформировала полноценную отрасль экономики (включавшую таможенное оформление, транспортировку, регистрацию авто, ремонт и сервисное обслуживание, торговлю запчастями и пр.) и обеспечила трудоустройство, без преувеличения, миллионам людей.²⁴⁰

Остановимся и на других важных специфических чертах дальневосточной региональной идентичности. Как пишет Е.Н. Соколова: «Когнитивная составляющая дальневосточной идентичности не строго закреплена, выделяются отчетливо пустующие зоны, а когнитивные элементы дальневосточной идентичности являются не столько реальными характеристиками общности, ее истории, социальных и политических условий, сколько выражением запроса к "другим"». То, что люди отвечают на вопрос, чем может гордиться ваш регион, – лакмусовая бумажка. Для дальневосточников – это природа и люди. Это самые простые, изначальные богатства. Представление о себе – это важнейшая часть идентичности. Собственно, описание того, какие они – дальневосточники, сформировано очень четко. Везде, отвечая на этот вопрос, вам скажут, что у дальневосточников "открытая душа". Открытость дальневосточников, таким образом, описывается в нескольких измерениях: это прямолинейность и несклонность к хитрости и обману; это открытость контактам с людьми, общительность; это готовность помочь, поделиться. Тем не менее, главное для рассматриваемой нами проблемы – это очевидный запрос к "другим". Это один из основных механизмов конструирования идентичности – перенос

²³⁹ См. Волкова Е.С. Проблемы самоидентификации россиян в период рыночных реформ в художественных произведениях дальневосточных авторов // Россия и АТР. 2023, №4 С. 193

²⁴⁰ См. Там же. С. 189

положительных, социально востребованных качеств на представителей своей группы и приписывание другим (в данном случае – москвичам, ”западникам”) их противоположностей».²⁴¹

По мнению А.В. Михалева: «Другим значимым символом дальневосточной идентичности стали острова курильской гряды: Кунашир, Шикотан, Хабомаи и Итуруп. Вопрос об их принадлежности (на них заявила свои территориальные претензии Япония) для жителей Дальнего Востока стал одной из основ региональной солидарности. Тема возврата Курильских островов на территории Дальнего Востока воспринимается так остро в первую очередь в силу периферийности побед в региональной истории по отношению к общему нарративу отечественной истории. Во-вторых, сформированный ”партизанский” дискурс легитимизирует исключительное право на неприкосновенность территории Дальнего Востока, закрепленной за хранящем региональную память его населением».²⁴²

Как констатируют некоторые исследователи, несомненно, природно-климатическое своеобразие регионов Дальнего Востока имеет романтическую привлекательность, но не обеспечивает комфортных условий для жизнедеятельности.²⁴³ Поэтому, отмечает О.Н. Николайчук, традиционно на Дальний Восток приезжали люди с целью заработать и уехать, и в регионе сформировалась своеобразная социальная общность, которая ориентирована на постоянную изменчивость - так называемую «проточную культуру». По ее мнению, в настоящее время ситуация не изменилась, и основная цель приезда на Дальний Восток - решение финансовых вопросов.²⁴⁴

В заключении отметим, что региональная идентичность, формируемая, в том числе и региональной национальной политикой, имеет важное (прежде всего, интегративное) значение в рамках устойчивого развития региона как

²⁴¹ См. Соколова Е.Н. «Дальневосточники»: роль идентичности в процессах развития макрорегиона // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013 №1 С.138-139

²⁴² См. Михалев А.В. Трансформация системы политических символов на Дальнем Востоке России в XXI веке // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3. С.232

²⁴³ См. Лукасевич Т.А. Обеспечение конкурентоспособности регионов: возможности субъектов Дальневосточного федерального округа // Власть и управление на Востоке России. 2017 №3, С. 45-53

²⁴⁴ См. Николайчук О.Н. Дальний Восток России. От депрессивного региона к территории будущего. М.: ИНФРА-М, 2020 С. 71

социально-политической системы, являясь ее неотъемлемым элементом. Дальневосточная региональная идентичность, будучи по своей сути отражением гражданского типа идентичности, является в этом плане также и важным переходным этапом в формировании в данном регионе полноценной общероссийской гражданской идентичности, а ведущая роль в этом процессе принадлежит национальной политике РФ вообще и ее региональной ипостаси, в частности.

Дальневосточная идентичность, несмотря на наличие ее различных подвидов (сахалинской, хабаровской, приморской, камчатской и т.д.), представляет из себя единое целое, создающее устойчивую региональную общность - «дальневосточники». При этом дальневосточный социум и дальневосточная региональная идентичность имеют свою собственную специфику, и эти особенности должны учитываться при проведении на Дальнем Востоке и в отдельных его регионах, федеральной и региональной национальной политики, так как на них большое воздействие оказывает сложившаяся на Дальнем Востоке так называемая «проточная культура», заметно влияющая также и на многие этнополитические и социально-политические процессы в регионе.

Глава 3. УСТОЙЧИВОЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

3.1. Сахалинская область как этнополитическое пространство и региональное сообщество

Как отмечают исследователи, этнополитические процессы, происходящее на протяжении истории человечества, всегда носили территориальный характер. Потенциал таких процессов способен оказывать серьезное влияние на этнополитическую ситуацию в любом регионе, и особенно полиэтничном, в силу того, что в них заложены различные факторы – история, менталитет, ожидания общественности, терпимость и др., и как показывает практика, данные процессы могут обуславливаться двумя направлениями действий – конструктивными и деструктивными.²⁴⁵ При этом, по мнению некоторых ученых, «основным критерием, по которому мы можем определить принадлежность пространства именно к межнациональным отношениям и этнополитическим процессам, является его ассоциированность с этническими группами».²⁴⁶ Они также приходят к выводу, что «основными характеристиками этнополитического пространства являются многоуровневость, системность, открытость, интенсивность, но при этом в каждый конкретный момент времени его параметры могут носить разные значения».²⁴⁷

Как полагает Л.В. Савинов, «характер и содержание современных этнополитических процессов свидетельствует об изменении смыслов и ценностей этнополитики, и, прежде всего, появлении новых этнополитических пространств и нового этнополитического времени, их взаимообусловленности. При этом в условиях серьезных экономических, политических, социальных и духовных трансформаций пространственно-

²⁴⁵ См. Коренькина А.К., Василенко А.П. Семантика акциональности в аспектах этнополитического пространства // Вестник САФУ. Лингвистика. 2023. Т. 23, № 5 С. 46

²⁴⁶ См. Черемин Н.Б., Рябков И.Ю. Этнополитические аспекты развития современных государств в эпоху глобализации на примере Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012 № 2, С.179

²⁴⁷ См. Там же. С.181

временные структуры либо эволюционируют (расширяются, сжимаются, деформируются), либо появляются совершенно новые континуумы». Таким образом, по его мнению, «понимание и объяснение природы изменения этнополитического пространства и этнополитического времени невозможно без более широкой постановки проблем онтологии и гносеологии всего социального континуума, в том числе и политических пространственно-временных структур различного содержания и уровня». В связи с этим, как констатирует ученый, «важно определить возможности и пределы этнизации и этнификации политического пространства и политического времени как возможности и необходимости конструирования новых смыслов и ценностей этнополитики».²⁴⁸ При этом он утверждает, что «возможности и ограничения всякой этнизации и этнификации политического, то есть конструирования новых смыслов и ценностей этнополитики, определяются, во-первых, социокультурными традициями, во-вторых, характером институционально-организационной среды».²⁴⁹

По мнению Н.Б. Черемина и И.Ю. Рябкова, «этнополитическое пространство – это многомерный, сложноструктурированный пространственно-временной континуум политической коммуникации, в которой принимают участие разностатусные политические субъекты и политически оформленные системы, ассоциированные с этническими группами при помощи специальных идеологий». При этом «этнополитическое пространство необходимо рассматривать с точки зрения коммуникации, потому что именно коммуникационные потоки способствуют его созданию, а сам процесс политической коммуникации и приводит в движение всех политических субъектов внутри этого пространства и задает структуру этнополитического пространства. Сложная структура пространства обеспечивается наличием трех основных уровней (уровень политической системы, уровень общественных организаций и уровень обыденного сознания) и внешней среды пространства, которые определяют общую конфигурацию пространства». В то же время с позиции данных

²⁴⁸ См. Савинов Л.В. Элементы российской этнополитики // Социум и власть. № 1. 2009 С.47

²⁴⁹ См. Там же. С.48

исследователей, «процесс политической коммуникации как основа существования этнополитического пространства продолжается постоянно, то есть современное этнополитическое пространство отличается отсутствием статичности. Это, конечно, не означает, что процессы внутри этнополитического пространства носят хаотический характер, они направляются и корректируются политическими субъектами, которые наличествуют на каждом уровне политического пространства».²⁵⁰

В этой связи необходимо отметить, что «при анализе функционирования этнополитического пространства стоит особое место уделить роли этнополитической системы. В отечественной этнополитологии под ней обычно принято понимать сложившуюся в регионе систему регулирования межэтнических коммуникаций, складывающуюся на базе господствующей политической идеологии, государственной национальной политики, а также действующего законодательства (правоприменительной практики) и сложившейся политической культуры».²⁵¹ Некоторые исследователи также полагают, что «особенности любого этнополитического пространства во многом если не закрепляются, то формируются характером политической культуры и практики».²⁵²

При этом можно отметить, что «внутри каждого этнополитического пространства (даже пространства отдельного субъекта РФ) существуют отдельные субпространства, обладающие всеми свойствами этнополитических пространств, но значительно отличающиеся по своей структуре от той среды, которой они окружены».²⁵³ В связи с этим, как утверждают некоторые исследователи, «у каждого этнического сообщества свое социальное пространство и свое социальное время, которые формируют производные от них пространственно-временные структуры, в том числе и

²⁵⁰ См. Черемин Н.Б., Рябков И.Ю. Этнополитические аспекты развития современных государств в эпоху глобализации на примере Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012 № 2, С. 178-179

²⁵¹ См. Ерохин А.М. Этнополитические аспекты трансформации российского общества. М., 2003

²⁵² См. Савинов Л.В. Особенности и проблемы этнополитических процессов в Сибирском федеральном округе // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2009. №2. С.32

²⁵³ См. Черемин Н.Б., Рябков И.Ю. Этнополитические аспекты развития современных государств в эпоху глобализации на примере Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012 № 2, С.179

этнополитические. Этногруппы формируют «свою» историю, пытаются через прошлое определять свое настоящее и будущее. При этом в условиях множественности социальных пространственно-временных конструкций и их взаимопроникновения особую значимость приобретают социальные институты, наиболее успешно формирующие смыслы и содержания прошлого, настоящего и будущего. Они связывают разные пространства и времена, сохраняя социокультурные и иные идентичности, и главным образом политико-идеологические».²⁵⁴

Принимая во внимание вышеизложенные подходы, мы таким образом вполне можем рассматривать этнополитическое пространство Сахалинской области, с точки зрения коммуникационного подхода как полиэтническое этнополитическое пространство, образовавшееся в результате политической, социальной, культурной коммуникации и взаимоотношений между рядом этнических групп, обитающих на этой территории и оказывающими воздействие на его формирование и функционирование, и трансформацию.

В связи с этим важное значение для понимания особенностей становления и развития Сахалинской области как этнополитического пространства приобретает теория фронта. В общем смысле под фронтиром подразумевается «подвижная пограничная территория между двумя цивилизациями». Важной характеристикой фронтирных территорий является миграционная составляющая, высокая мобильность больших групп людей, несущих новые формы культурных и социальных практик, поэтому фронт - это всегда «контактная зона, где происходит обмен разного рода социального опыта».²⁵⁵ Как отмечают исследователи, «ярким образцом фронтирной территории является Дальний Восток России - зона активного взаимодействия российской и восточноазиатских цивилизаций (Китай, Корея, Япония). Особое место в рамках данного взаимодействия занимает о. Сахалин, где столкнулись движения российского и японского фронтиров. Борьба за расширение сфер влияния между Россией и Японией

²⁵⁴ См. Савинов Л.В. Элементы российской этнополитики // Социум и власть. № 1 (21) 2009. С. 49

²⁵⁵ См. Хромых А.С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // *Magistra vitae*. 2008. № 5. С. 107-110

сопровождалась неоднократными изменениями государственной границы, проходящей по Сахалину, и, как следствие, большими миграционными волнами. Говоря о миграциях, мы имеем в виду весь их широкий спектр: добровольные, поощряемые, насильственные, а также так называемые обратные миграции - репатриации. Все они в полной мере присутствовали на Сахалине, оказывая ощутимое влияние на формирование сложной полиэтнической реальности».²⁵⁶

Как мы видим, на особенности формирования и функционирования этнополитического пространства Сахалинской области наложили свой отпечаток цели, задачи и способ колонизации данного пространства – политические, военно-стратегические, экономические. Сахалин и Курильские острова всегда были и остаются своеобразным форпостом России на Дальнем Востоке, играющим важную роль в удержании ключевых стратегических позиций в азиатско-тихоокеанском регионе, но, в то же время, имеющим огромные запасы разнообразных природных богатств, главным образом в энергетической (нефть, газ, уголь) и морской (рыба, морепродукты) сферах.

В связи с этим выделим основные источники и способы формирования сахалинского этнополитического пространства:

- малочисленные коренные народы, традиционно живущие на территории Сахалина (айны, нивхи, уйльта, эвенки, нанайцы). Всего 23 этнических наименования коренных малочисленных народов Севера РФ зафиксированы в Сахалинской области;
- штрафная колонизация (место ссылки и каторги как первоначальный способ освоения пространства в период Российской империи, конец 19 – начало 20 веков);
- японское наследство и иностранная трудовая миграция в период СССР (образование большой корейской диаспоры из не репатриированных бывших японских подданных после окончания Второй Мировой войны и частичное ее пополнение в 60-70 годы XX века за счет северокорейских трудовых

²⁵⁶ См. Баженова Ж.М., Ермак Г.Г. К вопросу об этничности населения фронтирных территорий (на материалах о-ва Сахалин) // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 59

мигрантов, прибывших на острова по межгосударственным договорам для работы в рыбной отрасли);

- советская государственная переселенческая политика по закреплению Сахалинской области в составе СССР (военные базы и контингенты, демобилизовавшиеся, красноармейские колхозы, система распределения после учебы, вербовка крестьян и рабочих в европейской части страны, в частности для работы в нефтегазовой и рыбной отраслях);
- добровольное переселение в целях получения дальневосточных льгот и надбавок, осуществлявшееся как в дореволюционный, так и в советский период;
- миграционные потоки из бывших советских республик (в конце XX – начале XXI века, сначала вынужденные переселенцы, а затем трудовые мигранты).

Как констатируют ученые, современное население Сахалинской области сформировалось в результате серии переселенческих миграций 19-21 веков, сделавших возможным активное социально-экономическое освоение края.²⁵⁷ При этом Н.В. Потапова приходит к выводу, что «специфика происходивших в регионе данный период этнополитических процессов была связана с геополитической и военно-политической историей региона, особенностями освоения островных территорий. Каторжный способ колонизации Сахалина в период Российской империи и особенности процессов заселения островов в советский период, их геополитическое положение и пограничный статус предопределили особенности регионального общественного менталитета и традиций, своеобразие религиозной истории, а миграционные процессы, развернувшиеся в начале XXI в., сформировали современную этнополитическую палитру островов».²⁵⁸

Современное население острова в свою очередь представлено тремя основными категориями: представителями коренных малочисленных

²⁵⁷ См. Гармонизация межнациональных отношений в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере адаптации иностранных граждан, профилактики конфликтов и экстремизм. Методологические рекомендации // Якимов А.Н., Панич Б.Л. Санкт-Петербург. 2023 С.2

²⁵⁸ См. Потапова Н.В. Религиозная ситуация в Сахалинской области: современный этап // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022 № 2, С. 55-61

народов, потомками бывших поселенцев, каторжан и иных более поздних переселенцев, для которых Сахалин стал Родиной, а также временными группами, для которых остров является местом зарабатывания материальных благ (имеется в виду, в первую очередь, освоение ресурсов рыбы и нефти как на самом острове, так и на пространстве вокруг него).²⁵⁹ При этом особенность этнического состава населения Сахалинской области - большая доля корейского населения,²⁶⁰ которое, впрочем, имеет явную тенденцию к уменьшению.

Говоря о полиэтничности этнополитического пространства Сахалинской области, необходимо отметить, что населения области представлено 128 этническими наименованиями, это составляет более 70 % общероссийских этнических наименований (182), но при этом лишь 32 наименования зафиксированы числом более 100 чел.²⁶¹ В связи с этим обозначим наиболее многочисленные этнические группы региона. Так, по данным Всероссийской переписи населения 2020 года, самой многочисленной из них по-прежнему являются русские – 394 794 чел. (84,6% населения), далее идут корейцы – 16060 чел. (3,4%), украинцы – 3634 чел. (0,8%), татары – 2295 чел., киргизы – 1954 чел., нивхи – 1848 чел., узбеки -1414 чел., армяне – 1003 чел., белорусы – 836 чел., таджики – 817 чел., азербайджанцы – 689 чел., мордва – 504 чел.²⁶²

По мнению В.В. Щеглова, изменения национальной структуры населения в 1990-е гг. предопределили особенности современной этнической картины региона, и решающее влияние на этнический ландшафт Сахалинской области в исследуемый период оказали миграционные процессы.²⁶³ Уже к концу первого десятилетия XXI в. произошли изменения национального состава Сахалинской области, а основные национальные группы уменьшились

²⁵⁹ Миссонова Л.И. Пространство и идентичность в восприятии населения острова Сахалин // Этнопанорама, 2011 № 3-4, С.16

²⁶⁰ См. Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалинской области: этническая идентификация, трансформация национальной культуры и интеграция в советское и российское общество во второй половине XX — начале XXI в. // Культурно-историческое наследие Дальнего Востока: сохранение, использование, популяризация: мат. всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2015. С. 234

²⁶¹ См. Миссонова Л.И. Пространство и идентичность в восприятии населения острова Сахалин // Этнопанорама, 2011 № 3-4, С.19

²⁶² См. Всероссийская перепись населения 2020 года (rosstat.gov.ru) // <https://65.rosstat.gov.ru/folder/56834>

²⁶³ См. Щеглов В.В. Опыт сахалинских переселений (1853-2002 гг.) Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография, 2019, С.190-192

количественно (русские, корейцы, украинцы, татары, белорусы, мордва, нивхи).²⁶⁴

В целом, как констатируют Н.В. Потапова, в XXI веке Сахалинская область остаётся полиэтническим регионом, здесь происходит трансформация национальной структуры населения и наблюдаются новые тенденции, влияющие на этническое самоопределение его жителей: депопуляция, естественная убыль и миграция населения, отток коренных сахалинцев, славян (деславянизация), отъезд части корейского населения на историческую родину; одновременно наблюдалось активное увеличение киргизской и таджикской, а также узбекской диаспор по причине интенсивной трудовой миграций, плавный прирост как армянской, так и азербайджанской диаспор. На этом фоне отмечается сохранение традиционных особенностей этнического пространства региона: наибольший удельный вес русского населения, стабильность корейской диаспоры, сохранение численности группы коренных народов. Происходят важные для формирования новой этнической ситуации в регионе процессы самоидентификации жителей, связанные с распространённой двойной этничностью, заменой этнической идентичности на гражданскую, самоорганизацией диаспор и т.д. В связи с этим, по их мнению, в условиях динамично меняющейся этнической ситуации для поддержания её стабильности, особенно с учётом фронтального, пограничного положения региона, необходимо внимательное изучение исторического опыта и постоянный мониторинг актуальных процессов органами власти и научными кругами.²⁶⁵

При этом, как отмечают эксперты, в XXI столетие население региона вступило значительно сократившимся, малодетным, постаревшим и склонным к выезду. Богатый ресурсами регион, имеющий чрезвычайно важное экономическое и внешнеполитическое значение для всего Дальнего Востока России, переживал стадию депопуляции, превышавшую по своим

²⁶⁴ См. Краткие окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в Сахалинской области // <https://sakhalinstat.gks.ru/storage/mediabank/итоги+впн-2010+по+сахалинской+области.htm>

²⁶⁵ См. Потапова Н.В. Этническая самоидентификация населения Сахалинской области в конце XX - начале XXI в. // Россия и АТР. 2023 №4, С. 91

темпам аналогичный процесс в других северных регионах. Неблагоприятное развитие миграционно-демографической обстановки создавало опасения, что гигантские усилия, затраченные Россией на освоение островной области и связанные с этим переселенческие мероприятия за всю предшествующую историю, в большинстве своем оказались напрасными.²⁶⁶ В этой связи, как отмечают специалисты, особую актуальность и остроту получила необходимость привлечения в Сахалинскую область иностранных трудовых мигрантов, что в свою очередь породило целый комплекс проблем в этнополитической сфере. Поэтому ученые отмечают, что стратегический курс Сахалинской области должен заключаться в закреплении постоянного населения на территории островного региона за счет создания комфортной среды проживания путем формирования развитой экономики,²⁶⁷ а также, по нашему мнению, путем построения в регионе в рамках региональной национальной политики системы гармоничных и бесконфликтных межнациональных отношений.

Как отмечают местные ученые, необходимость поддержания стабильной ситуации на островах, в условиях максимальной отдалённости региона от центральной части России и его пограничного положения, придаёт особенную актуальность исследованиям этнической и социальной самоидентификации населения области.²⁶⁸ Как отмечают некоторые исследователи: «История Сахалина отражает противоречивый характер формирования региональной идентичности, а сама региональная идентичность Сахалинской области формируется не только под влиянием регионализации, но миграционных процессов».²⁶⁹ Тут можно констатировать, что «по результатам социологического исследования, выполненного в 2018 г., у населения Сахалинской области идентичность по религиозному признаку выражена в наименьшей степени, занимая место после идентичности

²⁶⁶ См. Щеглов В.В. Опыт сахалинских переселений (1853-2002). Южно-Сахалинск, 2019, С. 198-199

²⁶⁷ См. Ахатов Ю.К. Перспективные направления совершенствования социального управления процессами трудовой миграцией в Сахалинской области // Национальная безопасность. 2013 №6, С.7

²⁶⁸ См. Потапова Н.В. Этническая самоидентификация населения Сахалинской области в конце XX - начале XXI в. // Россия и АТР. 2023 №4, С. 82

²⁶⁹ См. Троякова Т.Г., Козинец А.И. Некоторые факторы формирования региональной идентичности на примере Сахалинской области // Ойкумена. 2014 №4, С.49-53

поколенческой, профессиональной, гражданской, по месту проживания и национальной идентичности».²⁷⁰

Как констатируют исследователи, традиционной особенностью фронтального региона является широко распространённая «двойная» или «множественная» этничность.²⁷¹ Это относится к сложносоставным семьям русских, корейцев, японцев, представителей коренных народов, проживающих в Сахалинской области. Для выходцев из этнически смешанных семей характерна сложная структура самоидентификации. Исследования показывают, что «этничность как форма идентичности у представителей культурно сложных семей о. Сахалин имеет ярко выраженный множественный и ситуативный характер. Референтными маркерами этничности для них являются не языковые и культурные отличия, а идентичность родителей, ближайшее этническое окружение и внешний облик».²⁷²

Согласно теории Ф. Дж. Тёрнера, фронтир - это «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и окружающей среды».²⁷³ «В результате взаимодействия этих трёх составляющих, по мнению ученых, в Сахалинской области возникала новая социальная общность и новая культура. На разных исторических этапах на о. Сахалин исполнители ролей колонизаторов и местного населения менялись, и сегодня там сформировалось самобытное сообщество с ярко выраженной региональной идентичностью - сахалинцы, а сахалинский менталитет отличается от менталитета людей из других регионов России».²⁷⁴

Как считает А.Б. Островский, «осознание значимости сахалинцами различных этнокультурных традиций (главным образом, коренных народов этого региона, но также и пришлого населения, сформировавшегося за

²⁷⁰ См. Потапова Н. В. Религиозная ситуация в Сахалинской области: современный этап // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022 № 2, С. 59

²⁷¹ См. Баженова Ж.М., Ермак Г.Г. К вопросу об этничности населения фронтальных территорий (на материалах о-ва Сахалин) // Россия и АТР. 2018. № 4. С.57-58

²⁷² См. Потапова Н.В. Этническая самоидентификация населения Сахалинской области в конце XX - начале XXI в. // Россия и АТР. 2023 №4. С. 88

²⁷³ Тёрнер Ф. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М.: Весь мир, 2009, С. 23-27

²⁷⁴ Баженова Ж.М., Ермак Г.Г. К вопросу об этничности населения фронтальных территорий (на материалах о-ва Сахалин) // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 70

последние более чем полтора столетия – с тех пор, как Сахалин стал российской территорией) для построения собственной идентичности – как групповой, так и индивидуальной».²⁷⁵

В связи с этим, как полагают Т.Г. Троякова и А.И. Козинец: «Сахалинская область рассматривается как место общей совместной жизнедеятельности, так как формированию регионального сознания и представлений о территориальной общности способствуют природа, ландшафт и культура, а региональная или субнациональная идентичность является одной из важных форм самоидентификации граждан. При этом такая идентичность является своеобразным конструктом, в основе которого лежит экстраполяция определённой «региональной идеи» на отдельно взятую территориально-административную единицу».²⁷⁶

С нашей точки зрения, само по себе сахалинское этнополитическое пространство исторически обладает большим позитивным адаптационным и интеграционным потенциалом по отношению к тем из вновь прибывших, несмотря на национальность, кто решил остаться здесь на постоянное место жительства. Островное положение и, как бы, «чувство оторванности» от остальной страны, суровые климатические и природные условия, необходимость постоянного противостояния природе, погоде и морю способствовали формированию особого сахалинского менталитета и сахалинской региональной идентичности (как одной из подвидов дальневосточной), основанных на доверии, взаимовыручке, постоянном готовности к сотрудничеству, четком понимании необходимости постоянных совместных действий, принятию людей на основе их личных и профессиональных качеств, а не этнической принадлежности или религии. Но это принятие по «социальным установкам» сахалинцев должно быть взаимным и искренним, лишенным корыстно-потребительских и временнических настроений, построенное на уважении сложившейся в регионе культуры и норм поведения.

²⁷⁵ Островский А.Б. Сахалинские корни: актуальные формы этнокультурной идентичности. СПб. 2023. С.10

²⁷⁶ См. Троякова Т.Г., Козинец А.И. Некоторые факторы формирования региональной идентичности на примере Сахалинской области // Ойкумена. 2014 №4, С.48

Для классического сахалинского этнополитического пространства не свойственны диаспоральность и анклавизация, так как оно традиционно интегрировало в себя на основе осуществления общей деятельности вновь прибывающие, как внутренние, так и внешние миграционные потоки. Но в последние годы ситуация начинает несколько меняться, что не может не вызывать определенных опасений. Новые мигранты, прибывающие в Сахалинскую область преимущественно из стран Центральной Азии и в основном на заработки, по своим целевым и социально-культурным установкам, как правило, не стремятся к интеграции в местное полиэтническое сообщество, да и их адаптационный потенциал, в силу языковых условий, тоже довольно сильно ограничен. И главное из взаимоотношений местного сахалинского сообщества и прибывающих мигрантов практически ушел один из главных объединяющих и интегрирующих факторов – совместная трудовая деятельность. Да и сами эти взаимоотношения носят весьма ограниченный и специфический характер. Свою трудовую, как правило, низкоквалифицированную деятельность мигранты из среднеазиатских республик в основном осуществляют со своими же «соплеменниками» или в некоторых случаях совместно такими же мигрантами из других государств Центральной Азии. Такая же ситуация в основном складывается и в быту. То есть все социальные контакты мигрантов ограничиваются рамками диаспоры.

Таким образом, в настоящее время мы наблюдаем наметившиеся в Сахалинской области определенные тенденции к диаспоризации, в закрытой форме, а также анклавизации прибывающих в область мигрантов, что таит в себе определенные потенциальные угрозы для дестабилизации данного этнополитического пространства и нарушения в нем сложившегося баланса в межнациональных отношениях. Но данный аспект более подробно будет рассмотрен в следующем параграфе нашего исследования.

В целом можно констатировать, что сложный этнический состав населения, которым, безусловно, обладает Сахалинская область в купе с региональными этнополитическими процессами, порождают возможность

межнациональных трений, что при недостаточной толерантности сообщества в целом может привести к локальным конфликтам на этнической почве. В этой связи проблема трансформации этнических условий в фактор социально-политической нестабильности становится особенно актуальной для полиэтничных обществ (которым, безусловно, является сахалинское сообщество), которые, как отмечает А. Лейпхарт, «отягощены политическими проблемами, вызванными глубокими противоречиями между сегментами их населения и отсутствием объединяющего консенсуса».²⁷⁷

Но при этом, как считают некоторые исследователи, наоборот, полиэтничность региональных социумов стимулирует как на уровне межличностного общения, так и на межгрупповом и институциональном (управленческом) уровнях способы этнокультурного взаимодействия и межэтнической интеграции, обеспечивающие бесконфликтное сосуществование этнических групп в качестве условия решения задач, стоящих перед региональным сообществом в целом.²⁷⁸ В связи с этим Л.И. Миссонова отмечает, что исторически сложившееся национальное многообразие Сахалина положительно влияет на сегодняшнюю национальную обстановку на острове, а терпимость к любой вере и национальности сохраняется на острове по сей день. Человек любой национальности (или любой этнической идентификации) здесь воспринимается доброжелательно и даже самые редко встречающиеся этнические наименования не вызывают в обществе никакого удивления.²⁷⁹

В заключении отметим, что регулятором этнополитических процессов служит государственная национальная (этническая) политика, проводимая не только на национальном, но главным образом на региональном уровне, с учетом специфики конкретного региона. В связи с этим, создание единого этнополитического пространства и обеспечение его устойчивого

²⁷⁷ См. Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. 1992. № 1-2. С. 24.

²⁷⁸ См. Максимова О.Н. Формирование этнополитической культуры населения в контексте модернизации регионального управления этнополитическими процессами (на примере Оренбургской области) // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2012. №6, С.254

²⁷⁹ См. Миссонова Л.И. Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 года до переписей 21 века / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. № 223 М.: ИЭА РАН, 2010, С.20-29

функционирования и развития, а также построение регионального сообщества, должны являться стратегическими задачами всей региональной национальной политики Сахалинской области. В качестве подтверждения и развития этого тезиса можно привести мнение некоторых экспертов, которые полагают, что «современная национальная политика в Российской Федерации должна регулировать культурное развитие этнических групп при сохранении определенного уровня гомогенности гражданской политической культуры, то есть фактически это означает, что современная национальная политика призвана регулировать этнополитическое пространство».²⁸⁰

Поэтому важным для Сахалинской области, как этнополитического пространства и региональной общности, является оптимальное сочетание общегражданской идентичности с сохранением этнической групповой идентичности, исторических и этнокультурных традиций, которые вытекают из менталитета, ценностей и культуры этносов, проживающих на ее территории, которые играют значимую роль для поддержания стабильности и достижения устойчивого социально-политического развития региона.

Находясь, как и все остальные дальневосточные регионы, под влиянием дальневосточной «проточной культуры» сахалинское этнополитическое пространство и региональное сообщество в тоже время обладают своей особой этнополитической и этнокультурной спецификой, что находит свое отражение, в частности, в формировании собственной региональной идентичности – «сахалинцы». Сахалинское этнополитическое пространство исторически является полиэтническим и обладает, помимо собственно «общедальневосточной», еще и своей собственной особой социально-политической спецификой, выраженной в высоком адаптационно-интеграционном потенциале в этнополитической сфере и способностью успешно противостоять деструктивным этнополитическим процессам, и только усиливающимися при проведении в области грамотной региональной национальной политики.

²⁸⁰ См. Черемин Н.Б., Рябков И.Ю. Этнополитические аспекты развития современных государств в эпоху глобализации на примере Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012 № 2, С.178

3.2 Проблемы устойчивого социально-политического развития Сахалинской области в контексте региональных этнополитических процессов

Как отметил в свое время бывший губернатор Сахалинской области А. Хорошавин, устойчивое развитие Сахалина – это один из основополагающих факторов дальнейшего становления Дальнего Востока как форпоста России в АТР с развитой экономикой и привлекательными условиями для жизни людей.²⁸¹ И с этим тезисом сложно не согласиться, учитывая, что Сахалин и Курильские острова имеют не только важное военно-стратегическое, геополитическое, экономическое, но и огромное социально-политическое значение для Дальнего Востока и нашей страны в целом. В то же время необходимо отметить, что и проблема устойчивого развития самой Сахалинской области, особенно в социально-политическом ключе является не менее важной, актуальной и насущной задачей. Сахалинская область является по своей сути полиэтничной, и на ее территории в настоящее время активно протекают различные этнополитические процессы, некоторые из которых несут в себе определенную угрозу ее этнополитической стабильности и устойчивому социально-политическому развитию.

По сложившейся в научном сообществе устойчивой точке зрения, многонациональный состав населения региона является как благом для его социально-экономического развития (возможность привлечения трудовых и иных ресурсов, а также инвестиций из стран и регионов, из которых пополняется население), так и фактором дестабилизации общества (межэтнические конфликты и трения вследствие различий в культуре, образе жизни, а также конкуренции за ресурсы). Эксперты констатируют, что массовый приток людей из других государств несет в себе риски для принимающей стороны в виде роста социальной напряженности и конфликтов на этнической и религиозной почве.²⁸² Этот тезис приобретает

²⁸¹ См. Хорошавин А.В. О роли Сахалинской области в устойчивом развитии Дальнего Востока России // Устойчивое развитие территории: от теории к практике: сборник материалов международной научно-практической конференции / Сост. Л. Н. Гринько, отв. ред. Е. Н. Лисицына. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. С.8

²⁸² См. Состояния межнациональных отношений в Сахалинской области. Меры, принимаемые к выявлению формирующихся конфликтов в данной сфере, их предупреждению и действия, направленные на

особую актуальность в современной российской региональной политике, особенно в регионах (таких как, например, Сахалинская область), которые испытывают на себе сильное влияние иностранных миграционных потоков.

Как отмечают специалисты, в условиях утраты советского опыта политкорректности и интернационалистской культуры межэтнического общения масштабная постсоветская миграция порождает комплекс проблем, закладывая основу для острейших этнополитических конфликтов, в том числе и на региональном уровне. В этой связи особенно актуальна разработка проблем интеграции, складывающихся в процессе миграции диаспоральных сообществ.²⁸³ «Интегративная функция региональных институтов власти по отношению к этносфере предполагает учет всех форм реальных межэтнических отношений. Там, где возникают межэтнические конфликты, региональный государственный аппарат обязан иметь внятное представление о конфликтных ситуациях»²⁸⁴ и факторах их возникновения.

В рамках полиэтнического региона изучение динамики межнациональных отношений связывается не только с выявлением межнациональной напряженности и уровня толерантности. Результаты отечественных исследований свидетельствуют, что «уровень межнациональных отношений - это рефлексия общества на социально-экономическое состояние, изменения в регионе может указывать на эффективность работы органов власти не только в сфере осуществления национальной политики, но и регулирования этносоциальными и этнополитическими процессами».²⁸⁵ Как сходятся во мнении большинство ученых, базовый региональный этнополитический процесс характеризуется взаимодействием русского большинства и представителей этнических меньшинств, мигрантов, диаспор, стремящихся укрепить свои позиции в регионе, что вызывает целый ряд сложностей в

ликвидацию их последствий. 18 Декабря 2019 // <https://65.мвд.рф/противодействие-экстремизму/новости/item/19144070>

²⁸³ См. Ким А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор: актуальность, состояние, научно-исследовательская перспектива // Вестник Санкт-Петербургского Университета 2009. Сер. 6. Вып. 3. С. 285

²⁸⁴ См. Зангиров В.Г., Зангирова О.А. Этнополитика в свете интегративной функции государства // Дальний Восток в зеркале этнополитики: материалы Всероссийской научной конференции (Хабаровск, 25-26 октября 2019 г.) / под ред. Е.Н. Спасского, О.А. Рудецкого. Хабаровск, 2019. С.72

²⁸⁵ См. Маклашова Е.Г. Межнациональные отношения как индикатор состояния полиэтнического общества (на материалах Якутии) // Этносоциум, 2020 №11, С.9

данной сфере. И в этом плане Сахалинская область не является исключением из правил.

Говоря о Сахалинской области, необходимо отметить, что вопросы взаимосвязи миграции и межнациональных отношений в контексте этнодемографического замещения населения региона, роста оттока молодежи в центральные регионы России в целом вызывают неоднозначную реакцию региональных экспертов. Не менее значимым с точки зрения регионального сообщества является появление этнокультурных анклавов (локальных сообществ), отличающихся не только языком, но и формой поведения. Некоторые исследователи констатируют, что к сегодняшнему дню единственный в России островной регион представляет из себя довольно крупный дальневосточный центр этнической миграции.²⁸⁶

По нашему мнению, на современном этапе развития основную угрозу этнополитической стабильности и устойчивому социально-политическому развитию Сахалинской области в этнополитической сфере представляет иностранная этническая миграция и связанные с ней процессы образования замкнутых диаспор и анклализации этнополитического пространства области. Многие эксперты отмечают отсутствие у вновь прибывающих трудовых мигрантов, особенно из стран Центральной Азии, желания адаптироваться к местным традициям и нормам поведения, интегрироваться в местное сообщество, а вместо этого образуя на территории региона свои собственные этнические структуры – этнические диаспоры, и как правило замкнутого и автономного типа.

Как отмечают специалисты, диаспоральность стала фактором усиления социальной дифференциации и четкости культурных границ, реализуясь в появлении устойчивых и замкнутых этнокультурных сообществ, в которых воспроизводятся традиционные отношения. Представители этих сообществ не разделяют гражданских и культурных ценностей принимающих регионов, поддерживая свою идентичность (нередко посредством постоянных связей с

²⁸⁶ См. Ким А.Н. Этническая миграция в Сахалинской области глазами жителей Южно-Сахалинска // Вторые краеведческие чтения (памяти А. К. Клитина). Южно-Сахалинск, 2021. С. 109

исторической родиной) не интегрируются в их общественные институты.²⁸⁷ В связи с этим, по их мнению, в настоящее время в регионах заметное распространение во взаимоотношениях местного населения с представителями диаспорно-земляческих сообществ получает этничность как инструмент в двух аспектах: это социокультурный инструментализм (внимание к мобилизации этнических и конфессиональных чувств того или иного народа) и экономический инструментализм (внимание к разным формам адаптации в хозяйственной деятельности и на рынке труда членов различных этнических групп).²⁸⁸

Как считает УМВД Сахалинской области, фактически на территории области действует 7 этнических диаспор (татарская, киргизская, дагестанская, армянская, азербайджанская, таджикская, узбекская).²⁸⁹ По нашему мнению, к этому списку нужно добавить еще корейскую диаспору (корейцы являются второй по численности этнической группой области), а также общности коренных малочисленных народов Сахалинской области, которые, хотя и не являются диаспорами в классическом понимании, но обладают некоторыми ее свойствами и качествами, а поэтому наравне с диаспорами вполне могут быть отнесены к активным участникам этнополитических процессов, протекающих на территории островного региона.

О сахалинских корейцах и коренных народах в части их влияния на этнополитические процессы в области речь пойдет ниже, а сейчас немного остановимся на диаспорах названных УМВД Сахалинской области. Необходимо отметить, что татарская, дагестанская, армянская и азербайджанская диаспоры являются для региона «старыми» и давно сложившимися. Они относительно немногочисленны и устойчивы в своей

²⁸⁷ См. Ким А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор: актуальность, состояние, научно-исследовательская перспектива // Вестник Санкт-Петербургского Университета 2009. Сер. 6. Вып. 3. С. 283

²⁸⁸ См. Воронов В.В. Моделирование межэтнических отношений в российских регионах // Власть. 2019. Том 26. №9, С. 131-132

²⁸⁹ См. Состояния межнациональных отношений в Сахалинской области. Меры, принимаемые к выявлению формирующихся конфликтов в данной сфере, их предупреждению и действия, направленные на ликвидацию их последствий. 18 Декабря 2019 // <https://65.мвд.рф/противодействие-экстремизму/новости/item/19144070>

численности, существуют на территории области уже не одно десятилетие и поколение, носят явно выраженный открытый характер. Их представители обосновались на территории области еще в советский период, или первые постсоветские годы; отлично владеют русским языком и приобщены к русской культуре; имеют свои устоявшиеся трудовые ниши, в том числе в сферах, требующих высокой профессиональной квалификации; соблюдают общепринятые местные общественные принципы и нормы поведения; и в целом отлично интегрированы в региональный социум, который не считает данные диаспоры инородными элементами. Всего этого пока нельзя сказать о «новых» региональных диаспорах (киргизская, таджикская, узбекская), которые появились в Сахалинской области относительно недавно и находятся в данный момент пока в процессе своего становления и развития. Они носят в основном закрытый характер, в целом неохотно идут на контакт с представителями местного сообщества, постоянно меняют свой численный и людской состав, и в целом не стремятся к интеграции в местный социум. По нашему мнению, именно миграционные процессы, связанные с формированием и функционированием данных диаспор на территории области, а также их участием в других этнополитических процессах, протекающих в регионе, кроют в себе наибольшую потенциальную угрозу политической стабильности и устойчивому социально-политическому развитию Сахалинской области.

Более подробно об этом речь пойдет ниже, а сейчас обратимся к месту и роли в региональных этнополитических процессах старейшей из диаспор, проживающей на территории Сахалинской области - корейской, а также общностей коренных малочисленных народов, проживающих в регионе.

Итак, что касается корейской диаспоры или сахалинских корейцев, которая является второй по численности этнической группой (около 5,5% населения) в Сахалинской области после русских, то их деятельность, поведение и образ жизни не представляют никакой угрозы этнополитической стабильности области и ее устойчивому социально-политическому развитию. Корейцы уже не одно десятилетие живут на территории Сахалинской

области, часто уже в третьем четвертом поколении, и за это время регион стал им уже родным. Они прекрасно адаптированы к местным условиям и отлично интегрированы в региональный социум. Для подавляющего большинства из них родным языком является русский. Как отмечает Ю.И. Дин, в постсоветский период с иммиграцией на родину большинства представителей первого поколения окончательно завершился переход корейской диаспоры Сахалинской области на русский язык. «По переписи населения 2010 г. из 24 993 – 24 936 (99,77 %) сахалинских корейцев считали своим родным языком русский».²⁹⁰

В то же время «несмотря на почти полную утрату корейского языка, в корейской диаспоре по-прежнему сохраняется очень высокий интерес к корейской культуре, продолжают существовать и развиваться социальные институты, ориентированные на поддержку национальной культуры. Главной целью общественных объединений корейцев является возрождения корейской духовной культуры, просвещение и др. Именно через культурную деятельность (проведение праздников, обрядов, мемориально-торжественных церемоний и концертно-выставочных программ) корейцы стараются сохранить национальные традиции, и культуру своего народа, не забыть свою историю».²⁹¹ В частности, широкий спектр задач этнокультурного возрождения поставила перед собой Ассоциация сахалинских корейцев. «Помимо изучения и сохранения корейского языка, она считала важным создание общественно-культурных центров, организацию телевизионного вещания на корейском, национальных музеев, выставок, фольклорных праздников, содействие развитию восточных единоборств и др.».²⁹² Но при всем этом, как констатирует все та же Ю.И. Дин: «Сахалинские корейцы успешно интегрированы в региональную экономику, политику, управление, и процесс адаптации сахалинских корейцев в российское общество

²⁹⁰ См. Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск, 2015, С. 190

²⁹¹ См. Бугай Н.Ф. Влияние перестройки на корейскую общность в СССР/России // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015 С. 216

²⁹² См. Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев: монография: в 3-х книгах. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2010 Т. 3., С. 69-94

практически завершен».²⁹³ В дополнении к этому исследователи также отмечают, что многие сахалинские корейцы всю жизнь прожили в России и признают наличие у себя «русского» менталитета.²⁹⁴ Власти Сахалинской области, тоже в свою очередь считают сахалинских корейцев органичной частью регионального социума - «своеобразных, но по своей сути русских», и поэтому специальная работа с данной категорией населения в настоящий момент даже не предусмотрена в рамках осуществления региональной национальной политики области. К тому же в области не отмечены какие-то конфликты на этнической почве, участниками которых была бы корейская диаспора, а общественная деятельность ее представителей, как правило, направлена на формирование и достижение позитивных целей развития регионального социума.

Говоря о коренных малочисленных народах Дальнего Востока, проживающих на территории Сахалинской области, необходимо отметить, что, хотя по отношению к ним в рамках региональной национальной политики области и предусмотрено проведения целого ряда программ и мероприятий, они также в целом хорошо интегрированы в региональное полиэтническое сообщество, и их деятельность не таит в себе угрозу для этнополитической стабильности региона. Также как и корейцы подавляющее большинство представителей малочисленных народов, проживающих в Сахалинской области, отлично владеют русским языком, который многие из них даже считают родным, а самих себя в том числе и русскими. Их споры и даже в некоторых случаях конфликты, возникающие с региональными и местными органами власти, возникают не на этнической или этнополитической почве, а, как правило, исключительно на основе хозяйственно-экономической, и иногда культурной деятельности.²⁹⁵ К данным вопросам относятся: сохранение традиционного образа жизни; создание и сохранение определенных природных территорий; защита

²⁹³ См. Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск, 2015, С. 190

²⁹⁴ См. Баженова Ж.М., Ермак Г.Г. К вопросу об этничности населения фронтирных территорий (на материалах о-ва Сахалин) // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 70

²⁹⁵ См. Аверин Е. Съезд пройдет впустую? // Советский Сахалин, 19 июля 2022

исконной среды обитания; пастбища для оленей; выделение и увеличение различных квот на охоту и рыболовство;²⁹⁶ возрождение старинных обрядовых праздников и организация фестивалей;²⁹⁷ сохранение и развитие традиционных ремесел.²⁹⁸

Но данные случаи споров и немногочисленных конфликтов между коренными народами и властями области носят исключительно мирный ненасильственный характер и довольно быстро разрешаются. Как в свое время отметил в этой связи один из представителей областного правительства С. Карепкин, многое тут зависит от глав администраций муниципальных образований, относящихся к территориям традиционного проживания КМНС, и первым делом пожелания представителей КМНС должны слышать власти на местах.²⁹⁹ При этом один из ведущих специалистов страны по межнациональным отношениям В. Зорин, во время своей поездки на Сахалин, рекомендовал представителям диаспор правильно строить взаимоотношения с властями региона, учитывая нормативно-правовые акты. Речь в данном случае о документах, помогающих коренным малочисленным народам Севера обеспечивать традиционный образ жизни и хозяйствования, а также сохранять их культуру.³⁰⁰

Теперь обратимся к проблемным аспектам миграционных процессов, протекающих в Сахалинской области, которые в существующих реалиях носят явный этнополитический характер и активно влияют на этнополитическую стабильность и устойчивое социально-политическое развитие региона. Сегодня процессы внешней трудовой миграции из стран СНГ и внутренней миграции из российских регионов свидетельствуют о привлекательности Сахалина и Курильских островов для новых жителей и отвечают востребованности в трудовых ресурсах. Доля трудовых мигрантов,

²⁹⁶ См. Аверин Е. Дельная инициатива реализуема: По такому принципу строятся взаимоотношения сообщества коренных малочисленных этносов Сахалина и органов власти // Губернские ведомости, 10 января 2014

²⁹⁷ См. Когда есть поддержка // Губернские ведомости, 31 июля 2014

²⁹⁸ См. Аверин Е. Стежок для сувенира: благодаря государственной программе обновляется материально-техническая база народных промыслов // Губернские ведомости, 31 июля 2014

²⁹⁹ См. Когда есть поддержка // Губернские ведомости, 31 июля 2014

³⁰⁰ См. Сактаганов С. Политика без танцев: ведущий специалист страны по межнациональным отношениям предостерег островитян от «танцевально-пожарного подхода» к нацполитике // Губернские ведомости, 26 сентября 2019

работающих в Сахалинской области, в общем количестве составляет примерно 6%.³⁰¹ При этом, трудовые мигранты из ближнего зарубежья (в основном из стран Центральной Азии) составляют около 40%.³⁰² Поэтому, по мнению представителей местных властей, гармоничное, равноправное соседство и взаимодействие между приезжими и местными, коренными жителями с учетом их интересов и уважение к сложившимся традициям – является залогом успешного развития уникального островного региона.³⁰³ С этим трудно не согласиться, но в то же время, как отмечают некоторые исследователи, немаловажное значение в формировании межэтнического взаимопонимания принадлежит и ключевым чертам характера контактирующих этносов,³⁰⁴ и, как мы можем добавить, их обычаям, традициям, поведению и особенностям взаимодействия с местным принимающим сообществом.

В этом смысле представляет интерес обобщенный портрет мигрантов, прибывающих на территорию области. Необходимо отметить, что основными факторами переезда в Сахалинскую область мигрантов являются в подавляющем большинстве случаев «причины социально-экономического характера».³⁰⁵ Как отмечает Н.В. Потапова, большая часть трудовых мигрантов, прибывающих в Сахалинскую область, представляет собой низкоквалифицированную рабочую силу, сохраняющую свою этническую идентичность и с трудом адаптирующуюся в сахалинском социуме.³⁰⁶

Как считают некоторые исследователи, еще один немаловажный фактор, влияющий на этнополитические процессы в регионе, – культурно-языковые процессы, которые не только являются ярким показателем влияния вызовов и

³⁰¹ См. Ярулин И.Ф., Лобода О.В. «Новое» освоение Дальнего Востока: к постановке проблемы этнического сдвига // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2013, №4(40), С.129-136

³⁰² См. Мотрич Е.Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3. С. 6-14.

³⁰³ См. Гармонизация межнациональных отношений в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере адаптации иностранных граждан, профилактики конфликтов и экстремизм. Методологические рекомендации // Якимов А.Н., Панич Б.Л. Санкт-Петербург. 2023 С.2

³⁰⁴ См. Гончаров В.В., Чимитова И.З. Межэтническое согласие как перспективное направление стратегического планирования политики национальной безопасности в Российской Федерации на региональном (На примере Республики Бурятия) // Сравнительная политика. 2020 №3, С. 91-92

³⁰⁵ См. Ахатов Ю.К. Этнический мигрант сахалинской области. Социологический портрет // Политика и общество. 2012. № 11, С. 103

³⁰⁶ См. Потапова Н.В. Этническая самоидентификация населения Сахалинской области в конце XX - начале XXI в. // Россия и АТР. 2023 №4. С. 85

угроз в области этнополитической безопасности, но и могут восприниматься в качестве факторов, которые способствуют формированию этих угроз.³⁰⁷ Так в частности эксперты констатируют: «...Основная масса прибывших на Сахалин - это как раз те мигранты, которые не хотят учить местный язык или вливаться в культуру. На 2015 год из более чем 35 000 мигрантов только 15 решили учить местный язык при Южно-Сахалинской и Курильской епархии. Платные курсы языка в СахГУ также не вызвали хоть какого-нибудь интереса...».³⁰⁸ Также, по мнению специалистов, градус напряженности во взаимоотношениях жителей региона и мигрантов растет вследствие разности нормативных порядков, свойственных традиционной культуре сельских районов государств Средней Азии, и тех правил поведения, которые рассматриваются как норма в крупных городах России, в частности в Южно-Сахалинске. В то же время они подчеркивают, что причиной напряженности в подобных случаях становится не этнос как таковой, не его фенотип или культура в целом, а некоторые аспекты вызывающего поведения, провоцирующие раздражение местных сообществ.³⁰⁹

Согласно исследованиям известного отечественного специалиста в области межэтнических взаимоотношений В. Петрова, этническая неприязнь, нетерпимость коренных жителей по отношению к приезжим, как правило, носят взаимный характер и, на самом деле, являются закономерным явлением.³¹⁰ И в нашем случае причиной этих явлений, безусловно, являются весьма значительные культурные различия между коренными островитянами и мигрантами. Так, по информации сахалинских социологов, около 72 % трудовых мигрантов, приехавших в регион, не принимает русскую культуру, а 35 % призналось в негативном отношении к православию и христианству в целом. Кроме того, не может не вызывать серьезную озабоченность тот факт, что часть мигрантов из государств Средней Азии, из числа недавно обосновавшихся на островах, согласно данным все тех же социологов СахГУ,

³⁰⁷ См. Смагина Л.А. Этнополитические процессы в условиях развития регионализации // Власть. 2015. №9, С.36

³⁰⁸ См. Мигранты едут на Сахалин: проблема или благо? // <https://citysakh.ru/news/66605>

³⁰⁹ См. Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации / Отв. ред. М. Ф. Черныш. М.: Институт социологии РАН, 2015. С.96

³¹⁰ См. Петров В.Н. Миграции населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар., 2004

уже «претендует на национально-культурное, религиозное и даже территориальное обособление».³¹¹

Как мы видим определенное представление о состоянии межнациональных отношений в Сахалинской области и отношении ее жителей к проблемам миграционных процессов дают результаты социологических исследований. Так, в частности, еще одно научное мониторинговое исследование на тему: «Отношение жителей Южно-Сахалинска к проблеме этнической миграции» среди жителей Южно-Сахалинска старше 18 лет», выполненное Государственным историческим архивом Сахалинской области в августе-ноябре 2017 г., выявило, что большая доля горожан на момент его проведения находилась в состоянии перманентного стресса, и одной из причин выявленного тревожного состояния была названа необычно высокая, по мнению респондентов, в сравнении с еще недавним прошлым, а также с другими регионами страны, концентрация этнических мигрантов как в Сахалинской области в целом, так и в Южно-Сахалинске, в частности, быстрый рост их численности. Как отмечалось в докладе, происходящие изменения в национальном, культурном, социальном облике региона порождают у местных жителей чувство растерянности и тревоги, недовольство миграционной политикой государства, дискомфорт и антипатию к приезжим. Что позволяет сделать вывод, что основными причинами межэтнического напряжения являются растущий дисбаланс в национальной структуре региона и отсутствие эффективно действующих механизмов интеграции мигрантов в местную социокультурную среду.³¹²

При этом исследователи различают и другие факторы, влияющие на адаптацию представителей этнических (мигрантских) групп, и воздействующих тем самым на особенности протекания в регионе этнополитических процессов вообще, и его этнополитическую стабильность,

³¹¹ См. Боровской Г.В. Проблемы межэтнического взаимоотношения этнических мигрантов и местного населения в Сахалинской области (социологический анализ) // XLIII Научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и сотрудников Сахалинского государственного университета. Южно-Сахалинск: Издательство СахГУ, 2014. С. 26-27.

³¹² См. Ким А.Н. Этническая миграция в Сахалинской области глазами жителей Южно-Сахалинска // Вторые краеведческие чтения (памяти А. К. Клитина). Южно-Сахалинск, 2021. С. 112

в частности: культурную дистанцию между мигрантами и принимающим сообществом; институциональные факторы (развитость институтов социальной поддержки мигрантов); положение этнических групп в социальной структуре общества, а также внутренние факторы (характеризующие самих мигрантов): культурную компетентность мигранта (образованность, информированность, опыт); аккультурационную мотивацию (ассимиляция, интеграция, обособление и др.); силу социальных связей в группах мигрантов (развитость этнических коммуникаций).³¹³

Как отмечает Н.А. Барышная, значимость культурной дистанции между мигрантами и принимающим населением неоспорима.³¹⁴ А поэтому «главным условием адаптации является то, чтобы она была выгодна как для мигрирующих, так и для местного населения, ибо население, проживающее в местах обитания мигрантов должно быть согласно с их присутствием и толерантно относиться к их проблемам и субкультуре».³¹⁵

Как полагает А.Т. Коньков: «по мере увеличения доли этнических мигрантов среди населения Сахалинской области создаются предпосылки для образования в поселенческой структуре этнических кластеров, сформированных по национально-территориальному принципу».³¹⁶ В этой связи управление миграционными процессами, а также тесно связанной с ними региональной национальной политикой, по его мнению, должно планировать определение принимающим социумом строгих условий в отношении того, в каком количестве и какого рода мигрантов оно готово и хочет принять, а также в соответствии с какими требованиями. Решая данную проблему, принимающее сообщество будет в состоянии регулировать требования для инкорпорирования в него мигрантов, соответствующих объявленным условиям. Представляется, что выработка и продуманная

³¹³ См. Воронов В.В. Моделирование межэтнических отношений в российских регионах // Власть. 2019. Том 26. № 9, С. 131-132

³¹⁴ Барышная Н.А. Миграция как региональный этнополитический фактор // Власть, 2013. Том 21 №9, С. 38

³¹⁵ См. Ким А.С. Консенсус как объект этнополитической конфликтологии // Ученые заметки ТОГУ. 2013. Т.4. №4. С. 1927-1932

³¹⁶ См. Коньков А.Т. Этническая миграция и потребности устойчивого демографического развития российского Дальнего Востока // Глобализация, региональное развитие и проблемы окружающей среды: сборник материалов международной научно-практической конференции (сентябрь 2013 г.) / отв. ред.: В.Н. Ефанов, Е.Н. Лисицына. Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2013. С. 169

реализация подобной стратегии могли бы способствовать решению проблемы депопуляции области при одновременной минимизации угроз межэтнической напряженности, которая нередко сопровождает процесс этнической миграции.³¹⁷

В этом разрезе некоторые эксперты считают, что неперенным условием проживания трудовых мигрантов на территории Сахалинской области должно стать диффузное расселение, препятствующее образованию этнических анклавов. По их мнению, нельзя допускать формирования компактных поселений с автономной инфраструктурой, связью, нелегальными финансовыми структурами, своими законами, нормами сожития, так как это существенно обостряет проблему интеграции их в местное социокультурное пространство, поскольку соотношение количества желающих осесть навсегда на новой для себя территории этнических мигрантов по отношению к общей численности коренных жителей в известной степени влияет на ее успешность или провал.³¹⁸

Как отмечают некоторые специалисты, закрепление в регионе значительной части мигрантов является одним из возможных и вероятных сценариев дальнейшего развития событий.³¹⁹ В этой связи, как считает А.Н. Ким, учитывая стабильно высокий приток в регион мигрантов из Центральной Азии последних лет и сохраняющуюся тенденцию на вытеснение коренного населения из целого ряда сфер экономики (торговля, сфера обслуживания, транспорт и др.), а также постепенно нарастающую диспропорцию в этнической структуре области, рассчитывать на снижение уровня агрессии и ксенофобии, как в молодежной среде, так и в городском социуме в целом, в обозримом будущем вряд ли приходится. Он также отмечает, что приходится констатировать тот факт, что существующий в местном социуме запрос на «закрытие» островов, как от этнических мигрантов, так и от внешних мигрантов в целом, не просто находится на

³¹⁷ См. Там же

³¹⁸ См. Ким А.Н. Этническая миграция в Сахалинской области глазами жителей Южно-Сахалинска // Вторые краеведческие чтения (памяти А. К. Клитина). Южно-Сахалинск, 2021. С. 111

³¹⁹ См. Коньков А.Т. Проблема интеграции этнических мигрантов на Дальнем Востоке России и её особенности в Сахалинской области // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2015. № 1. С. 217

достаточно высоком уровне, с годами он только продолжает набирать популярность.³²⁰

Таким образом, интенсивно идущие в Сахалинской области миграционные процессы и, как следствие, постепенно меняющийся этнический ландшафт региона значительно актуализировали вопросы взаимной адаптации коренного островного населения и мигрантов, успешной интеграции последних в местную социокультурную среду.³²¹ Ученые отмечают, что этнический сдвиг (массовые миграции населения, имеющие тенденцию к усилению в современном мире) заведомо нарушает исторически сложившийся в регионе баланс, сопровождается ростом социально-политической напряженности, приводит к межнациональной розни, затяжным, нередко кровопролитным конфликтам и, уже поэтому, нуждается в обстоятельном научном анализе.³²² А также разработке комплекса практических мер по нейтрализации его негативных последствий.

Как мы видим, среди многих обстоятельств, несущих угрозу нарушения баланса межнациональных отношений в Сахалинской области, немаловажное значение имеют, прежде всего, факторы, так или иначе связанные с витальностью населения (угрозой жизни, здоровью, материальному благополучию), а также связанные с этнической и конфессиональной идентичностью. Поэтому управление этническими отношениями и этнополитическими процессами в регионе предусматривает несколько магистральных направлений развития в современных условиях. Это предотвращение и профилактика национализма, дискриминации, предупреждение межэтнических конфликтов и противоречий, сотрудничество этнических сообществ, а также адаптация и интеграция этнических мигрантов.³²³

Всё это свидетельствует о необходимости проведения систематической

³²⁰ См. Ким А.Н. Этническая миграция в Сахалинской области глазами жителей Южно-Сахалинска // Вторые краеведческие чтения (памяти А. К. Клитина). Южно-Сахалинск, 2021. С. 115

³²¹ См. Там же. С. 112

³²² См. Лобода О.В., Ярулин И.Ф. Этнический сдвиг на Дальнем Востоке России // Регионалистика. 2014. Т.1, №1, С.33-48

³²³ См. Кочкаева Т.Н. Политико-административное управление этническими отношениями и этнополитическими процессами // Социально-гуманитарные знания. 2015. №12. С.123-124

работы «по дальнейшему улучшению межнациональных отношений, превентивной деятельности по предотвращению возможных конфликтов на национальной почве, сохранению баланса межэтнических отношений, которая должна вестись в рамках национальной политики». По мнению экспертов, «адресная работа со СМИ, представителями полиции и миграционной службы, активистами и руководителями этнических диаспор, в том числе и работа на упреждение конфликтных ситуаций, регулярный мониторинг состояния межэтнических взаимоотношений в регионе. Все это должно способствовать положительному результату в вопросах снижения межэтнической напряженности и предотвращения конфликтов на этнической почве».³²⁴

Вместе с тем, одним из стержневых моментов концептуальной схемы региональной этнической и миграционной политики является вопрос об ее идейно-политической платформе. Без ответа на эти вопросы невозможно выработать критерии эффективности следующих блоков гармонизации межэтнических отношений. В связи с этим необходимо «определить те мировоззренческие принципы, руководствуясь которыми органы государственной власти различных уровней должны объединять людей различного этнического происхождения, различных культур и конфессий в единые гражданские сообщества не только на федеральном, но и на региональном уровнях. То есть речь идет о формировании единой гражданской нации, в том числе и на уровне регионов, в ее региональном измерении».³²⁵ И эта деятельность должна активно и на постоянной основе вестись властями Сахалинской области.

В заключении еще раз отметим, что, по нашему мнению, на современном этапе развития основную угрозу этнополитической стабильности и устойчивому социально-политическому развитию Сахалинской области в этнополитической сфере представляет иностранная этническая миграция и связанные с ней комплекс проблем и этнополитических процессов -

³²⁴ См. Омаров М.А. Институты гражданского общества и их роль в сохранении межэтнического мира // Вопросы этнополитики. 2018 №1, С. 28

³²⁵ См. Ким А.С. Методологические конструкции концепции региональной этнической и миграционной политики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2012 №3(35), С.52-59

образование замкнутых диаспор и анклавизация этнополитического пространства области. Данные этнополитические процессы могут привести к серьезному "этническому сдвигу" в регионе, существенному изменению в этнической структуре населения, разрушению устоявшейся системы взаимоотношений и взаимодействия между различными этническими общностями, живущими в островном регионе, серьезному росту социально-политической напряженности.

В целом этот комплекс этнополитических проблем и процессов в настоящее время носит в основном латентный и формирующийся характер и еще не проявляет себя в полной мере, но в то же время он является важным фактором, который обладает значительным конфликтным потенциалом, и который в перспективе способен серьезно нарушить оформившийся в области устойчивый этнополитический консенсус, или даже полностью уничтожить сложившийся в Сахалинской области положительный баланс в межнациональных отношениях, если не предпринимать серьезных мер в рамках региональной национальной политики.

3.3 Деятельность органов власти и общественных институтов Сахалинской области в сфере региональной национальной политики

Подавляющее большинство специалистов в области межнациональных отношений, сходятся во мнении, что национальная политика, осуществляемая в каждом конкретном регионе, должна учитывать уникальность его территории в этноструктурном плане. Особенно это относится к полиэтническим регионам, которым, без сомнения, является Сахалинская область, в которой сегодня насчитывается около 120 представителей разных национальностей.³²⁶ В этой связи необходимы особые подходы к анализу этнополитической ситуации в Сахалинской области, с учётом текущей динамики этнической структуры, имеющих место проявлений ксенофобии и экстремизма, а также выстраивание эффективной системы мониторинга, прогнозирования и раннего предупреждения конфликтов на этнической почве. Важной задачей в сложившейся ситуации представляется и работа с мигрантами, которые нередко выступают одной из главных причин роста межэтнической напряженности и конфликтов регионе. Все это, безусловно, должно быть первостепенными задачами региональных органов власти, но при этом актуальным видится и более масштабное вовлечение структур гражданского общества в работу по позитивному и гармоничному развитию межнациональных отношений в Сахалинской области. Их совместная деятельность в сфере региональной национальной политики является одним из ключевых факторов к обеспечению устойчивого социально-политического развития данного региона.

В целом осуществление региональной национальной политики РФ в Сахалинской области обеспечивается скоординированной деятельностью региональных государственных органов и органов местного самоуправления, а также общественных институтов. Тут можно отметить, что главная деятельность, как властных, так и общественных институтов в данной сфере протекает в трех основных направлениях: развитие общероссийской

³²⁶ См. Горбунов В. Прыжок через нарты: в Сахалинской области впервые прошел Дальневосточный гражданский форум «Народы. Религии. Общество», где обсуждались тонкости межнациональных отношений // Губернские ведомости, 27 июня 2017

гражданской идентичности; вопросы, касающиеся взаимодействия с коренными малочисленными народами; а также различные аспекты взаимоотношений с мигрантами, особенно в контексте их адаптации и интеграции в региональное сообщество.

В Сахалинской области нет особого доктринального документа (концепции или стратегии), формулирующего концептуальные основы проведения в области региональной национальной политики, но здесь с этой целью на регулярной основе (обычно на 3 года) утверждается региональный План мероприятий по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на определенный период. Так, в частности на сегодняшний день это «План мероприятий по реализации в 2022 - 2025 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Сахалинской области». В рамках этого плана также создана и утверждена специализированная программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России, проживающих на территории Сахалинской области» в рамках которой есть 2 подпрограммы, олицетворяющие собой приоритетные направления деятельности региональных властей в области национальной политики, а именно: «Совершенствование государственного управления в сфере государственной национальной политики Сахалинской области» и «Обеспечение функционирования государственной информационной системы мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций».³²⁷

При этом задача по созданию общероссийской гражданской идентичности в рамках Сахалинской области регулируется специальной подпрограммой под названием «Общероссийская гражданская идентичность и этнокультурное развитие народов России». В рамках ее, в частности, региональными властями предусматривается проведение следующего рода мероприятий:

³²⁷ См. Постановление Правительства Сахалинской области от 29.03.2019 № 141 О внесении изменений в государственную программу Сахалинской области «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России, проживающих на территории Сахалинской области», утвержденную постановлением Правительства Сахалинской области от 29.12.2014 № 649 // <https://sakhalin-gov.ru/doc/64937>

- содействие этнокультурному многообразию народов России за счет реализации ряда мероприятий - региональных конференций, фестивалей, «круглых столов», Сахалинского международного фестиваля национальных культур «Содружество», Всероссийского урока, посвященного Дню русского языка, декады «Культура коренных малочисленных народов Севера», обучающих семинаров по вопросам профилактики национального экстремизма, развития межнационального и межконфессионального мира и согласия на территории области;
- поддержка языкового многообразия на территории Сахалинской области осуществляется посредством реализации мероприятий, направленных на повышение квалификации учителей русского языка по вопросу преподавания русского языка как государственного и как иностранного, повышение квалификации учителей на межрегиональном уровне по вопросу сохранения и развития языка коренных малочисленных народов Севера;
- реализация информационно-пропагандистских мероприятий в сфере укрепления единства российской нации и этнокультурного развития, в рамках которых создаются и размещаются тематические материалы (проекты) по формированию общегражданской идентичности и межэтнической толерантности в электронных и печатных средствах массовой информации, а также обеспечивается поддержка телевизионных и печатных проектов на языках народов, проживающих на территории Сахалинской области;
- совершенствование государственного управления в сфере государственной национальной политики на территории Сахалинской области, в рамках реализации данного мероприятия предусмотрено обеспечение функционирования государственной информационной системы мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций.³²⁸

³²⁸ См. Распоряжение Правительства Сахалинской области от 14.01.2022 N 4-р "Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2022 - 2025 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Сахалинской области" // sakhalin.gov.ru/fileadmin/2021/10/Rasporjazhenie_Pravitelstva_Sakhalinskoi_oblasti_ot_14_01_2022.pdf?ysclid=lv2voestdz125874922

Правительством Сахалинской области в рамках реализации Государственной программы Сахалинской области «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России, проживающих на территории Сахалинской области» также созданы и напечатаны 2 методологических сборника в области проведения региональной национальной политики. Первый под названием – «Реализация государственной национальной политики в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере гармонизации межнациональных отношений» - был опубликован в 2021 году, а второй – «Гармонизация межнациональных отношений в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере адаптации иностранных граждан, профилактики конфликтов и экстремизм. Методологические рекомендации» в 2023 году.³²⁹

На состоявшемся в марте 2024 года Совете по межнациональным и межконфессиональным отношениям, в котором приняли участие представители органов власти, религиозных и общественных организаций, губернатор Сахалинской области В. Лимаренко в целом следующим образом охарактеризовал проведение региональной национальной политики в регионе: в Сахалинской области созданы условия для развития и укрепления межнациональных и межконфессиональных отношений; кроме того, в области проводятся обучающие семинары, форумы, круглые столы, национальные, торжественные и памятные мероприятия, направленные на сохранение добрых межнациональных и межрелигиозных отношений, а власти области активным образом участвуют в организации национальных праздников.³³⁰ Другие лица в органах государственной власти Сахалинской области в целом при проведении региональной национальной политики также подчеркивают и приоритетность задач укрепления единства народов, живущих в регионе, и формирования общероссийской гражданской

³²⁹ См. Реализация государственной национальной политики в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере гармонизации межнациональных отношений: сборник методических рекомендаций. [авт.-сост.: Якимов А.Н., Ефимова О.Б.]. Санкт-Петербург: Лесник, 2021; Гармонизация межнациональных отношений в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере адаптации иностранных граждан, профилактики конфликтов и экстремизм. Методологические рекомендации // Якимов А.Н., Панич Б.Л. Санкт-Петербург. 2023

³³⁰ См. На Сахалине собрался совет по межнациональным отношениям 5 Марта 2024 // <https://tia-ostrova.ru/news/politika/189058/>

идентичности в новых геополитических условиях.³³¹ В деятельности администрации области появились принципиально новые направления. Так осуществляется значительная финансовая поддержка общественных проектов некоммерческих организаций посредством грантов, нацеленных на улучшение межнациональных отношений.

Необходимо также отметить, что в Сахалинской области была создана и система мониторинга уровня конфликтности в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, которая включала: контент-анализ средств массовой информации и интернет-ресурсов; интернет-опросы; экспертные опросы; мониторинг содержания межнациональных отношений на базе конкретных районов Сахалинской области. Ежегодно проводились социологические опросы населения области, что позволяло отслеживать динамику процессов. Управление этническими процессами строилось, главным образом, на основе широкого участия институтов гражданского общества и расширения диалога органов власти со всеми заинтересованными сторонами.

Оценка межэтнических отношений, как показатель мониторингового исследования этносоциальных процессов, в регионе позволяет отслеживать динамику и сдвиги в социокультурном процессе, а также осуществлять социокультурное моделирование межэтнического пространства.³³² В этой связи мониторинг межнациональной ситуации в этническом срезе позволяет проводить профилактические меры и корректировать социально-экономическую политику с учетом интересов социальных групп. Поэтому осуществление мониторинговых, т.е. непрерывных, исследований региональных этнополитических процессов в целях выявления и скорейшего предупреждения потенциальных конфликтов выступает важным инструментом сохранения межэтнического согласия и единства российской нации. Как отмечают специалисты, «проблематика методологии

³³¹ См. В г. Южно-Сахалинске обсудили Реализацию Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. 12 июля 2023 // <https://fadn.gov.ru/press-centr/news/v-g-yuzhno-saxalinske-obsudili-realizacziyu-strategii-gosnac-politiki-rf-na-period-do-2025-goda>

³³² См. Попков Ю.В. Модель социокультурного мониторинга городского межэтнического сообщества в реализации национальной политики на муниципальном уровне // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2. С. 114-124

осуществления мониторинговых исследований этнополитических процессов должна интересовать не только профильных ученых-обществоведов, но и управленцев-практиков, осуществляющих этот мониторинг в рамках проведения государственной национальной политики»³³³ в общем, и ее региональной разновидности, в частности.

В целом власти Сахалинской области сумели направить свой административный ресурс и потенциал гражданского общества на решение следующих актуальных задач, таких как: ограничение развития деструктивных тенденций в этнонациональных отношениях, систематический мониторинг этнонациональной ситуации в регионе, создание постоянно действующей диалоговой системы, в рамках которой главной площадкой межнационального диалога стал Совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям.

Вообще в Сахалинской области также существует целая сеть общественных и консультативных советов при региональных органах власти и даже местного самоуправления, занимающихся проблемами региональной национальной политики. Среди основных из них можно назвать Совет по межнациональным и межконфессиональным отношениям Сахалинской области, Региональный Совет уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области, Совет коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области при губернаторе Сахалинской области. При этом на уровне отдельных муниципалитетов и районов островного региона, в особенности в ее северной части острова, действуют свои собственные общественные советы. В целом в области насчитывается около 40 национальных общественных организаций как муниципального, так и регионального уровня, которые отражают позиции базовых этнические общностей, проживающих в регионе. Большинство из данных организаций проявляют важную социальную активность, не только на областном уровне, но и уровне взаимодействия с общественными

³³³ См. Адиев А.З. Мониторинговые исследования этнополитических процессов в регионах России: методы власти и научного сообщества // Власть. 2022. Том 30. № 3. С.

организациями других регионов.³³⁴ В качестве примера подобных организаций можно привести расположенный в Охте «Центр по сохранению и развитию традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера "Кыхкых" ("Лебедь")».

В 2015 году также было подписано соглашение о сотрудничестве в области межнациональных отношений между Правительством Сахалинской области и Ассамблеей народов Сахалинской области, которая является представительством в регионе Ассамблеи Народов России. По мнению властей области, данная общественная организация способна взять на себя объединяющую функцию в деле укрепления межнационального согласия в области, а также усиления взаимовыгодного взаимодействия между региональными государственными институтами и различными национальными группами.³³⁵ При этом важную роль в реализации региональной национальной политики в регионе наряду с Ассамблеей народов Сахалинской области играет и Общественная палата Сахалинской области, в которую, в частности, помимо экспертов входят и представители различных религиозных конфессий и представители этнических диаспор, живущих в области.³³⁶

Администрация Сахалинской области уделяет большое внимание вопросам защиты законных интересов всех коренных малочисленных народов, живущих в регионе. «На Сахалине и Курилах проживают более 4 тысяч представителей коренных народов Севера». Эвенки, нанайцы, нивхи и уйльта продолжают историю своих предков и ведут традиционный образ жизни, бережно храня традиции. «Власти Сахалинской области оказывают всестороннюю поддержку народам КМНС. Прежде всего, в сфере образования, культуры, медицинского и социального обслуживания, а также обеспечения традиционного образа жизни, хозяйственной деятельности. В качестве мер поддержки традиций, истории и культуры КМНС на островах

³³⁴ См. Реализация государственной национальной политики в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере гармонизации межнациональных отношений: сборник методических рекомендаций. [авт.-сост.: Якимов А.Н., Ефимова О.Б.]. Санкт-Петербург: Лесник, 2021 С.19

³³⁵ См. Снегирева М. Стратегия согласия: соглашение с Ассамблеей народов России поможет укрепить межнациональные отношения на островах // Губернские ведомости, 7 февраля 2015

³³⁶ См. Там же

проходят различные мероприятия, в том числе фестивали, а представителям выделяют квоты и субсидии. При этом власти региона уделяют особое внимание культурному наследию коренных северных народов. Так, в муниципалитетах проходят различные мероприятия, где сахалинцы и курильчане могут познакомиться с традиционным творчеством КМНС. Представители народов принимают участие в региональных и федеральных выставках и конкурсах, Сахалинский областной центр народного творчества проводит различные мероприятия коренных народов Севера».³³⁷

Среди мероприятий, проводимых региональными и местными органами власти Сахалинской области совместно с общественными организациями и общинами коренных народов Сахалина в ходе проведения региональной национальной политики можно перечислить следующие: «Фестиваль народных художественных промыслов и ремесел коренных малочисленных народов Севера – ”Живые традиции”», праздник оленеводов «Курэй»; обрядовый праздник «Тени Гу», Праздник - обряд «Кормление Духа - Хозяина моря», а также областной детско-юношеский фестиваль «Наследники традиций» и первенство Сахалинской области по национальным видам спорта среди детей коренных малочисленных народов Севера.³³⁸ Главной целью проведения подобных мероприятий является знакомство жителей Сахалинской области с культурой и традициями коренных народов Дальнего Востока, а также воспитание у них толерантности, и в целом улучшение межнационального взаимопонимания и формирование в регионе атмосферы межнационального мира и согласия. Все «проекты данных организаций направлены на укрепление комплиментарных, дружественных отношений между представителями разных культур, а результатом организованных и проведенных ими мероприятий, стало этнокультурное развитие народов области. Общие дела и праздники объединяют людей» и все это, в конечном счете, способствует культурному

³³⁷ См. Меры поддержки коренных народов Севера на Сахалине и Курилах: обзор Sakh.online 25 мая 2023 // <https://sakh.online/news/18/2023-05-25/mery-podderzhki-korennyh-narodov-severa-na-sahaline-i-kurilah-obzor-sakh-online-368788>

³³⁸ См. Гармонизация межнациональных отношений в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере адаптации иностранных граждан, профилактики конфликтов и экстремизм. Методологические рекомендации // Якимов А.Н., Панич Б.Л. Санкт-Петербург. 2023

взаимопониманию и формированию толерантности в таком полиэтническом обществе, каким является Сахалинская область.

Как отметила председатель Совета представителей КМНС при администрации Южно-Сахалинска Е. Ниткук, во всех муниципалитетах области, которые являются территорией традиционного проживания, созданы Советы по работе с КМНС. Власти региона разработали программу устойчивого развития малочисленных народов, которая включает в себя поддержку культурного и исторического наследия, а также помощь их отдельным представителям. «У нас создана программа устойчивого развития, которая рассчитана до 2030 года, куда включены развитие и поддержка традиционной культуры, в частности проведение мероприятий и участие представителей областного центра в региональных мероприятиях, таких, как, например, областной праздник народов Севера, детский фестиваль национальных видов спорта».³³⁹

Также большую работу в рамках региональной национальной политики власти Сахалинской области ведут в сфере образования, особенно в сегменте взаимодействия с сахалинскими коренными народами. Так, в частности, изучение родных языков, фольклора, культурных традиций и народных промыслов осуществляется в рамках уроков этнокультурного цикла, в рамках внеурочной деятельности, а также через создание в образовательных организациях соответствующей среды. На стимулирование выпуска различных видов литературы для «изучения родных языков коренных народов на системном уровне направляются средства из регионального и местных бюджетов».³⁴⁰

«Взаимодействие властей региона с общественными организациями коренных малочисленных народов, проживающих в Сахалинской области, в социальной, политической, экономической и культурной областях реализуется при перманентной институциональной координации с

³³⁹ См. Меры поддержки коренных народов Севера на Сахалине и Курилах: обзор Sakh.online 25 мая 2023 // <https://sakh.online/news/18/2023-05-25/mery-podderzhki-korennyh-narodov-severa-na-sahaline-i-kurilah-obzor-sakh-online-368788>

³⁴⁰ См. Буров А.С. Актуальные аспекты государственной политики устойчивого развития коренных народов Севера в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2022 Выпуск 4, Том 12, С.1419-1430

Региональным Советом уполномоченных представителей коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области».³⁴¹ При этом для анализа качества жизни и сохранности традиционной культурной среды необходимо также учитывать различные формы самоорганизации аборигенов. Данные организации могут быть эффективны при общении с органами государственной власти и местного самоуправления, и также велика их роль при разрешении конфликтов с действующими в регионе промышленными компаниями.³⁴² В этой связи также важной вехой региональной этнополитики, и особенно во взаимоотношениях властей Сахалинской области и коренных малочисленных народов, явилось учреждение в августе 2023 года должности «Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в Сахалинской области».³⁴³

Как отмечают некоторые эксперты, работая в сфере реализации национальной политики, невозможно обойти стороной вопросы, касающиеся проблемы миграции.³⁴⁴ Это в полной мере относится и к проводимой властями Сахалинской области региональной национальной политике, важной частью которой является проблема взаимоотношений с иностранными трудовым мигрантами, прибывающими на территорию региона преимущественно из стран ближнего зарубежья, в особенности из Средней Азии. В современных реалиях миграционные этнические переселения, становясь новыми факторами социально-экономических, этнокультурных реалий в Сахалинской области, требовали от властей не только политической воли, но и разумных, исключительно продуманных действий в соответствующих сферах в целях обеспечения устойчивого социально-политического развития региона. При этом в поиске решений, связанных с этнической миграцией, властям области необходимо исходить

³⁴¹ См. Реализация государственной национальной политики в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере гармонизации межнациональных отношений: сборник методических рекомендаций. [авт.-сост.: Якимов А.Н., Ефимова О.Б.]. Санкт-Петербург: Лесник, 2021 С.19

³⁴² См. Новикова Н.И., Степанов В.В. Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. № 217 М. 2010, С.35

³⁴³ См. С 1 августа 2023 года учреждена государственная должность Уполномоченного по правам коренных малочисленных народов в Сахалинской области // <https://region65.ru/news-4250?ysclid=ltoogpuh8877802966731.07.2023>

³⁴⁴ См. Мельницкая Ю.А. Государственно-общественное партнерство в сфере межнациональных отношений // Власть и управление на Востоке России. 2018 №1, С.90

как из теоретического, так и из практического опыта.

Необходимо отметить, что в рамках реализации данного направления региональной национальной политики, особое значение приобретают аспекты, связанные с работой по адаптации мигрантов в Сахалинской области и интеграции их в принимающее сообщество. Как отмечают некоторые специалисты, вопросы интеграции требуют вложения немалых средств, это достаточно дорогостоящее дело, а так как зачастую региональный бюджет не предусматривает финансирование этих вопросов, то только за счет государства проблемы интеграции решить не удастся. Поэтому в формировании цивилизованных форм миграционных процессов, в создании нормальных условий жизни для мигрантов, в их адаптации к условиям принимающей стороны большую роль приобретает государственно-частное партнерство, взаимодействие государства и гражданского общества.³⁴⁵ Сейчас в процессе адаптации и интеграции мигрантов немаловажную роль играют образовательные институты, профессиональные сообщества, религиозные структуры, сектор НКО, представители властей различного уровня – регионального, муниципального. При этом, по мнению ряда специалистов, крайне важен диалог местного населения и мигрантского сообщества, а если смотреть шире, то наука – власть – гражданское общество.³⁴⁶ Как констатируют эксперты в настоящее время властям Сахалинской области в управлении миграционными процессами не обойтись без общественных организаций, без создания с ними координационных структур, где органы власти и НКО будут работать на принципах социального партнерства.³⁴⁷

Большую помощь и поддержку органам государственной власти и управления островного региона оказывают общественные институты, в том числе и этноориентированные некоммерческие организации, а также другие

³⁴⁵ См. Леднева В.Ю. Национальные общественные объединения в процессе создания системы социальной адаптации и интеграции иностранных мигрантов в российское общества // Государственная служба. 2012. №5. С. 75-79

³⁴⁶ См. Ардалянова А.Ю., Винокурова А.В., Ковалевский А.В., Сердюков К.Н., Яковлев А.И. Мигранты и миграции на Дальнем Востоке России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. №2. С. 69-76

³⁴⁷ См. Кривоносова Л.А., Ус М.А. Особенности этнической идентичности мигрантов на Дальнем Востоке России // Власть и управление на Востоке России. 2018 №3, С. 119-126

общественные объединения, в том числе и представителей этнических мигрантов. Ими предлагаются варианты осуществления органами власти различных форм межсекторального взаимодействия по реализации этнокультурной адаптации мигрантов в условиях многонационального региона.

Как мы видим, в качестве основных партнеров органов власти Сахалинской области по методической поддержке, обсуждению и реализации мер социально-культурной адаптации иностранных граждан отмечены социально ориентированные некоммерческие организации. Важная роль в работе по социально-культурной адаптации иностранных граждан отводится взаимодействию органов государственной власти с социально ориентированными общественными организациями, включая использование методического потенциала СО НКО, поддержку и развитие их проектов в сфере оказания помощи и информирования иностранных граждан, волонтерской деятельности.³⁴⁸ Как отмечают эксперты, подобные общественные структуры существуют во всех регионах Дальнего Востока, они проводят определенную работу, в том числе и по адаптации мигрантов, но эта работа не носит системный характер и малорезультативна.³⁴⁹ Поэтому в качестве приоритетных направлений реализации программ адаптации мигрантов в Сахалинской области, помимо традиционных (знание государственного языка, основ государственно-правового устройства, истории, культуры, традиций, норм поведения в обществе), могут стать:

- формирование ключевых навыков межнационального и межкультурного взаимодействия, противостояние ксенофобии в молодежной среде;
- выявление и фиксация конкретных случаев нарушения прав мигрантов или мигрантами в трудовой сфере, выявление фактов этнической дискриминации на производстве и в быту, определение механизмов их

³⁴⁸ См. Гармонизация межнациональных отношений в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере адаптации иностранных граждан, профилактики конфликтов и экстремизм. Методологические рекомендации // Якимов А.Н., Панич Б.Л. Санкт-Петербург. 2023 С. 40

³⁴⁹ См. Кривоносова Л.А., Ус М.А. Особенности этнической идентичности мигрантов на Дальнем Востоке России // Власть и управление на Востоке России. 2018 №3, С. 119-126

регулирования;

- оказание помощи этническим диаспорам и общинам по адаптации и интеграции мигрантов, их трудоустройству;
- организация работы, связанной с повышением образовательного и профессионального уровня этнических мигрантов и выравнивание этнокультурной дистанции с местным населением.³⁵⁰

Как отмечают эксперты, «эффективность социального и политического управления миграционными процессами на современном этапе будет определяться тем, насколько в процесс ее формирования и осуществления будут включены органы государственной власти Сахалинской области, органы местного самоуправления, некоммерческие организации, национально-культурные объединения и непосредственно мигранты».³⁵¹ При этом если говорить о формальных институтах, в том числе и властных структурах, то необходимо учитывать, что иностранная трудовая миграция – это важнейший элемент устойчивого социально-экономического развития Сахалинской области. Соответственно, формальные институты не могут не участвовать в содействии культурной адаптации и интеграции иностранных трудовых мигрантов. Важно находить и показывать положительные примеры межнационального взаимодействия и согласия. Это будет способствовать изменению устоявшихся стереотипов о мигрантах в лучшую сторону.³⁵²

В качестве примера успешного взаимодействия органов власти Сахалинской области с общественными институтами в рамках осуществления региональной национальной политики может служить проект, получивший название - «Интеграция и адаптация мигрантов в Сахалинской Области», реализуемый правительством региона совместно с областным филиалом Ассамблеи народов России (Ассамблеей народов Сахалинской области). Данный проект включает в себя проведение регулярных встреч общественных, религиозных организаций с представителями органов

³⁵⁰ См. Там же

³⁵¹ См. Ахатов Ю.К. Перспективные направления совершенствования социального управления процессами трудовой миграцией в Сахалинской области // Национальная безопасность. 2013 №6 С.6

³⁵² См. Ардалянова А.Ю., Винокурова А.В., Ковалевский А.В., Сердюков К.Н., Яковлев А.И. Мигранты и миграции на Дальнем Востоке России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. №2. С. 69-76

исполнительной власти, на которых обсуждаются вопросы взаимодействия «по гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений».³⁵³

Несмотря на то, что в Сахалинской области властями проводятся регулярные мониторинги и социологические исследования по вопросам региональной национальной политики в их деятельности также необходимо усилить направление, связанное с выявлением объективных тенденций в межэтнической коммуникации и отслеживанием общественных настроений, и поэтому следует выстраивать соответствующие программы по формированию позитивной культуры межнационального общения. Все это, по мнению экспертов, «в совокупности должно составить основы стратегии ”глубокого” предупреждения этнополитических конфликтов в области».³⁵⁴

Необходимо заметить, что в структуре управления этноконфессиональными и этнополитическими процессами в области особую роль играют диаспоры и национальные общины. В ряде случаев они занимаются и этническими, и конфессиональными вопросами, и зачастую лидеры диаспор, являясь лидерами неформальными, обладают высокой степенью влияния и могут оперативно разрешать возникающие проблемы. Поэтому взаимодействие с диаспорами, существующими в островном регионе, и в особенности с их руководством тоже должно является одним из приоритетных направлений деятельности органов государственной власти и управления Сахалинской области.

Подобные организации ведут основательную работу, сопряженную с адаптацией мигрантов разных национальностей на территории региона, и представляют собой продуктивный ресурс реальной связи с этническими мигрантами, который не всегда используется в полной мере региональными органами власти. В частности, как отмечают эксперты, на базе этнических диаспор можно организовать мониторинг по оценке происходящих в регионе этносоциальных, этнокультурных изменений, что позволило бы

³⁵³ См. Гармонизация межнациональных отношений в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере адаптации иностранных граждан, профилактики конфликтов и экстремизм. Методологические рекомендации // Якимов А.Н., Панич Б.Л. Санкт-Петербург. 2023 С. 44

³⁵⁴ См. Ким А. С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор. Хабаровск. 2011 С. 77

диагностировать происходящие события, а значит, и реагировать на них.³⁵⁵

В целом, несмотря на объективно существующие проблемы, руководство Сахалинской области смогло выстроить весьма эффективно функционирующую систему управления этноконфессиональными процессами, значительное внимание уделяя мониторингу напряженности на межнациональной почве и мероприятиям просветительского характера, работе со СМИ. В силу динамичности и противоречивости этнополитических процессов принципы, направления, методы управления этническими отношениями постоянно корректируется. Используются разнообразные формы работы: проведение научно-практических конференций, круглых столов, совещаний, семинаров, издание специализированной литературы.

По сути, региональная национальная политика, проводимая органами региональной власти во взаимодействии с отдельными общественными организациями, дает существенные результаты. Но необходимо подчеркнуть, что в регионе имеются ресурсы для дальнейшего укрепления межнационального согласия, основанного на удовлетворении социальных запросов населения вне зависимости от национальной принадлежности, толерантности к межэтническому разнообразию и восприятию «других». И резервы роста здесь кроются и в оптимизации управления с учётом потенциала гражданского общества области, с его ориентацией на устойчивое социально-политическое развитие региона. Но, по мнению специалистов, такие преобразования возможно предпринимать только с позиций системного подхода во взаимодействии государственных органов и институтов гражданского общества.³⁵⁶

В заключении можно констатировать, что в настоящее время общее состояние межнациональных отношений в Сахалинской области находится на относительно высоком, позитивном уровне и обладает достаточно большим потенциалом в плане социально-политической устойчивости, и большая заслуга в этом принадлежит не только органам государственной

³⁵⁵ См. Кривоносова Л.А. Проблемы сохранения и трансформации этнической идентичности мигрантов на Дальнем Востоке // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». 2017. №2, С.38-41

³⁵⁶ См. Лонгвиненко В.П. Теоретико-методологические и практические аспекты устойчивого развития регионов // Россия: тенденции и перспективы развития. 2018. Вып. 13 Ч. 2. С.119-122

власти и управления в области, проводящим региональную национальную политику, но и региональным институтам гражданского общества.

Необходимо отметить, что проводимая в Сахалинской области региональная национальная политика не представляется абсолютно автономной, и, по сути, олицетворяет собой калькирование на уровень субъекта федерации концепций и мыслей федеральных органов власти в данной сфере. В этом смысле ключевыми областями деятельности в ходе проведения региональной национальной политики в регионе являются помимо реализации задачи, связанной с формированием общероссийской гражданской идентичности, вопросы, касающиеся взаимодействия с коренными малочисленными народами, а также различные аспекты взаимоотношений с мигрантами, особенно в контексте их адаптации и интеграции в региональное сообщество.

Таким образом, несмотря на то, что в деятельности органов государственной власти Сахалинской области и общественных институтов в области национальной политики в настоящее время существует видимый недостаток определенной комплексности, согласованности, взаимодополняемости и системности взаимодействия, и вдобавок наличествуют явные проблемы в координировании совместной работы по совершенствованию межнациональных отношений в островной области, и построению в регионе межнационального мира и согласия, региональная национальная политика в настоящее время является важным фактором обеспечения устойчивого социально-политического развития Сахалинской области.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении еще раз обобщим основные тезисы и выводы, которые были получены автором в ходе проведения данного диссертационного исследования, и кратко пройдемся по ним.

Устойчивое развитие современных социально-политических систем (в том числе и регионов), по нашему мнению, следует рассматривать, опираясь на общепринятые в системном подходе понятия, а именно как сложные многоуровневые динамические системы, в которых осуществляется жизнедеятельность отдельных социумов, находящихся между собой в определенных отношениях и ориентированных на достижение системных целей. Поэтому в качестве основного методологического подхода к исследованию процессов устойчивого социально-политического развития мы будем опираться, прежде всего, на системный подход, который, по нашему мнению, является наиболее продуктивным при исследовании сложных социально-политических процессов и объектов, к которым, в частности, относятся как сами регионы, так и протекающие в них этнополитические процессы, а также их регулятор – национальная (этническая) политика.

Таким образом, устойчивое социально-политическое развитие региона в контексте этнополитических процессов, по нашему мнению, представляет собой стабильное, эволюционное и последовательное развитие региона как динамичной социально-политической системы, находящейся в полиэтнической среде и испытывающей на себе воздействие различных и часто разнонаправленных этнополитических процессов. При этом важное место в обеспечении этого устойчивого развития региона отводится именно национальной политике, проводимой не только на общегосударственном, но особенно на региональном уровне, где как нигде важен глубокий учет местной специфики и некоторых особенностей конкретного региона.

Национальная политика, в том числе региональная национальная политика РФ, является важным фактором устойчивого социально-политического развития регионов и выступает механизмом комплексного регулирования этнополитических процессов (как интеграционных, например,

«нациостроительство», так дезинтеграционных, например, межнациональные конфликты) на национальном и/или региональном уровне. При этом региональная национальная политика РФ, по сути, является практически полным, зеркальным отражением на региональном уровне федеральной государственной национальной политики - ее целей, идей, принципов, доктрин и постулатов, а ее самостоятельность носит довольно ограниченный характер. Это проявляется не только на концептуальном, но и на институциональном уровне. Региональные концепции (стратегии) и региональные политические институты, отвечающие за национальную политику, являются в основном точным калькированием соответствующих документов и институтов федерального уровня.

Современная российская национальная политика, нашедшая свое отражение в «Стратегии национальной государственной политики» и транслируемая на региональный уровень, в концептуальном плане представляет собой, по нашему мнению, синтез конструктивистского и инструменталистского подходов. Региональная национальная политика РФ, нашедшая отражения в доктринальных документах различных субъектов РФ, также в концептуальном ключе придерживается данного синтетического подхода. Но при этом в субъектах, построенных по национально-территориальному принципу, на концептуальном и институциональном уровне доминируют инструменталистские тенденции (акцент на регулирование межнациональных отношений), а в регионах, основанных на административно-территориальных основаниях, наоборот, доминируют конструктивистские тенденции (акцент на создание региональной и общероссийской гражданской идентичности).

В условиях современного этапа общественного развития этнополитическими процессами становятся и демографические процессы, в особенности миграционные процессы (внутренние и внешние), которые зачастую в результате «этнического сдвига» делают регионы полиэтничными, меняют этническую структуру населения региона, а в некоторых случаях и

разрушают сложившийся в нем за долгие годы баланс межнациональных отношений.

На современном российском Дальнем Востоке демографические и миграционные процессы, ведущие к «этническому сдвигу», носят явно выраженный этнополитический характер, и поэтому являются по своей сути не столько чисто социальными, сколько именно политическими, имеющими при этом еще и явно выраженные этнические доминанты. Эти этнополитические процессы оказывают серьезное воздействие на дальневосточное этнополитическое пространство, региональную дальневосточную идентичность и дальневосточные региональные сообщества (в частности, сахалинское), трансформируя и переструктурируя их. В этом ключе социально-политическая и этнополитическая устойчивость Дальнего Востока обеспечивается способностью проводимой в регионе национальной политики эффективно регулировать этнополитические процессы, достигать межэтнического мира и гармонии в межэтнических отношениях, предупреждать и урегулировать конфликты на этнической почве.

Региональная идентичность, формируемая, в том числе и региональной национальной политикой, имеет важное (прежде всего, интегративное) значение в рамках устойчивого развития региона как социально-политической системы, являясь ее неотъемлемым элементом. Дальневосточная региональная идентичность, будучи по своей сути отражением гражданского типа идентичности, является в этом плане также и важным переходным этапом в формировании в данном регионе полноценной общероссийской гражданской идентичности, а ведущая роль в этом процессе принадлежит национальной политике РФ вообще и ее региональной ипостаси, в частности. Дальневосточная идентичность, несмотря на наличие ее различных подвидов (сахалинской, хабаровской, приморской, камчатской и т.д.), представляет из себя единое целое, создающее устойчивую региональную общность - «дальневосточники». При этом дальневосточный социум и дальневосточная региональная идентичность имеют свою

собственную специфику, и эти особенности должны учитываться при проведении на Дальнем Востоке и в отдельных его регионах федеральной и региональной национальной политики, так как на них большое воздействие оказывает сложившаяся на Дальнем Востоке так называемая «проточная культура», заметно влияющая также и на многие этнополитические и социально-политические процессы в регионе.

Регулятором этнополитических процессов служит государственная национальная (этническая) политика, проводимая не только на национальном, но главным образом на региональном уровне, с учетом специфики конкретного региона. В связи с этим, создание единого этнополитического пространства и обеспечение его устойчивого функционирования и развития, а также построение регионального сообщества, должны являться стратегическими задачами всей региональной национальной политики Сахалинской области. В свете этого важным для Сахалинской области, как этнополитического пространства и региональной общности, является оптимальное сочетание общегражданской идентичности с сохранением этнической групповой идентичности, исторических и этнокультурных традиций, которые вытекают из менталитета, ценностей и культуры этносов, проживающих на ее территории, которые играют значимую роль для поддержания стабильности и достижения устойчивого социально-политического развития региона.

Находясь, как и все остальные дальневосточные регионы, под влиянием дальневосточной «проточной культуры», сахалинское этнополитическое пространство и региональное сообщество в тоже время обладают своей особой этнополитической и этнокультурной спецификой, что находит свое отражение, в частности, в формировании собственной региональной идентичности – «сахалинцы». Сахалинское этнополитическое пространство исторически является полиэтническим и обладает, помимо собственно «общедальневосточной», еще и своей собственной особой социально-политической спецификой, выраженной в высоком адаптационно-интеграционном потенциале в этнополитической сфере и способностью

успешно противостоять деструктивным этнополитическим процессам, и только усиливающимися при проведении в области грамотной региональной национально политики.

На современном этапе развития основную угрозу этнополитической стабильности и устойчивому социально-политическому развитию Сахалинской области в этнополитической сфере представляет иностранная этническая миграция и связанные с ней комплекс проблем и этнополитических процессов - образование замкнутых диаспор и анклавизация этнополитического пространства области. Данные этнополитические процессы могут привести к серьезному "этническому сдвигу" в регионе, существенному изменению в этнической структуре населения, разрушению устоявшейся системы взаимоотношений и взаимодействия между различными этническими общностями, живущими в островном регионе, серьезному росту социально-политической напряженности.

В целом этот комплекс этнополитических проблем и процессов в настоящее время носит в основном латентный и формирующийся характер и еще не проявляет себя в полной мере. Но в то же время он является важным фактором, который обладает значительным конфликтным потенциалом, и который в перспективе способен серьезно нарушить оформившийся в области устойчивый этнополитический консенсус, или даже полностью уничтожить сложившийся в Сахалинской области положительный баланс в межнациональных отношениях, если не предпринимать серьезных мер в рамках региональной национальной политики. И усилия здесь должны прилагать не только власти Сахалинской области, но и региональные институты гражданского общества.

В настоящее время общее состояние межнациональных отношений в Сахалинской области находится на относительно высоком, позитивном уровне и обладает достаточно большим потенциалом в плане социально-политической устойчивости, и большая заслуга в этом принадлежит не только органам государственной власти и управления области, проводящим

региональную национальную политику, но и региональным институтам гражданского общества. Необходимо отметить, что проводимая в Сахалинской области региональная национальная политика не представляется абсолютно автономной, и, по сути, олицетворяет собой калькирование на уровень субъекта федерации концепций и мыслей федеральных органов власти в данной сфере. В этом смысле ключевыми областями деятельности в ходе проведения региональной национальной политики в регионе являются помимо реализации задачи, связанной с формированием общероссийской гражданской идентичности, вопросы касающиеся взаимодействия с коренными малочисленными народами, а также различные аспекты взаимоотношений с мигрантами, особенно в контексте их адаптации и интеграции в региональное сообщество.

Таким образом, несмотря на то, что в деятельности органов государственной власти Сахалинской области и общественных институтов в области национальной политики в настоящее время существует видимый недостаток определенной комплексности, согласованности, взаимодополняемости и системности взаимодействия, и вдобавок наличествуют явные проблемы в координировании совместной работы по совершенствованию межнациональных отношений в островной области, и построению в регионе межнационального мира и согласия, региональная национальная политика в настоящее время является важным фактором обеспечения устойчивого социально-политического развития Сахалинской области.

Библиография

Нормативные акты и документы

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы // Сборник законодательных актов в области государственной национальной политики и межнациональных отношений. / Под редакцией В.Б. Тарасова. М.: ГБУ «МДН», 2019
2. Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г.: распоряжение правительства Российской Федерации от 20 июня 2017 г. № 1298-р // <http://government.ru/docs/28228/>
3. Постановление Правительства Сахалинской области от 29.03.2019 № 141 О внесении изменений в государственную программу Сахалинской области «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России, проживающих на территории Сахалинской области», утвержденную постановлением Правительства Сахалинской области от 29.12.2014 № 649 // <https://sakhalin-gov.ru/doc/64937>
4. Распоряжение Правительства Сахалинской области от 14.01.2022 N 4-р "Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2022 - 2025 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года в Сахалинской области" // sakhalin.gov.ru/fileadmin/2021/10/Rasporjazhenie_Pravitelstva_Sakhalinskoi_oblasti_ot_14_01_2022.pdf?ysclid=lv2voestdz125874922
5. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 г. № 2094-Р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96571/
6. Сборник законодательных актов в области государственной национальной политики и межнациональных отношений. / Под редакцией В.Б. Тарасова. М.: ГБУ «МДН», 2019
7. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Сборник законодательных актов в

- области государственной национальной политики и межнациональных отношений. / Под редакцией В.Б. Тарасова. М.: ГБУ «МДН», 2019
8. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 602 «Об обеспечении межнационального согласия» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35266>
 9. Указ Президента РФ от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512>
 10. Указ Президента РФ от 31.03.2015 г. № 168 «О Федеральном агентстве по делам национальностей» // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39565>

Монографии и сборники

11. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб.: Питер, 2004
12. Абдулатипов Р.Г. Этнонациональная политика в Российской Федерации (концепции, практика, реализация, перспективы). М., 2007
13. Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Россия в XXI веке: общенациональный ответ на национальный вопрос. М.: «Этносоциум», 2016
14. Абдулатипов Р. Г., Михайлов В.А. Судьбы народов России в XXI веке. Стратегия государственной национальной политики. М.: Эпоха, 2013
15. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2001
16. Аносов А.В. Миграционная компонента развития Дальнего Востока России: монография. М.: Дашков и К^о, 2009
17. Ачкасов В.А. Этнополитология. М.: Юрайт, 2015
18. Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни. Дальний Восток. М.: «Европа», 2014
19. Бляхер Л.Е. Этническая община в социальном пространстве Дальнего Востока. Хабаровск. 2001
20. Ботанцов И.В. Этнополитика в России: историко-правовой анализ. СПб.: Астерион, 2020
21. Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. Южно-Сахалинск., 1993
22. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука. 1983

23. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987
24. Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток, 2002
25. Гармонизация межнациональных отношений в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере адаптации иностранных граждан, профилактики конфликтов и экстремизм. Методологические рекомендации // Якимов А.Н., Панич Б.Л. Санкт-Петербург. 2023
26. Гражданские инициативы в сфере этнической политики. Возможности посредничества гражданских структур в деле предупреждения и урегулирования этнических конфликтов / Ответ. ред. Зорин В.Ю., Степанов В.В. М.: ИЭА РАН, 2013
27. Григорьев Н.А. Региональные социально-политические процессы на Дальнем Востоке России: Монография. Тамбов, 2018
28. Гридяева М.В. Остров Сахалин во второй половине XIX – начале XX века: административное устройство и управление. Южно-Сахалинск, 2008
29. Дальний Восток в зеркале этнополитики: материалы Всероссийской научной конференции (Хабаровск, 25-26 октября 2019 г.) / под редакцией Е.Н. Спасского, О.А. Рудецкого. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2019
30. Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграция в советское и российское общество. Южно-Сахалинск, 2015
31. Елизарьев В.Н. Подлинная история Курильских островов и Сахалина XVII-XX вв. М.: Алгоритм, 2007
32. Елизарьев В.Н. История Сахалина и Курильских островов в российско-японских отношениях. Южно-Сахалинск: Лукоморье, 2002
33. Ерохин А.М. Этнополитические аспекты трансформации российского общества. М., 2003
34. Заринов И.Ю. Этнос и этничность: Ретроспективный взгляд на проблему. М.: ИЭА РАН, 2023

35. Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России и современность / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. № 225 М.: ИЭА РАН, 2011
36. Зорин В.Ю. Орешин С.А., Государственная национальная политика России: от традиций к инновациям / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. № 269 М.: ИЭА РАН, 2019
37. Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: институциональный и инфраструктурный аспекты / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. № 263 М.: ИЭА РАН, 2018
38. Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление духовной общности российской нации / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. № 236 М.: ИЭА РАН, 2014
39. Исакова Е.В. Устойчивое развитие территорий: социально-философский и геоэкологический аспекты. Новокузнецк. 2019
40. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия: Учебное пособие / М.С. Высоков, А.А. Василевский, А.И. Костанов, М.И. Ищенко. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство, 2008
41. Ким А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор: методология, теория, регионалистика. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2011
42. Ким А.С., Довгополов Е.Ю. Институционализация этнической политики в современной России (на примере Дальневосточного региона). М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2016
43. Кошкин А.А. Русские Курилы. Острова противостояния. М.: Концептуал, 2022
44. Кузин А.Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев: монография: в 3-х книгах. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное изд-во, 2010

45. Кузин А.Т. Переход корейцев в Дальневосточные пределы российского государства (поиски исследователя). Южно-Сахалинск, 2001
46. Культура и ресурсы. Опыт этнологического обследования современного положения народов Севера Сахалина / Под редакцией Д.А. Функа. М.: ООО «Издательство «Демос», 2015
47. Маслов В.П. Сибирь, Камчатка, Сахалин: "как Россия расширяла свои территории за Уралом и какие народы там жили". Майкоп: Полиграф-ЮГ, 2017.
48. Маслов В.П. Дальневосточные рубежи России: Камчатка, Сахалин, Курилы, Магаданская область, Приморье, Хабаровский край и Приамурье. Майкоп: Полиграф-Юг, 2021
49. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты / Отв. ред. Л.М. Дробижева. Москва: ФНИСЦ РАН, 2018
50. Межэтнические и межконфессиональные отношения в Дальневосточном федеральном округе (по материалам социологических исследований): препринт / И.Ф. Ярулин и др. Хабаровск: Изд-во Тихоокеанского гос. ун-та, 2014
51. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. М.-Омск: «Издательский центр КАН», 2018
52. Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад по изучению общественного мнения в 2019 году / Ред. Смирнова Т.Б., Степанов В.В., Старченко Р.А. – М.-Омск: «Издательский центр КАН», 2020.
53. Миграция и межнациональные отношения: ресурс государственно-общественного партнерства в России. Под редакцией академика В.А. Тишкова. М. 2019
54. Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. ИЭА РАН. М.: Наука, 2006

55. Миссонова Л.И. Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 года до переписей 21 века / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. № 223 М.: ИЭА РАН, 2010
56. Мокин К.С., Барышная Н.А. Этнополитическое исследование: концепции, методология, практика. Саратов: Издательский центр «Наука», 2009
57. Мониторинг межэтнических отношений и религиозной ситуации в регионах Урала, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за 2019 год / Ред. Смирнова Т.Б., Степанов В.В., Старченко Р.А.; под общей редакцией В.А. Тишкова; - М.-Омск: «Издательский центр КАН», 2020
58. Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России. Хабаровск: ДВО РАН, 2006
59. Мухарямов Н.М. Вопросы теории этнополитического анализа. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1996
60. Народы Сахалинской области: сб. статей / сост. П.А. Павликова. Южно-Сахалинск: КартПласт, 2019
61. Новикова Н.И., Степанов В.В. Индикаторы качества жизни коренных малочисленных народов Севера Сахалинской области / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. № 217 М.: ИЭА РАН, 2010
62. Николайчук О.Н. Дальний Восток России. От депрессивного региона к территории будущего. М.: ИНФРА-М, 2018
63. Николайчук О.Н. Миграция на Дальнем Востоке: проблемы и перспективы. М.: Перо, 2017
64. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960-1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016
65. Островский А.Б. Сахалинские корни: актуальные формы этнокультурной идентичности. СПб. 2023
66. Паин Э.А. Этнополитические процессы в модернизирующемся мире. М., 2017

67. Паин Э. А. Этничность, нация и политика: критические очерки по этнополитологии. М.: Новое Литературное Обозрение, 2023
68. Парсонс Т. Теория коллективного поведения. М., 1972
69. Пак Сын Ы. Сахалинские корейцы в поисках идентификации. М., 2019
70. Паскачев А.Б. Национальная политика России (от империи – к единой российской нации). Москва; Ярославль: Литера, 2016
71. Петров В.Н. Миграции населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар., 2004
72. Петров В.К., Селиванов С.Г. Устойчивость государства. М., 2005
73. Подпечников В.Л. На берегах Сахалина: Ист.-краевед. Очерки. Южно-Сахалинск: Сахал. кн. изд-во, 2001
74. Подпечников В.Л. Поселения острова. Очерки истории Сахалина. Южно-Сахалинск. Управление по делам архивов Сахалин. области. 2003
75. Постсоветские трансформации: отражение в миграциях / под ред. Ж.А. Зайончковской, Г.С. Витковской; Центр миграционных исследований, Ин-т народно-хозяйственного прогнозирования РАН. М.: ИТ «АдамантЪ», 2009
76. Реализация государственной национальной политики в Сахалинской области. Организация мероприятий в сфере гармонизации межнациональных отношений: сборник методических рекомендаций. [авт.-сост.: Якимов А.Н., Ефимова О.Б.]. Санкт-Петербург: Лесник, 2021
77. Сахалин и Курилы в прошлом и настоящем: [в 3 т.] / [М.М. Прокофьев и др.; гл. ред. и сост. А.М. Тарунов]. М.: НИИЦентр, 2015
78. Сахалин и Курилы: история и современность / Материалы региональной научно-практической конференции, 27–28 марта 2007 г. [редкол.: А.И. Костанов (гл. ред.), Р.А. Блинова, М.С. Высоков, Л.В. Драгунова (сост.), А. В. Ерлыков, Е.И. Савельева (сост.)]; ред. О. Кузнецов. Южно-Сахалинск, 2008
79. Сахалинская область в документах и фактах: 1992–2000 годы / [сост.: Л.В. Драгунова, М.В. Гридяева (отв.), Ким Чан Ок, Ю.И. Дин, А.В. Исайкина, А.Н. Ким, Е.В. Ясенева]. Южно-Сахалинск, 2017

80. Сахалинская область: история, современность, перспективы: материалы международной научно-практической конференции (17–18 октября 2012 г., г. Южно-Сахалинск) / сост. А. С. Ломов. Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2012
81. Семёнова И.В., Островский П.Ю., Клименко В.Н. Исследование миграционных потоков населения Дальнего Востока России. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2016
82. Сенченко И.А. Сахалин и Курилы - история освоения и развития. М.: Кучково поле, 2006.
83. Сенченко И.А. История Сахалина и Курильских островов: к проблеме русско-японских отношений в XVII-XX веках. М.: Экслибрис-Пресс, 2005
84. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма. М., Праксис, 2004
85. Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: кол. монография / М.Ю. Мартынова, В.А. Тишков [и др.]; отв. ред. М.Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2022
86. Современные этносоциальные и этнополитические процессы: сборник научных работ / под ред. В.В. Сербиненко, Н.М. Асратяна. - Набережные Челны: ФГБОУ ВПО "НИСПТР", 2013
87. Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / Ред. Степанов В.В., Тишков В.А. М.: ИЭА РАН, 2014.
88. Социально-экономические факторы межэтнической напряженности в регионах Российской Федерации / Отв. ред. М.Ф. Черныш. М.: Институт социологии РАН, 2015
89. Социокультурные и социоструктурные факторы межэтнической напряжённости в регионах Российской Федерации: результаты исследования / Отв. редактор М.Ф. Черныш. М.: Институт социологии РАН, 2016

90. Социальные факторы межэтнической напряженности в России: монография / отв. ред. Ю.Б. Епихина, М.Ф. Черныш. М.: ФНИСЦ РАН, 2017
91. Социально-политические процессы на Дальнем Востоке России: [сборник научных трудов] / [науч. ред.: Л.Е. Бляхер]. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2007
92. Строева Г.Н. Миграция населения на Дальнем Востоке России. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2020
93. Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М.: Весь мир, 2009
94. Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003
95. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2019
96. Тишков В. Национальная идея России. М.: АСТ, 2021
97. Тишков В.А. Избранные труды: в 5 т. Т.5: Этнология и политика. Статьи 1989-2021 годов. М.: Наука, 2021
98. Тишков В.А. Нация наций: о подходах к пониманию России. М., 2023
99. Ускова Т.В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2009
100. Шабает Ю.П., Омаров М.А. Регионализм и этничность в России: историческая эволюция и современные политические практики. М.: Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, 2021
101. Шувалова И.К. Миграционные процессы на Дальнем Востоке России: социально-политический аспект. Владивосток: Дальневосточный федеральный ун-т, 2015.
102. Щеглов В.В. Опыт сахалинских переселений (1853-2002). Южно-Сахалинск, 2019
103. Этносоциология: поиски и свершения / отв. ред., сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022

104. Ярулин И.Ф. Политические процессы в Хабаровском крае. Хабаровск: ХГТУ, 2002.

Статьи в сборниках и журналах

105. Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Законодательные механизмы реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: меньше политики, больше прав // Публичное и частное право, 2015 № 4, С. 21-31
106. Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Методологические основания разработки Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Публичное и частное право, 2014 № 1, С. 7-17
107. Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. Этнополитика миграционных процессов // Публичное и частное право, 2014 № 4, С. 35-39
108. Авдеев Ю.А. О демографической политике для российского Дальнего Востока // Статистика и Экономика. 2017. №6. С.59-68
109. Авдеев Ю. Дальний Восток: как остановить отток населения и сделать его привлекательным? (полемиические размышления) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. №3. С.299-313
110. Адиев А.З. Мониторинговые исследования этнополитических процессов в регионах России: методы власти и научного сообщества // Власть. 2022. Том 30. № 3. С. 17-24.
111. Асриянц К.Г., Ахмедов Р.Г. Проблемные аспекты этнополитических процессов в Российской Федерации // Журнал прикладных исследований. 2021. №6-7, С. 662-666
112. Ахатов Ю.К. Миграционная политика как элемент устойчивого развития региона // Устойчивое развитие территории: от теории к практике. Южно-Сахалинск, 2010. С. 12-13
113. Ахатов Ю.К. Этнический мигрант сахалинской области. Социологический портрет // Политика и общество. 2012. № 11 С. 99-115

114. Ачкасов В.А. Проблемы интерпретации базовых понятий в российской этнополитологии и этнополитике // Вопросы этнополитики. 2018 №1, С. 11-22
115. Баженова Ж.М., Ермак Г.Г. К вопросу об этничности населения фронтальных территорий (на материалах о-ва Сахалин) // Россия и АТР. 2018. № 4. С. 57-74
116. Барбашин М.Ю. Институциональный подход к исследованию этнополитических процессов // Противодействие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде: формы, эффективные методы и их реализация. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. 26-27 мая, 2016 г. Махачкала: Деловой мир, 2016. С.6-13
117. Барзилов С., Чернышев А. Регион как политическое пространство // Свободная мысль. 1997. № 2, С. 3-13
118. Барышная Н.А. Миграция как региональный этнополитический фактор // Власть, 2013. Том 21 № 9, С. 35-39
119. Бахлов И.В., Бахлова О.В. Совершенствование федеративных отношений в России в контексте национальной и региональной политики // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019 №3, С. 119-126
120. Березутский Ю.В., Мугдин К.В. Межнациональные отношения в Хабаровском крае в социологическом измерении: состояние, проблемы, перспективы // Власть и управление на Востоке России. 2022 №2, С.169-180
121. Бляхер Л.Е., Демьяненко А.Н., Киреев А.А., Кузнецов А.М., Ярулин И.Ф. Регион: проблемы концептуализации, идентификации и конструирования // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021. № 1. С. 67-76.
122. Бляхер Л.Е. Дальний Восток России: в поисках политической идентификации // Политическая наука. 2005. №3. С. 102-118
123. Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Полис. Политические исследования. 2004. №5. С. 28-39

124. Бляхер Л.Е. Потребность в национализме, или национальное самосознание на Дальнем Востоке России // Полис. Политические исследования. 2004. №3. С. 44-54
125. Бляхер Л.Е. Политические мифы Дальнего Востока // Полис. Политические исследования. 2004. №5. С. 28-39
126. Бляхер Л.Е. Политические мифы и политическая культура Дальнего Востока России // История и культура Приамурья. 2007. №1. С. 44-57
127. Болотина И.И. Национальная политика и этнополитика в современной России: проблемы интерпретации и разграничения предметов ведения // Власть. 2022 Том 30 №3, С. 136-139
128. Боришполец К. Этничность и политика (Некоторые тенденции и результаты развития современных прикладных исследований) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1999. № 4. С. 3-21.
129. Боровской Г.В. Проблемы межэтнических отношений сахалинской молодежи // Экономика, государство, общество на современном этапе: опыт, проблемы, перспективы. - Южно-Сахалинск, 2011, С. 310-318
130. Боровской Г.В. Экстремизм и проблема межнациональных отношений в Сахалинской области: (на примере г. Южно-Сахалинска) // Сахалинская область: история, современность, перспективы: материалы международной научно-практической конференции (17-18 октября 2012 г., г. Южно-Сахалинск) / сост. А.С. Ломов. Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2012. С. 125-129
131. Боровской Г.В. Проблемы межэтнического взаимоотношения этнических мигрантов и местного населения в Сахалинской области (социологический анализ) // XLIII Научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и сотрудников Сахалинского государственного университета. Южно-Сахалинск: Издательство СахГУ, 2014, С.21-33
132. Бубеев А.С. Проблема этнополитических процессов в социологии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. №2. С. 74-76

133. Бугай Н.Ф. Влияние перестройки на корейскую общность в СССР/России // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015, С. 211-217
134. Будаева Д.Ц., Донирова Г.А. Межнациональное (межэтническое) согласие народов Дальневосточного Федерального округа: историко-политологический аспект // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 11. С.3713-3722
135. Бурлаков В.А. Трансформация роли и значения Дальнего Востока России в региональной структуре страны // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022 №4, С.132-138
136. Буров А.С. Актуальные аспекты государственной политики устойчивого развития коренных народов Севера в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2022 Выпуск 4, Том 12, С. 1419-1430
137. Ващук А.С. Дальневосточный фактор в социально-демографических процессах России во второй половине XX в. // Россия и АТР. Владивосток, 2012. № 3, С. 80-90.
138. Ващук А.С. Политика привлечения иностранных трудовых мигрантов на Дальний Восток России: между прагматическим курсом и стратегией безопасности (конец XX – начало XXI в.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019 № 4, С.122-134
139. Ващук А.С., Воронцов Н.С. Дальневосточный фронт 1990-х годов: от «территории-крепости» к новым формам развития региона // Журнал фронтальных исследований, 2022. Т.7. №4. С. 104-135.
140. Великая Н., Тартыгашева Г. Межнациональные отношения в современной России в оценках экспертного сообщества // Вестник Российской нации, 2021 № 4, С. 82-92
141. Винокурова А.В., Ардалянова А.Ю., Шаривхан Ж. Уехать "куда" или "откуда": условия жизни и миграционные стратегии жителей

- дальневосточного российско-китайского приграничья // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020 № 4, С.7-15
142. Винокурова А.В., Ардальянова А.Ю. Иностранная миграция на Дальнем Востоке России: основные тренды // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023 № 4. С.11-22
143. Власова И.В. Виды идентичности у русских // Русские: этнокультурная идентичность / отв. ред. и сост. И.В. Власова. М.: ИЭА РАН, 2013
144. Волкова Е.С. Проблемы самоидентификации россиян в период рыночных реформ в художественных произведениях дальневосточных авторов // Россия и АТР. 2023, №4 С.178-197
145. Воронов В.В. Моделирование межэтнических отношений в российских регионах // Власть. 2019. Том 26. №9, С. 127-134
146. Гагарина Г.Ю., Полякова А.Г., Чайникова Л.Н. Развитие Дальнего Востока как геостратегическая цель России // Федерализм. 2016 №1, С.167-184
147. Гаджиев Х.А., Семченков А.С. Индекс устойчивости политической системы: опыт измерений в трех странах. // PolitBook, 2020, № 1, С. 161-194
148. Галиуллин Д.Л., Ярулин И.Ф. Формирование доверия как условие модернизации региона // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2010 № 2(26), С.128-133
149. Галичанин Е.Н. О некоторых аспектах государственной политики по развитию Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2017 №4, С. 8-14
150. Гарусова Л.Н. Международная миграция в современной России: дальневосточный контекст // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета, 2014 №4, С.9-22
151. Гарусова Л.Н., Петрова Н.В. Особенности социально-этнических процессов в Камчатском крае // Регион: экономика и социология, 2015, №2, С. 133-149

152. Говорухин Г.Э. Захват социального пространства // Город Х: провинциальные города Сибири и Дальнего Востока. Хабаровск, 2003, С. 27-39
153. Годик М.А. Реализация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: подходы, процессы, практики // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2023 Выпуск 6, Том 13, С.2561-2573
154. Гончарова С.В. Быт и характер народностей в контексте проблем колонизации Дальнего Востока России // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022. №2(74), С. 200-205
155. Гончаров В.В., Чимитова И.З. Межэтническое согласие как перспективное направление стратегического планирования политики национальной безопасности в Российской Федерации на региональном (На примере Республики Бурятия) // Сравнительная политика. 2020 №3 С. 86-95
156. Горелкин А.В. К проблеме выделения социально-политических критериев устойчивого развития региона // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 12. Ч. 2
157. Грицко М.А. Демографическая динамика в дальневосточных субъектах РФ в 2013-2022 гг. // Регионалистика. 2023. Т.10. №4, С. 7-28
158. Давуров Д. Этнополитический процесс в современной России: понятие, факторы влияния // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. №1, С. 96-99
159. Дегтярев Г.П. Институциональный подход к исследованию межнациональных отношений // Материалы VII международной социологической Грушинской конференции «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях», 15-16 марта 2017 г. / отв. ред. А. В. Кулешова. М.: АО «ВЦИОМ», 2017. С.1131-1134
160. Дерябина С.Р. К вопросу об актуальности конструирования моделей межэтнических отношений внутри полиэтнических сообществ // Этнопанорама, 2014 № 1-2 С.36-39

161. Дзалаев О.Ф. Основные этапы становления современной государственной национальной политики // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1. С. 26-28.
162. Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалинской области: этническая идентификация, трансформация национальной культуры и интеграция в советское и российское общество во второй половине XX - начале XXI в. // Культурно-историческое наследие Дальнего Востока: сохранение, использование, популяризация: мат. всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2015.
163. Довгополов Е.Ю. Конфликтологический аспект этномиграционной политики (на примере Хабаровского края) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2017 №2(54), С. 33-37
164. Довгополов Е.Ю. Объективные предпосылки институционализации национальной (этнической) политики на Дальнем Востоке России // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016 №1(49), С. 21-28
165. Драгунский Д.В. Этнополитические процессы на постсоветском пространстве и реконструкция Северной Евразии // Полис, 1995. № 3. С. 36-45
166. Дробижева Л.М. Межнациональные (межэтнические) отношения в России в зеркале мониторинговых опросов ФАДН и региональных исследований // Вестник Российской нации, 2017 № 4, С. 107-127
167. Дробижева Л.М. Динамика российской идентичности // Вопросы этнополитики. 2018 №1, С. 31-27
168. Ефременко В.Ф. Структурные факторы миграции населения Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2022 №3, С. 101-107
169. Завалишин А.Ю. Этническая миграция в Хабаровском крае: социальные мифы и реальность (по материалам социологических исследований 2014–2017 годов) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018 №3(59), С. 52-57

170. Завалишин А.Ю. Межэтнические отношения в регионе: баланс на грани возможного (по материалам социологического исследования 2017 г. в Хабаровском крае // Ученые записки КнАГУ. 2018. № 1-2, С. 66-71
171. Заметина Т.В. Обновленная Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: достоинства и недостатки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. №3, С.10-15
172. Зангиров В.Г., Зангирова О.А. Дальний Восток России: геостратегические риски «этнического сдвига» // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018 №3(59), С. 58-66
173. Зангиров В.Г., Зангирова О.А. Этнополитика в свете интегративной функции государства // Дальний Восток в зеркале этнополитики: материалы Всероссийской научной конференции (Хабаровск, 25-26 октября 2019 г.) / под ред. Е.Н. Спасского, О.А. Рудецкого. Хабаровск, 2019, С.68-73
174. Зорин В., Каменских М. Роль общественных палат в укреплении межнационального и межконфессионального согласия в современной России // Вестник Российской нации, 2021 Спецвыпуск, С. 16-27
175. Зорин В. Российская этнополитика на современном этапе: традиции и инновации // Вестник Российской нации, 2019 № 2, С. 9-33
176. Зорин В. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: промежуточные итоги и новые ориентиры // Вестник Российской нации, 2018 № 1, С. 13-30
177. Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики // Этносоциум, 2018 №4, С. 158-176
178. Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики российской федерации: традиционность и новые подходы к укреплению единства многонационального народа России (российской нации) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2 С. 36-51.
179. Зыков А.А. Дальний Восток России на перекрестке трансграничных миграционных потоков Евразии // Ойкумена. 2014 №4, С.26-34

180. Карсанова Е.С., Знаменский Д.Ю. Идентичность в национальном и региональном измерении // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2021 Выпуск 1, Том 11, С.114-127
181. Карсанова Е.С., Гуршумов Р.К. Диаспора как политический ресурс // Власть. 2020 Том 28 №3, С. 63-67
182. Ким А.Н. Этническая миграция в Сахалинской области глазами жителей Южно-Сахалинска // Вторые краеведческие чтения (памяти А. К. Клитина). Южно-Сахалинск, 2021. С. 109-117
183. Ким А.С. Этнополитическая конфликтогенность Дальневосточного региона в ракурсе мультикультуралистской политики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2011 №2(30), С.66-74
184. Ким А.С. Методологические конструкции концепции региональной этнической и миграционной политики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2012 №3(35), С.52-59
185. Ким А.С. Этнополитическая конфликтология современных диаспор: актуальность, состояние, научно-исследовательская перспектива // Вестник Санкт-Петербургского Университета 2009. Сер. 6. Вып. 3. С. 283-290
186. Ким А.С. Этнополитическая конфликтогенность этнической миграции как социального процесса в Дальневосточном регионе (на примере Хабаровского края) // Вопросы этнополитики. 2019 №2, С. 73-86
187. Ким А.С., Ходырева А.В. Миграция как контекст этнополитических конфликтов в современной России // Ученые заметки ТОГУ. 2013 Т.4. №4, С. 1933-1939
188. Ким А.С., Пономаренко Т.В. Реализация стратегии государственной политики на Дальнем Востоке: конфликтологический аспект (на примере Хабаровского края) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015 №2(46), С. 165-169
189. Ким А.С., Довгополов Е.Ю. Институционализация мультикультурализма в Соединенных Штатах Америки в ракурсе регулирования этномиграционной ситуации на Дальнем Востоке России //

- Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016 №1(49) С. 29-38
190. Ким А.С., Довгополов Е.Ю. Этническая и миграционная политика: проблема институционализации (на примере Дальнего Востока России) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018 №3(59), С. 67-73
191. Ким А.С., Довгополов Е.Ю. Постсоветское развитие Дальнего Востока: к разработке вариативной модели государственной региональной политики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022 №2, С. 81-87
192. Киреев А.А. Понятие «регион» и предметно-методологические проблемы регионоведения // Регионалистика. 2014 Том 1. №1, С. 18-32
193. Ковригина Г.Д. Инструменты национальной интеграции // Этносоциум, 2018 №8, С. 18-25
194. Комарова Т.М., Мищук С.Н. Влияние миграции на безопасность принимающей территории (на примере Дальневосточного региона) // Региональные проблемы. 2017. Т. 20, №4, С. 108-114
195. Кононов Л.А. Культура миграционных отношений как фактор обеспечения стабильности в обществе // Вопросы этнополитики. 2019 №2, С. 10-23
196. Коньков А.Т. Проблема интеграции этнических мигрантов на Дальнем Востоке и её особенности в Сахалинской области // Сахалинская область: история, современность, перспективы: материалы международной научно-практической конференции (17-18 октября 2012 г., г. Южно-Сахалинск) / сост. А.С. Ломов. Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2012, С. 142-146
197. Коньков А.Т. Этническая миграция и потребности устойчивого демографического развития российского Дальнего Востока // Глобализация, региональное развитие и проблемы окружающей среды: сборник материалов международной научно-практической конференции (сентябрь 2013 г.) / отв. ред.: В.Н. Ефанов, Е.Н. Лисицына. Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2013, С.166-169

198. Коньков А.Т. Этнические миграции и формирование межэтнической напряженности // XLIII научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и сотрудников Сахалинского государственного университета: сборник материалов / сост. А. С. Ломов. Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2014, С. 6-15
199. Коньков А.Т. Проблема интеграции этнических мигрантов на Дальнем Востоке России и её особенности в Сахалинской области // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2015, №1, С. 206-220
200. Коняхина А.П. Социально-политический процесс на Сахалине в конце 1980-х – начале 1990-х гг.: от прямых коллективных действий к институциональной политике // Сахалинская область: история, современность, перспективы: материалы международной научно-практической конференции (17-18 октября 2012 г., г. Южно-Сахалинск) / сост. А.С. Ломов. Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2012 С.46-49
201. Коренькина А.К., Василенко А.П. Семантика акциональности в аспектах этнополитического пространства // Вестник САФУ. Лингвистика. 2023. Т. 23, № 5 С.45-55
202. Кочкаева Т.Н. Политико-административное управление этническими отношениями и этнополитическими процессами // Социально-гуманитарные знания. 2015. №12, С 115-124
203. Кривоносова Л.А., Ус М.А. Особенности этнической идентичности мигрантов на Дальнем Востоке России // Власть и управление на Востоке России. 2018 №3, С. 119-126
204. Кривоносова Л.А. Проблемы сохранения и трансформации этнической идентичности мигрантов на Дальнем Востоке // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». 2017. №2, С.38-41
205. Кузнецов А.М. Этнополитическая ситуация на Дальнем Востоке России: некоторые проблемы и перспективы // Ойкумена. 2012 №1. С. 67-79

206. Кузнецов А.М. Проблемы межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России в контексте международного опыта // Проблемы межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России: история и современность : сборник научных трудов по итогам работы региональной научно-практической конференции с международным участием "Проблемы межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России: история и современность" (23-24 сентября 2011 г.) / под ред. В. В. Романовой. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2011. С-123-132
207. Кузьмичева Н. Современное осмысление понятия “устойчивое развитие” // Управление мегаполисом 2011 №2
208. Кульбачевская О. Опыт реализации государственной национальной политики в регионах России // Вестник Российской нации, 2017 № 2, С. 125-137
209. Лада А.С. Проблемы привлечения трудовых ресурсов в субъектах Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2018 №4, С. 21-31
210. Лапицкая И.Ю. Социальная идентичность жителей Дальнего Востока России: изменения под влиянием трансформаций // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2013 №1(37) С. 113-116
211. Ларькина О.А. Миграционная обстановка в Сахалинской области // Глобализация, региональное развитие и проблемы окружающей среды: сборник материалов международной научно-практической конференции (сентябрь 2013 г.) / отв. ред.: В.Н. Ефанов, Е.Н. Лисицына. Южно-Сахалинск: изд-во СахГУ, 2013 С.181-183
212. Латкин А.П., Чупахина Л.Е. Миграционная политика на Дальнем Востоке России: вызовы и перспективы // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2021 № 4, С. 15-23
213. Лебедева М.М. Трансформация роли городов и внутригосударственных регионов в мировой политике // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019 № 1, С. 7-16

214. Левашов В.К. Социально-политическая устойчивость общества // Вестник Российской академии наук. 2011. Т. 81, № 12 С. 1059-1064
215. Леденева В.Ю. Конфликтогенные факторы миграции: специфика Дальневосточного федерального округа // Вопросы этнополитики. 2020 №3, С. 80-90
216. Леднева В.Ю. Национальные общественные объединения в процессе создания системы социальной адаптации и интеграции иностранных мигрантов в российское общества // Государственная служба. 2012. №5. С. 75-79
217. Лейпхарт А. Многосоставные общества и демократические режимы // Полис. 1992. № 1-2
218. Лобода О.В., Ярулин И.Ф. Этнический сдвиг на Дальнем Востоке России // Регионалистика. 2014. Т.1, №1, С.33-48
219. Лукасевич Т.А. Обеспечение конкурентоспособности регионов: возможности субъектов Дальневосточного федерального округа // Власть и управление на Востоке России. 2017 №3, С. 45-53
220. Маклашова Е.Г. Государственная национальная политика России: конструирование многонационального народа Российской Федерации // Этносоциум, 2019 №5, С. 9-17
221. Маклашова Е.Г. Сравнительный анализ региональных концепций формирования государственной национальной политики России // Регионология, 2015 № 2. С. 168-177.
222. Маклашова Е.Г. Региональные особенности реализации государственной национальной политики на Дальнем Востоке: правовой аспект // Теории и проблемы политических исследований. 2016 №3. С. 212-225
223. Маклашова Е.Г. Межнациональные отношения как индикатор состояния полиэтнического общества (на материалах Якутии) // Этносоциум, 2020 №11, С.9-18
224. Максимова О.Н. Формирование этнополитической культуры населения в контексте модернизации регионального управления этнополитическими

- процессами (на примере Оренбургской области) // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2012. №6, С.253-256
225. Мартыненко А. Из истории заселения Южного Сахалина русскими переселенцами в 1945-1960 // Малая родина и современность / Материалы 7-х краеведческих чтений имени Т.Н. Путятиной. Углогорск, 2018. С. 36-46
226. Марченко Г.И. Методологические подходы к исследованию этнополитических явлений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Полит. науки. 1995. № 2. С. 52-60
227. Мельницкая Ю.А. Государственно-общественное партнерство в сфере межнациональных отношений // Власть и управление на Востоке России. 2018 №1, С.85-93
228. Менделев Н.Г., Шкуркин А.М., Луценко Е.Л. Проблемы незаконной миграции и способы их преодоления // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2022 №2, С. 211-216
229. Минервин И.Г. Сахалинская область - в стратегии устойчивого развития Дальнего Востока // Устойчивое развитие территории: от теории к практике. Южно-Сахалинск, 2010. С. 56-58.
230. Миссонова Л.И. Пространство и идентичность в восприятии населения острова Сахалин // Этнопанорама, 2011 № 3-4, С.16-22
231. Михайлов В.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: вопросы теории и практических действий // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2013 №2 С.19-24
232. Михайлова Н.В., Будаева Д.Ц. Реализация Стратегии государственной национальной политики в Дальневосточном федеральном округе: проблемы и перспективы // Власть. 2023 Том 31. №4, С. 22-29
233. Михалев А.В. Трансформация системы политических символов на Дальнем Востоке России в XXI веке // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3, С. 227-236

234. Михеев В.А. Природа и практика развития межнационального согласия // Власть. 2019. Том 27. №3, С. 276-280
235. Мищук С.Н. Трудовая миграция на Дальнем Востоке России: до и после 2020 года // Региональные проблемы. 2021. Т.24, №2-3. С. 171-174
236. Мокин К.С., Барышная Н.А. Миграция и межнациональные отношения в оценках региональных экспертов // Власть. 2020 Том 28 №4, С. 33-41
237. Мотрич Е.Л. Роль миграции в динамике численности и составе населения Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2015. Т. 18. № 3, С. 6-14
238. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Формирование постоянного населения в опорных городах Приморского края и южной зоны Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2014. №4. С. 8-16
239. Мочалов А.Н. Территория, этничность и феномен «многонациональных» государств // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2017. Т.17. №4
240. Найден С.Н., Грицко М.А. Социальный потенциал устойчивого развития Дальнего Востока: демографические и инфраструктурные ограничения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2017 №4(56) С. 102-109
241. Найден С.Н. Реализация государственной политики на Дальнем Востоке // Власть и управление на Востоке России. 2020 №4, С.24-36
242. Надтока Р.В. Разработка открытой многофакторной модели научно-практической оценки, прогнозирования и мониторинга этнополитической напряженности // Вопросы национальных и федеративных отношений, 2021 Выпуск 5, Том 11, С.1564-1571
243. Никитенко В.Н. Детерминанты укоренения населения на российском Дальнем Востоке // Ойкумена. 2016 №1, С.87-93
244. Никитенко, В.Н. Аверина Ю.Н. Межэтнические отношения в системе национальной безопасности в Еврейской автономной области // Региональные проблемы, 2015. Т. 18. №2. С. 86-92

245. Никлаус А. К вопросу о принципах и механизмах территориальной оптимизации современных государств // Вестник Российской нации, 2022 № 5, С.63-72
246. Омаров М.А. Институты гражданского общества и их роль в сохранении межэтнического мира // Вопросы этнополитики. 2018 №1, С. 23-30
247. Паин Э.А. Проблема самоидентификации россиян: Со страной, с регионом, с этнической общностью // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия: [сборник докладов]. М. 2003
248. Перелыгин С.В. Государственная политика России по управлению демографическими процессами на Дальнем Востоке в 1991–2015 гг. // Ойкумена, 2016 №1
249. Плотников Е.В. К вопросу о формировании полиэтнической структуры населения Сахалинской области в конце XIX – начала XXI века // Ученые записки. Южно-Сахалинск, 2015. Вып.11/12, С.163-168
250. Понамарева А.М., Татунц С.А. Иммиграция как проблема национальной безопасности РФ // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С.135-151.
251. Попков Ю.В. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика // Вестник РАН, 2012 № 12, С. 1067-1074
252. Попков Ю.В. Государственная национальная политика как фактор межэтнической интеграции российского общества // Siberian Socium. 2017. Т. 1. № 1. С. 114-131
253. Попков Ю.В. Модель социокультурного мониторинга городского межэтнического сообщества в реализации национальной политики на муниципальном уровне // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 2, С. 114-124
254. Потапова Н.В. Религиозная ситуация в Сахалинской области: современный этап // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2022 № 2, С. 55-63

255. Потапова Н.В. Этническая самоидентификация населения Сахалинской области в конце XX - начале XXI в. // Россия и АТР. 2023 №4. С. 80-95
256. Ремнев А.В. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.) // Административное и государственное развитие Сибири XVII–XXI веков: Материалы науч.-теорет. семинара (12–13 ноября 2002 г.). Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003
257. Ржаницына Л.С. Застаревшие демографические проблемы Дальнего Востока // Федерализм. 2015 №3, С. 161-174
258. Романов М.Т. Проблемы устойчивого развития российского Дальнего Востока в геополитической динамике в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник ДВГАЭУ. 1999. №2 С.11-24
259. Рудецкий О.А. Дальний Восток России: от мультикультурности к мультикультурализму? // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016 №4(52) С. 44-48
260. Рудецкий О.А. Региональная идентичность дальневосточников в этнокультурном и национально-политическом контексте современной России // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2017 №2(54) С. 56-61
261. Рудецкий О.А. Концептуализация этнической политики современной России (национальный и региональный аспекты) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2019 №4(64) С. 143-147
262. Рудецкий О.А. Поливариативность этнокультурной идентификации русских на Дальнем Востоке // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2018 №1(57) С. 150-157
263. Рыжова Н.П., Васильева О.Г. Российский Дальний Восток «как череда экспериментов»: поиск подходов к объяснению причин успехов и неудач освоения периферийных регионов // Ойкумена. 2017 №4, С.7-16
264. Рязанцев С.В., Моисеева Е.М. Миграция в контексте демографического развития российского Дальнего Востока // Вестник Российской академии наук. 2022. Т.92. №2. С. 150-161.

265. Сабирова Н.С. Национальная политика современной России в контексте межэтнических взаимодействий внутри государства // Власть. 2020 Том 28. №3, С. 87-91
266. Савинов Л.В. Элементы российской этнополитики // Социум и власть. № 1. 2009 С. 46-49
267. Савинов Л., Симагина О., Скорых Н. Стратегия государственной национальной политики: результаты и перспективы концептуализации // Вестник Российской нации, 2023 № 5, С. 9-20
268. Савинов Л. Национальная политика и этнобезопасность // Вестник Российской нации, 2021 №3, С. 71-78
269. Савинов Л. Национальная политика в современной России: концептуальная модель и ее реализация // Вестник Российской нации, 2020 № 2, С. 9-17
270. Савинов Л.В. Муниципальная этнополитика в современной России: принципы, направления и ресурсы // Вестник Российской нации, 2018 № 1, С. 52-63
271. Санчат С. Этнический фактор среды региональной политической системы // Вестник Российской нации, 2021 № 6, С. 94-100
272. Селиванов А.И. Этнополитика России: необходимость диалектики культурных традиций и созидания будущего // Власть. 2020 Том 28 №5, С. 9-18
273. Семенов Н.В. Мониторинг межнациональных отношений и профилактика экстремистских проявлений: теория и практика // Власть. 2022 Том 30. №2, С. 72-76
274. Семченков А. Устойчивость политических систем и показатели национальной безопасности // Вестник Российской нации, 2021 № 4, С. 93-104
275. Сидоров С.А. Пограничное пространство Дальнего Востока России как зона уязвимости и контактности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2016 №1(49) С. 111-113

276. Симоненко О.А. Роль миграции в коррекции демографического портрета Дальнего Востока России // Ученые заметки ТОГУ. 2013. Т.4. №4. С. 1972-1980
277. Смагина Л.А. Этнополитические процессы в условиях развития регионализации // Власть. 2015. №9 С.33-38
278. Соколова Е.Н. «Дальневосточники»: роль идентичности в процессах развития макрорегиона // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2013 №1 С.135-143
279. Старченко Р. Цели и механизмы реализации Стратегии государственной национальной политики РФ: мнение экспертов // Вестник Российской нации, 2020 № 1, С. 127-133
280. Степанов Н.С., Соколовская Е.А. Место Дальнего Востока в перспективной модели развития Российской Федерации // Федерализм. 2021 №3, С. 29-49
281. Стройков В.А. Концептуальные и нормативно-правовые основы современной национальной политики Российской Федерации в контексте внешнеполитических рисков и угроз // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2023 Выпуск 5, Том 13, С. 2077-2085
282. Стройков В.А. Проблемы и перспективы развития межнациональных и межэтнических отношений в российском обществе на современном этапе // Этносоциум. 2023 №6 С.21-27
283. Стройков В.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: проблемно-идейный и нормативно-правовой контекст // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 5
284. Тишков В. Этнический фактор и новейшая история государственной этнополитики в России // Вестник Российской нации, Спецвыпуск 2008-2016 (№51) С.57-73
285. Тишков В.А. Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина) // Вестник Российской нации, 2018 № 6, С. 9-30
286. Тлимахова Л.Х. Нациестроительство для современной России: состояние вопроса и проблемы, препятствующие его решению // Вопросы

- национальных и федеративных отношений, 2020 Выпуск 8, Том 10, С.2137-2149
287. Троякова Т.Г., Козинец А.И. Некоторые факторы формирования региональной идентичности на примере Сахалинской области // Ойкумена. 2014 №4, С.47-62
288. То Кен Сик. Модернизация и/или устойчивое развитие? // Сахалинская область: история, современность, перспективы. - Южно-Сахалинск, 2012. С. 279-283
289. Туркина О.Д. Миграционная политика и межнациональные отношения в Сахалинской области // Технология дела, 2008 № 4, С. 20-23
290. Устинкин С.В., Рудакова Е.К., Морозова Н.М. Оценка эффективности этнонациональной политики России // Власть, 2013 Том 21 № 9, С. 10-16.
291. Федякин А. Поиск форм территориально-политического устройства, моделей государственной национальной и региональной политики в российских конституционных проектах начала 1990-х гг. // Вестник Российской нации, 2022 № 4, С. 9-41
292. Фалалеева И.Н. О парадигме российской национальной политики // Власть. 2011. №10. С. 57-60
293. Фадеичева М.А. Полиэтническое общество и стратегии этнической политики государственной власти // Социум и власть. 2013. №2, С. 45-49
294. Федосов П.А. Государственное регулирование этнополитических и этносоциальных процессов в Российской Федерации // Политическая наука. 2010. №1. С.46-75
295. Федякин А. Приоритеты государственной национальной политики в повестке дня Президента России // Вестник Российской нации, 2020 № 1, С. 40-56
296. Федякин А. Поиск форм территориально-политического устройства, моделей государственной национальной и региональной политики в российских конституционных проектах начала 1990-х гг. // Вестник Российской нации, 2022 № 4, С. 9-41

297. Федякин А. Приоритеты государственной национальной политики в повестке дня Президента России // Вестник Российской нации, 2020 № 1, С. 40-56
298. Фомин М.В., Смирнов О.О. Устойчивость пространственного развития регионов Сибири и Дальнего Востока России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. №1. С. 124-147
299. Хорошавин А.В. О роли Сахалинской области в устойчивом развитии Дальнего Востока России // Устойчивое развитие территории: от теории к практике: сборник материалов международной научно-практической конференции / Сост. Л. Н. Гринько, отв. ред. Е. Н. Лисицына. Южно-Сахалинск: СахГУ, 2010. С.5-7
300. Хромых А.С. Проблема «сибирского фронта» в современной российской историографии // *Magistra vitae*. 2008. № 5. С. 107-110
301. Черемин Н.Б., Рябков И.Ю. Этнополитические аспекты развития современных государств в эпоху глобализации на примере Российской Федерации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012. № 2. С. 177-183
302. Шабает Ю.П. Государственная национальная политика России: правовой и доктринальный уровни и их согласованность с региональными политическими практиками // Вестник Российской нации, 2018 № 3, С.15-37
303. Шовканов Д.А. Эффективность государственного управления в сфере межнациональных (межэтнических) отношений // *Этносоциум*, 2018 №2, С. 47-56
304. Шушпанова И.С. Особенности социально-политической устойчивости как фактор моделирования сценариев пространственного развития Сибири и Дальнего Востока России // Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума 5-7 ноября 2020 г., г. Симферополь. В 2-х т. Т.2 / Под общ. ред. Т.А. Сенюшкиной. Симферополь, 2021. С. 471-478.

305. Щеглов В.В. Влияние миграций на национальный состав населения Сахалинской области в 1990-е - начале 2000-х гг. // Труды ИИАЭ ДВО РАН. 2021. Том 33. С. 166-178
306. Юрченко И.В., Донцова М.В., Юрченко В.М., Юрченко Н.Н. Социальное доверие как фактор снижения этнополитической напряженности // Этносоциум, 2017 №12, С. 51-62
307. Ярулин И.Ф., Лобода О.В. «Новое» освоение Дальнего Востока: к постановке проблемы этнического сдвига // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2013, №4, С. 128-135

Периодические издания и Интернет-источники

308. Аверин Е. Дельная инициатива реализуема: По такому принципу строятся взаимоотношения сообщества коренных малочисленных этносов Сахалина и органов власти // Губернские ведомости, 10 января 2014
309. Аверин Е. Стежок для сувенира: благодаря государственной программе обновляется материально-техническая база народных промыслов // Губернские ведомости, 31 июля 2014
310. Аверин Е. Съезд пройдет впустую? // Советский Сахалин, 19 июля 2022
311. В г. Южно-Сахалинске обсудили Реализацию Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. 12 июля 2023 // <https://fadn.gov.ru/press-centr/news/v-g.-yuzhno-saxalinske-obsudili-realizacziyu-strategii-gosnac-politiki-rf-na-period-do-2025-goda>
312. Горбунов В. Прыжок через нарты: в Сахалинской области впервые прошел Дальневосточный гражданский форум «Народы. Религии. Общество», где обсуждались тонкости межнациональных отношений // Губернские ведомости, 27 июня 2017
313. Камушкова С. О правилах взаимопонимания // Губернские ведомости, 3 апреля 2012
314. Кочкаров А.А., Малинецкий Г.Г. Обеспечение стойкости сложных систем. Структурные аспекты. // <https://keldysh.ru/papers/2005/prep53/>

- prep2005_53.html#:~:text=Другими%20словами%2C%20стойкость%20–
%20это,время%20достижения%20системой%20предельного%20состояния
315. Мигранты едут на Сахалин: проблема или благо? // <https://citysakh.ru/news/66605>
316. Меры поддержки коренных народов Севера на Сахалине и Курилах: обзор Sakh.online 25 мая 2023 // <https://sakh.online/news/18/2023-05-25/mery-podderzhki-korennyh-narodov-severa-na-sahaline-i-kurilah-obzor-sakh-online-368788>
317. На Сахалине собрался совет по межнациональным отношениям. 5 Марта 2024 // <https://tia-ostrova.ru/news/politika/189058/>
318. Прокопенко З.В. Система устойчивого регионального развития и основы её формирования: концептуальный аспект / «НАУКОВЕДЕНИЕ». 2017 Том 9, №6 // <https://naukovedenie.ru/PDF/36EVN617.pdf>
319. Путин В. Россия: национальный вопрос. Независимая газета. 23.01.2012 // https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html?ysclid=ln7znc9ryb619273071
320. Сактаганов С. Политика без танцев: ведущий специалист страны по межнациональным отношениям предостерег островитян от «танцевально-пожарного подхода» к нацполитике // Губернские ведомости, 26 сентября 2019
321. Снегирева М. Стратегия согласия: соглашение с Ассамблеей народов России поможет укрепить межнациональные отношения на островах // Губернские ведомости, 7 февраля 2015
322. Сахалинская область в цифрах 2023-2024 гг. Краткий статистический сборник, Сахалинстат, 2025 // [https://65.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.3%20%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85%202023-2024\(1\).pdf](https://65.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.3%20%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85%202023-2024(1).pdf)

323. Сахалинская область в цифрах 2022-2023 гг. Краткий статистический сборник, Сахалинстат, 2024 // [https://65.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.3%20%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85%202022-2023\(1\).pdf](https://65.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.3%20%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85%202022-2023(1).pdf)
324. Сахалинская область в цифрах 2021-2022 гг. Краткий статистический сборник, Сахалинстат, 2023 // [https://65.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.3%20%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85%202021-2022\(1\).pdf](https://65.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1.3%20%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85%202021-2022(1).pdf)
325. Сахалинская область: цифры и факты (2020-2021 гг.) Краткий статистический справочник, Сахалинстат, 2022 // <https://65.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D1%8B%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B%202020-2021%D0%B3%D0%B3.pdf>
326. Сахалинская область: цифры и факты (2019-2020 гг.) Краткий статистический справочник, Сахалинстат, 2021 // <https://65.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/0IqPgMfK/1.3%20%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D1%8B%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B.pdf>
327. Сахалинская область: цифры и факты (2019-2020 гг.) Краткий статистический справочник, Сахалинстат, 2021 // <https://65.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/0IqPgMfK/1.3%20%D0%A1%D0>

%B0%D1%85%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D1%8B%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B.pdf

328. Сахалинская область: цифры и факты 2018-2019 гг. Краткий статистический справочник, Сахалинстат, 2020 // <https://65.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D1%8B%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B%202018-2019%20%D0%B3%D0%B3.pdf>
329. Сахалинская область: цифры и факты 2017-2018 гг. Краткий статистический справочник, Сахалинстат, 2019 // <https://65.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D1%8B%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B%202017-2018%D0%B3%D0%B3..pdf>
330. Сахалинская область в цифрах (2019-2023 гг.): Комплексный сборник/Сахалинстат. - Южно-Сахалинск, 2024 // <https://65.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A1%D0%B0%D1%85%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F%20%D0%BE%D0%B1%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%B2%20%D1%86%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%B0%D1%85%202019-2023%20%D0%B3%D0%B3.pdf>
331. Туровский Р.Ф. Региональная идентичность в современной России // <http://www.bastion.ru/files/eb/REGIDENT.DOC>
332. Ясько К. Овеянные ветрами и легендами: "Нам не нужны подачки. Дайте то, что положено по закону!" // Сахалин Р.С., 2018 № 11, С. 62-67

333. Антошкин С.А. Этнополитические процессы в Дальневосточном регионе Российской Федерации и их влияние на пограничную безопасность : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. М. 2010
334. Барышная Н.А. Этнополитические процессы на региональном уровне: анализ и управление : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. Саратов. 2007
335. Болотина И.И. Этнополитические процессы в современной России: институциональные и социокультурные факторы : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.05. Тула. 2022
336. Великанова И.Я. Совершенствование управления этнополитическими процессами в Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. М. 2010
337. Викулов А.М. Национальная политика в полиэтническом регионе Российской Федерации : автореферат дис. ... доктора социологических наук : 23.00.02. Саратов. 2004
338. Джаримок З.К. Политико-социальные основы устойчивого развития регионов России (на примере субъектов Южного федерального округа) : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. Ростов-на-Дону. 2007
339. Дин Ю.И. Корейская диаспора Сахалина и Курильских островов: проблемы интеграции в советское и российское общество (1945-2010 гг.) : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. Южно-Сахалинск. 2016
340. Ершов В.В. Социально-политическое развитие российского Дальнего Востока: соотношение геополитической и глобализационной стратегий : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. Санкт-Петербург. 2004
341. Завьялова М.Н. Межнациональные отношения в Российской Федерации и особенности их проявления в пограничном пространстве : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. М. 2015

342. Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России: историко-политологический анализ : автореферат дис. ... доктора политических наук : 23.00.02. М. 2003
343. Крицких В.В. Безопасность как фактор устойчивого развития российского общества: автореферат. дис. ... кандидата политических наук. Ставрополь. 2011
344. Кузин А.Т. История корейского населения российского Сахалина (конец XIX - начало XXI века) : автореферат дис. ... доктора исторических наук : 07.00.02. Южно-Сахалинск. 2011
345. Кузьмина О.В. Этнонациональная политика российского государства на рубеже XX - XXI вв. (региональный аспект) : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. Владивосток. 2010
346. Лапицкая И.Ю. Миграционные процессы как детерминанта трансформации социальной структуры: на материалах Дальневосточного федерального округа России : автореферат дис. ... кандидата социологических наук : 22.00.04. Санкт-Петербург. 2006
347. Маклашова Е.Г. Особенности управления полиэтническим сообществом в регионах Дальнего Востока России : автореферат дис. ... доктора социологических наук : 22.00.08. Хабаровск. 2019
348. Михайлова Н.В. Концептуальная эволюция национальной и федеративной политики в России: автореферат дис. ... доктора политических наук : 23.00.02. М. 2012
349. Морозова Н.М. Эффективность реализации государственной национальной политики Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. Н. Новгород. 2013
350. Паин Э.А. Этнополитические процессы в модернизирующейся России: Концепция нелинейного развития этнополитической интеграции : диссертация ... доктора политических наук : 23.00.02. М. 2004
351. Трусов М.А. Институциональные особенности регулирования межнациональных отношений в современной России : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. Екатеринбург. 2014

352. Шувалова И.К. Миграционные процессы на Дальнем Востоке России: социально-политический аспект : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.02. Владивосток. 2014

Источники и литература на иностранных языках

353. Brown M. Nationalism and Ethnic Conflict. The MIT Press, 1997
354. Cordell K., Wolff S. (eds.), The Ethnopolitical Encyclopaedia of Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004
355. Deutsch K. Nationalism and its Alternatives. New York, Knopf, Cop., 1969
356. Fowkes B. Ethnicity and Ethnic Conflict in the Post-Communist World. Palgrave, 2002
357. Foxall A. Ethnic Relations in Post-Soviet Russia. Routledge, 2014
358. Fundamental Theories of Ethnic Conflict. Explaining the Root Causes of Ethnic and Racial Hate / Edited by Muli wa Kyendo. The Syokimau Cultural Centre, 2019
359. Gellner E. Nations and nationalism. Cornell University Press, 1983
360. Hastings A. The Construction of Nationhood. Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge University Press, 1997
361. Hettne B., Inotai A. The new regionalism: implications for global development and international security. Helsinki: The United Nations Univ., 1994
362. Hobsawm E. Nations and Nationalism. Since 1780: Program, Myth, Reality. Cambridge. 1990
363. Hoffman A., Alamilla S., Liang B. The Role of Community Development in Reducing Extremism and Ethnic Conflict. Palgrave Macmillan, 2018
364. Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. University of California Press, 1985
365. Kolsto P., Blakkisrud H. (eds.), Nation-Building and Common Values in Russia. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2004
366. Lijphart A. Democracy in Plural Societies. New Haven: Yale University Press, 1977

367. Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939. Ithaca, NY and London: Cornell University Press, 2001.
368. Murphy A.B. Territorial Policies in Multiethnic States // Geographical Rev. 1989. Vol. 79, № 4.
369. Nationalism and national identities / Edited by M. Bulmer and J. Solomos. Routledge, 2012
370. Nationalism and exclusion of migrants. Cross-national comparisons / Edited by L. Hagendoorn, P. Scheepers, Mérove Gijsberts. Routledge, 2017
371. Rothschild Joseph. Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York: Columbia University Press, 1981
372. Salehyan Idean. New Directions in the Study of Ethnopolitics // Ethnopolitics, 2017 Vol. 16 Iss. 1, pp. 60-65
373. Smith A. Nations and Nationalism in a Global Era. Cambridge: Polity, 1995
374. Smith A. Nationalism: Theory. Oxford University Press, 2010
375. Schlee G. How Enemies Are Made. Towards a Theory of Ethnic and Religious Conflicts. Berghahn Books, 2014
376. Stone J., Rutledge D. (eds.). Race and Ethnicity: Comparative and Theoretical Approaches. Oxford: Blackwell, 2003
377. Tishkov V. Ethnicity, Nationalism and Conflict in and after the Soviet Union. The Mind Aflame. International Peace Research Institute, Oslo, 1996
378. Wimmer A. Nation Building. Why Some Countries Come Together While Others Fall Apart. Princeton University Press, 2018
379. Zisserman-Brodsky D. Constructing Ethnopolitics in the Soviet Union: Samizdat, Deprivation, and the Rise of Ethnic Nationalism. Palgrave Macmillan, 2023